Анатолій Александровъ.

I.

ПАМЯТИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

II.

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

къ Анатолію Александрову.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями

А. А. Александрова.

Сергіевъ посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

Анатолій Александровъ.

I.

ПАМЯТИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

II.

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

къ Анатолію Александрову.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями

А. А. Александрова.

Сергіевъ посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

Оттискъ изъ „Богословскаго Вѣстника“. Январь. 1915 г.

Памяти К. Н. Леонтьева.

I.

Къ издаваемымъ мною письмамъ ко мнѣ Константина Николаевича Леонтьева, считаю нелишнимъ присоединить нѣсколько страницъ, посвященныхъ его памяти.

Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто и сжатая канва для его біографіи, и краткій обзоръ его литературной дѣятельности, и краткія воспоминанія о моемъ съ нимъ знакомствѣ.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ—одинъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и въ высшей степени интересныхъ русскихъ писателей.

Интересенъ онъ и по своей яркой и разнообразной, кипучей и полной переворотовъ, необычайно богатой внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ жизни, и по столь многогранному и сложному и въ то же время столь цѣльному и простому въ своей основѣ міросозерцанію, и по особенностямъ своего оригинальнаго и смѣлаго, полнаго несокрушимой силы и тонкой, нѣжной граціи, литературнаго таланта, и по своеобразію своей литературной судьбы.

Происходя изъ стараго, но уже нѣсколько обѣднѣвшаго, дворянскаго рода, родился онъ 13-го января 1831 года въ родовомъ имѣніи отца—селѣ Кудиновѣ, Калужской губ., Мещовскаго уѣзда.

Онъ былъ самымъ младшимъ, послѣднимъ ребенкомъ у своей матери, и притомъ,—какъ разсказывалъ мнѣ самъ,—не былъ ею доношенъ, родившись не девяти, а всего семи

мѣсяцевъ,—„какъ Владиміръ Соловьевъ", прибавлялъ онъ. Опасаясь за его жизнь, его въ первые дни послѣ его рожденія подвѣшивали, завернувъ въ заячью шкурку, къ потолку бани, пока онъ не окрѣпъ.

Первоначальное домашнее воспитаніе получилъ онъ подъ руководствомъ своей матери Θеодосіи Петровны, урожденной Карабановой, отлично кончившей курсъ въ Петроградскомъ Екатериненскомъ институтѣ и лично извѣстной покойной императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Поступивъ затѣмъ въ кадетскій корпусъ, онъ вскорѣ перевелся изъ него въ Калужскую гимназію (въ 1841 г.). По окончаніи въ ней курса поступилъ (въ 1849 г.) въ Ярославскій Демидовскій Лицей; но тамъ тогда, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, „такъ мало занимались", что онъ „испугался и соскучился", и среди зимы того же года перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, поселившись въ домѣ своихъ московскихъ родственниковъ.

За годъ до полнаго окончанія университетскаго курса онъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ студентовъ, выразилъ желаніе, по случаю начала Крымской кампаніи, поступить на военно-медицинскую службу, и, сдавъ экзаменъ на степень лѣкаря (въ маѣ 1854 г.), отправился въ Крымъ военнымъ врачемъ. Но дѣятельность его въ качествѣ доктора продолжалась всего семь лѣтъ (1854—1861 г.г.): сначала онъ состоялъ врачемъ Бѣлевскаго егерскаго полка, затѣмъ младшимъ ординаторомъ Керчь-Еникальскаго и Θеодосійскаго военныхъ госпиталей и, наконецъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, сельскимъ и домашнимъ докторомъ въ нижегородскомъ имѣніи барона Д. Г. Розена.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ К. Н. Леонтьевъ мѣняетъ поприще медика на поприще дипломата, занимая въ теченіе десяти лѣтъ (1863—1873 г.г.) должности: сначала секретаря консульства на островѣ Критѣ, затѣмъ управляющаго консульствомъ въ Адріанополѣ, вице-консула въ Тульчѣ и, наконецъ, консула въ Янинѣ и Салоникахъ.

Столь блестяще начатая дипломатическая карьера обрывается удаленіемъ его на Аθонъ, гдѣ онъ въ уединеніи, подъ руководствомъ аθонскихъ старцевъ, проводитъ около года (въ 1871 г.).

Выйдя вскорѣ послѣ того въ отставку, онъ съ 1873 года

жилъ то помѣщикомъ на родинѣ, въ своемъ поэтическомъ Кудиновѣ, то послушникомъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, близъ Москвы, то въ Варшавѣ помощникомъ редактора газеты *Варшавскій Дневникъ*, а съ 1881 г. вновь поступаетъ на службу и поселяется въ Москвѣ уже цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета.

Въ 1887 г. К. Н. Леонтьевъ окончательно вышелъ въ отставку и поселился полу-помѣщикомъ, полу-монахомъ въ Оптиной Пустыни, снявъ у монастыря въ аренду отдѣльный домъ съ садомъ у самой монастырской стѣны.

Лѣтомъ 1891 г. онъ, съ благословенія извѣстнаго оптинскаго старца о. Амвросія, подъ духовнымъ руководствомъ котораго находился до самой его смерти, принялъ въ Оптиной Пустыни тайный постригъ съ именемъ Климента, и въ концѣ августа того же года переѣхалъ въ Сергіевъ Посадъ, въ Новую Лаврскую гостиницу, гдѣ 12-го ноября того же 1891 года скончался, и похороненъ близъ Троицкой лавры, въ Геѳсиманскомъ скиту, на кладбищѣ у церкви Черниговской Божіей Матери.

II.

Писать покойный К. Н. Леонтьевъ началъ очень рано. Еще будучи студентомъ, онъ принесъ на просмотръ самому знаменитому писателю того времени И. С. Тургеневу свои первые опыты. Тургеневъ отнесся къ начинающему писателю въ высшей степени внимательно и любезно, ободреніемъ своимъ и похвалой окрыливъ первые его литературные шаги. Но первыя студенческія произведенія Леонтьева,— драматическая пьеса „Женитьба по любви“ (1851 г.) и первыя главы повѣсти „Булавинскій Заводъ“ (1852 г.),—предназначенныя для петроградскихъ журналовъ—*Современникъ* и *Отечественныя Записки*, были запрещены цензурой и не вышли въ свѣтъ. Первымъ произведеніемъ его, появившимся въ печати, была повѣсть „Благодарность“, въ рукописи носившая названіе „Нѣмцы“. Напечатана она была въ 1854 г. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (литер. отд. №№ 6—10) за подписью ***. Литературнымъ воспріемникомъ ея, при появленіи въ печати, былъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковъ, отнесшійся къ юному автору съ не меньшимъ вниманіемъ и любезностью, чѣмъ И. С. Турге-

невъ, и,—какъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи покойный К. Н. Леонтьевъ,—въ знакъ особаго поощренія и трогательной ласки, самъ вынесшій ему первый литературный гонораръ его въ простомъ нитяномъ кошелькѣ, наполненномъ *золотомъ*.

К. Н. Леонтьевъ блестяще оправдалъ надежды своихъ литературныхъ воспріемниковъ,—и знаменитаго романиста, и знаменитаго публициста,—ставъ крупнымъ и въ высшей степени своеобразнымъ писателемъ и въ той и въ другой области.

Особеннымъ своеобразіемъ и красотой въ области беллетристики отличаются его повѣсти и разсказы изъ жизни на Востокѣ, печатавшіеся преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* М. Н. Каткова и затѣмъ вышедшіе отдѣльно, въ трехъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ жизни христіанъ въ Турціи". М. 1876 г. Центральное мѣсто среди нихъ по удивительной художественности, мастерству душевнаго анализа, необыкновенно тонкой, филигранной работѣ и прекрасному, кристально чистому языку занимаютъ „Воспоминанія загорскаго грека Одиссея Полихроніадеса".

Какъ публицистъ и писатель въ области религіозно-философской мысли, К. Н. Леонтьевъ необычайно оригиналенъ, самобытенъ и смѣлъ. Большинство статей его этого рода вошли въ сборникъ, названный имъ „Востокъ, Россія и Славянство". М. 1885—1886 г.г. Два тома. Наиболѣе крупная и по значенію и по размѣрамъ статья этого сборника—„Византизмъ и Славянство".

Совершенно особое мѣсто среди сочиненій К. Н. Леонтьева занимаетъ напечатанная первоначально въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1879 г., книги 11 и 12) и затѣмъ изданная отдѣльною брошюрой своеобразная статья біографическаго характера „Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной Пустыни", замѣчательная по тонкости и глубинѣ анализа человѣческой души вообще и монашеской въ особенности. Въ 1909 г. Шамординскій монастырь переиздалъ эту брошюру третьимъ изданіемъ. Значитъ, она расходится, имѣетъ свой кругъ читателей (всего скорѣе среди монашества и людей, имѣющихъ съ нимъ соприкосновеніе).

Изъ другихъ напечатанныхъ предварительно въ періодическихъ изданіяхъ статей его вышли при его жизни от-

дѣльными изданіями, кажется, лишь слѣдующія небольшія, но очень характерныя для его міросозерцанія брошюры: „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?“, „Наши новые христіане—Ѳ. М. Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой“ и „Наша національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“.

Въ 1912 г., т. е. по прошествіи уже болѣе 20 лѣтъ послѣ его смерти, вышла отдѣльною книгой очень интересная и цѣнная критическая статья его „О романахъ гр. Л. Н. Толстого“, напечатанная имъ ранѣе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (въ 1890 г.) и представляющая удивительно своеобразный и тонкій разборъ романовъ „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Очень интересны и цѣнны напечатанныя въ 1912 г. *Богословскимъ Вѣстникомъ* „Письма съ Аѳона“ К. Н. Леонтьева, сейчасъ же съ большою охотой перепечатанныя *Религіозно-Философскою Библіотекой* М. А. Новоселова, а раньше много лѣтъ остававшіяся погребенными въ архивѣ редакціи.

Наконецъ, съ того же 1912 г. стало было выходить „Собраніе сочиненій“ К. Н. Леонтьева, задуманное въ 12 томахъ. Вышло было 9 томовъ, но печатаніе Х-го пріостановилось, такъ какъ на всѣ изданія фирмы „Культура“,—въ томъ числѣ и на изданіе „Собранія сочиненій“ К. Н. Леонтьева,—наложенъ арестъ, и неизвѣстно, когда будетъ снятъ этотъ арестъ и будетъ ли изданіе доведено до конца.

Вообще литературная судьба К. Н. Леонтьева своеобразна и трагична. У него были при жизни, есть и теперь—отдѣльные восторженные поклонники, были при жизни, есть и теперь—даже небольшіе кружки горячихъ почитателей, ставящихъ его очень высоко; но большая публика, широкіе круги читателей—не знали его при жизни, не знаютъ и теперь, прямо не имѣли и не имѣютъ о немъ никакого понятія. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что онъ безстрашно и непреклонно плылъ „противъ теченія“, шелъ противъ господствовавшаго въ его время „духа вѣка“, за которымъ шла современная ему толпа. Часть противниковъ его, болѣе простодушная, искренно не понимала его,– до того ей рѣчи его казались странными и дикими; другая же часть, болѣе понятливая, намѣренно предпочитала не разъ уже испытанную предательскую тактику замалчиванія слишкомъ рискованному съ такимъ сильнымъ, какъ онъ, противникомъ, ак-

тивному отпору, открытому, честному бою, съ поднятымъ забраломъ. Къ тому же онъ былъ слишкомъ своеобразенъ и самобытенъ, слишкомъ, какъ говорится, „на свой салтыкъ“, чтобы примыкать къ какому-либо хоть сколько-нибудь видному направленію, хоть сколько-нибудь вліятельной партіи, чтобы имѣть въ нихъ поддержку. На него всѣ какъ-то покашивались даже изъ людей родственныхъ и близкихъ ему по убѣжденіямъ, пугаясь его необычайной порой смѣлости и кажущейся парадоксальности.

После смерти его, особенно въ послѣднее время, разговоры о немъ въ печати стали какъ будто болѣе частыми, но зато, къ сожалѣнію, нерѣдко и довольно вздорными: о мертвомъ можно говорить что угодно, рядить его въ какія угодно перья,—отпора отъ него не встрѣтишь. Пронеслось и стало даже какъ будто утверждаться сближеніе его съ Ницше, названіе его „русскимъ Ницше“. Этимъ, кажется, по старому холопству нашему предъ Европой, думали сдѣлать ему даже большой комплиментъ.

Но большой ли это комплиментъ или большая обида,—а большой интересъ къ К. Н. Леонтьеву въ широкихъ слояхъ русской читающей публики это вызвать во всякомъ случаѣ могло; могло, слѣдовательно, создать и спросъ на его сочиненія и познакомить, наконецъ, русскаго читателя съ *настоящимъ* К. Н. Леонтьевымъ, съ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не съ такимъ, какимъ его стали изображать его новые истолкователи. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени такого знакомства съ сочиненіями К. Н. Леонтьева быть не могло, потому что... достать ихъ было почти невозможно: ихъ до самаго послѣдняго времени не было въ продажѣ; они, кромѣ брошюры „О. Климентъ Зедергольмъ“, долго были библіографической рѣдкостью. Ихъ давно слѣдовало бы переиздать, но у наслѣдниковъ его не было средствъ, а издателей не находилось...

Удивительное, право, дѣло: на изданіе всевозможной вредной или, въ лучшихъ случаяхъ, совершенно безполезной умственной трухи и нерѣдко многотомнаго литературнаго хлама, ежегодно засоряющаго нашъ книжный рынокъ, издателей у насъ сколько угодно, а на изданіе сочиненій одного изъ самыхъ даровитыхъ и своеобразныхъ нашихъ писателей - издателей у насъ нѣтъ! И добродушная читающая

публика наша читаетъ и почитываетъ предлагаемый ей въ изобиліи литературный хламъ, до пресыщенія зачитываясь пресловутымъ европейцемъ Ницше, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ выброшеннымъ на русскій книжный рынокъ въ едва грамотныхъ и совершенно безграмотныхъ переводахъ, — имя и сочиненія его навязли у нея въ зубахъ, — а сочиненій одного изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ выразителей самобытной русской культурной мысли К. Леонтьева она не читаетъ, не знаетъ и не можетъ знать, — ихъ нѣтъ въ продажѣ; самаго имени его среди нея почти никто не знаетъ...

Странное положеніе, удивительно своеобразная и трагическая литературная судьба!

III.

Знакомство мое съ покойнымъ Константиномъ Николаевичемъ Леонтьевымъ относится къ семи послѣднимъ годамъ его жизни (1884—1891 гг.).

Встрѣтилъ я его въ первый разъ зимой 1884 г. на одной изъ „пятницъ“ покойнаго П. Е. Астафьева, бывшаго тогда завѣдующимъ университетскаго отдѣленія Московскаго Лицея, основаннаго знаменитымъ публицистомъ редакторомъ-издателемъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковымъ, бывшимъ въ мое время директоромъ Лицея, въ зданіи котораго (на углу Остоженки, близъ Крымскаго моста) имѣлъ квартиру П. Е. Астафьевъ, очень любимый лицейскими студентами.

Литературно-музыкальныя „пятницы“ П. Е. Астафьева, на которыхъ можно было встрѣтить представителей міровъ профессорскаго, писательскаго и артистическаго, бывали обыкновенно очень интересными и живыми, и охотно посѣщались студентами, имѣя для нихъ большое воспитательно-образовательное значеніе: будили мысль, облагораживали сердце, развивали вкусъ.

Мнѣ было тогда 23 года; я былъ студентомъ Лицея и частымъ посѣтителемъ „пятницъ“ Астафьева.

Нерѣдкимъ гостемъ этихъ „пятницъ“ бывалъ и К. Н. Леонтьевъ. Здѣсь прочелъ онъ подготовлявшіяся имъ въ то время къ печати воспоминанія о своихъ студенческихъ го-

дахъ и о знакомствѣ съ Тургеневымъ, а также начало своего романа „Двѣ избранницы“.

Кромѣ занятій литературною дѣятельностью, онъ былъ занятъ въ то время еще своею службой въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

К. Н. Леонтьева стоило увидѣть разъ, и образъ его неизгладимо врѣзывался въ память на всю жизнь.

Когда я впервые его встрѣтилъ, ему было 53 года. Несмотря на ясно начинавшіе уже сказываться слѣды разстроеннаго здоровья, это былъ все еще очень живой и бодрый, согрѣтый неистощимымъ пламенемъ внутренней энергіи человѣкъ съ отпечаткомъ благородной и красивой барственности, какъ въ изящныхъ, тонкихъ чертахъ лица, такъ и во всей его видной, представительной фигурѣ.

Умные, красивые каріе глаза, высокій, прекрасный лобъ, при взглядѣ на который невольно приходило въ голову выраженіе: „ума палата“, тонкій, правильный, словно искусно выточенный профиль, волосы въ скобку, съ проборомъ съ лѣвой стороны, хорошо сшитая русская поддёвка, которую онъ постоянно носилъ, не желая имѣть дѣла съ европейскимъ костюмомъ — привлекали къ нему общее вниманіе всюду, гдѣ бы онъ ни находился. Пріятный, громкій голосъ, интересная, живая, крайне своеобразная, самобытная рѣчь, полная яркихъ образовъ, неожиданныхъ, мѣткихъ сравненій, искрометнаго остроумія—довершали чарующее впечатлѣніе отъ него и окончательно дѣлали его центромъ общаго вниманія, особенно со стороны молодежи, болѣе отзывчивой и чуткой, чѣмъ старшее поколѣніе, успѣвшее сложиться и застыть въ иныхъ воззрѣніяхъ, часто совершенно противоположныхъ тому, что проповѣдывалъ онъ.

Для характеристики содержанія его проповѣди и впечатлѣнія ея на меня и моихъ товарищей позволю себѣ привести здѣсь стихотвореніе, посвященное ему мной послѣ перваго же моего съ нимъ знакомства.

Чародѣй.

Вокругъ него внимательной толпою
Стояли мы... Глаголъ его звучалъ,
Лился широкой, бурною рѣкою,
Небеснымъ громомъ грохоталъ.

XI

Громилъ онъ духъ мельчающаго вѣка
И отживающей Европы торжество,
И рабство русскаго предъ нею человѣка,
  Холопство давнее его.

Но онъ любилъ родимую Россію,
Онъ вѣрилъ ей и зналъ, что въ ней любить:
Онъ видѣлъ въ ней великаго Мессію,
  Грядущаго народы обновить.

Поклонникъ красоты, всего другого прежде
За прозу пошлую онъ съ вѣкомъ враждовалъ,
Въ религіи, въ характерахъ, въ одеждѣ,
  Въ исторіи—прекраснаго искалъ.

Глаголъ его могучій, непокорный
Былъ чуждъ погрязшей въ пошлости толпѣ,
Но чуткихъ юношей привлекъ сердца къ себѣ
  Онъ силой животворной.

И думалъ онъ: „Какъ старый чародѣй
„Передаетъ свое завѣтное искусство,
„Такъ я въ нихъ перелью мои мечты и чувства
  „Предъ смертью близкою своей!"

Москва. 1884 г.

Стихотвореніе это, послѣдняя строфа котораго представляетъ переложеніе его собственныхъ словъ, примѣненіе имъ къ себѣ извѣстнаго народнаго повѣрія о колдунѣ, черезъ П. Е. Астафьева дошло до него, понравилось ему, и съ тѣхъ поръ какъ я, такъ и товарищи мои стали частыми посѣтителями второго этажа темнокоричневаго деревяннаго двухъ-этажнаго дома Авдѣевой въ Денежномъ переулкѣ Пречистенки, гдѣ онъ тогда жилъ.

Бесѣды его дѣйствовали на насъ чарующе. Его же радовало, занимало такое отношеніе къ нему молодежи. Долгіе осенніе и зимніе вечера въ его квартирѣ летѣли, какъ волшебныя мгновенія...

Не любилъ онъ, когда кто-либо изъ насъ въ первую пору нашего знакомства съ нимъ, боясь утомить его долгимъ визитомъ, начиналъ поглядывать на часы, вынимая ихъ изъ своего кармана и собираясь встать и проститься.

— Оставьте вы въ покоѣ эту вашу европейскую машинку,—говорилъ онъ.—Я самъ скажу, когда вамъ надо будетъ уходить.

Такъ это впослѣдствіи и наладилось у насъ: мы сидѣли у него, ловя каждое его слово и совершенно не замѣчая времени, пока онъ самъ не объявлялъ намъ (часовъ въ 10, въ 11 вечера), что намъ пора уходить.

Принималъ онъ только по вечерамъ. На парадной двери его квартиры была даже надпись, что звонить съ этого хода можно только съ 7 часовъ вечера. Въ утренніе часы онъ никому не позволялъ его безпокоить: это были часы неприкосновенные, часы полнаго одиночества и работы; даже никто изъ домашнихъ не могъ входить къ нему безъ его зова. Зато ни по вечерамъ, ни по ночамъ онъ никогда не работалъ: ночь отдавалась имъ сну, вечеръ—общенію съ людьми. Если онъ самъ никуда не уѣзжалъ и никого у него не было, то онъ проводилъ вечера въ кругу своихъ домашнихъ.

Домашніе эти состояли изъ жены и слугъ. Дѣтей у него никогда не было.

Когда онъ былъ военнымъ врачемъ въ Крыму, онъ женился на крымской гречанкѣ, дочери мелкаго торговца въ Ѳеодосіи, дѣвушкѣ очень красивой, необыкновенно милой, доброй, жизнерадостной, полной природной поэзіи и граціи. Узнавъ ее въ позднѣйшіе годы ея жизни, когда у нея, послѣ перенесенной ею психической болѣзни, оставался лишь слабый слѣдъ всего прежняго, я храню о ней тѣмъ не менѣе самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ, взросломъ больномъ ребенкѣ, какою я ее зналъ. Елизавета Павловна Леонтьева, вдова Константина Николаевича, жива и до сихъ поръ. Она живетъ въ Орлѣ, при женскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ племянницей покойнаго мужа Маріей Владиміровной Леонтьевой на оставшуюся имъ послѣ него пенсію.

Слугъ у Леонтьева въ періодъ моего знакомства съ нимъ въ Москвѣ было трое: кухарка Таиса Семеновна, пожилая женщина, бывшая дворовая его матери, вывезенная имъ изъ имѣнія его с. Кудинова, Калужской губ., большую часть времени проводившая въ своей кухнѣ, затѣмъ горничная, молодая женщина Варя и молодой мужъ ея Александръ, служившій Константину Николаевичу главнымъ образомъ для посылокъ по разнаго рода порученіямъ; оба они по вечерамъ большую часть времени проводили у него въ комнатахъ и прислуживали при гостяхъ.

XIII

Слуги Леонтьева были не столько „слугами“ въ нашемъ современномъ смыслѣ, сколько „домочадцами“ въ старорусскомъ, домостроевскомъ пониманіи этого слова. Варю еще 12-лѣтнею дѣвочкой привела къ нему, когда онъ, вернувшись съ Востока, жилъ у себя въ Кудиновѣ (вскорѣ послѣ того, по нуждѣ, съ большою скорбью, имъ проданномъ), ея мать, бывшая крѣпостная его матери, прося его полѣчить ея больныя глаза. Тихая дѣвочка, такъ довѣрчиво, съ такою надеждой смотрѣвшая на него своими больными глазками и такъ покорно исполнявшая всѣ его предписанія, очень ему понравилась, и, вылѣчивъ ея глаза, онъ оставилъ ее у себя въ домѣ для услугъ. Такъ она у него въ домѣ и выросла, переѣхала съ нимъ въ Москву и отдана была имъ потомъ замужъ за приглянувшагося ей красиваго молодого парня Александра Пронина изъ подмосковной деревни Мазилова, гдѣ Константинъ Николаевичъ жилъ одно время на дачѣ.

Отношенія къ слугамъ (и вообще къ простонародью) Леонтьева, строгаго аристократа по убѣжденіямъ, горячаго проповѣдника сословности, были очень своеобразны, очень отличаясь, напримѣръ, отъ отношеній къ нимъ убѣжденнаго демократа гр. Л. Н. Толстого, которыя я имѣлъ возможность близко наблюдать, когда жилъ въ его домѣ въ Хамовникахъ, въ Москвѣ. Отношенія къ слугамъ (и къ простонародью вообще) гр. Л. Н. Толстого отзывались какою-то искусственностью, дѣланностью. Отношенія къ нимъ К. Н. Леонтьева были трогательно просты, задушевны; они были какъ-то особенно, на свой манеръ, патріархальны, строго-любовны, отечески-добродушны, барственно-человѣчны (если можно такъ выразиться). Онъ былъ очень требователенъ къ нимъ, пріучая ихъ къ строгому и аккуратному исполненію своихъ обязанностей, внимательному отношенію къ его привычкамъ и всему укладу его жизни, а также и усвоенію „хорошихъ манеръ“ (которымъ онъ училъ даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаяніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа). Но строгія замѣчанія его были въ то же время такъ отечески-добродушны и такъ остроумны, что положительно занимали ихъ, оживляли, подбодряли; къ тому же онъ съ такою сердечностью и добротой входилъ во всѣ нужды ихъ собственной жизни;

матеріальной и духовной, что окончательно плѣнялъ и покорялъ ихъ: они очень любили его, любовались имъ, гордились и были ему искренно преданы.

Къ большому огорченію нашего молодого студенческаго кружка, разстроенное здоровье заставило К. Н. Леотьева выйти въ отставку и весной 1887 года удалиться на покой въ Оптину Пустынь родной ему Калужской губерніи.

Онъ перевезъ туда съ собой и всѣхъ домашнихъ своихъ, всю „сборную", какъ онъ ее называлъ, семью свою.

Сначала онъ уѣхалъ въ Оптину Пустынь одинъ и поселился на первое время въ скиту ея; затѣмъ перебрался изъ него въ небольшой двухъэтажный домъ-особнякъ съ садомъ, расположенный сейчасъ же за монастырскою оградой, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустыни. Сюда выписалъ онъ и супругу свою Елизавету Павловну, и молодыхъ, вѣрныхъ слугъ своихъ Варю съ Сашей, принанялъ повара не изъ дорогихъ взамѣнъ Таисы Семеновны, оставшейся въ Москвѣ и поступившей тамъ въ богадѣльню, и мальчика изъ сосѣдней деревни Петрушу, въ помощь Варѣ, у которой пошли уже дѣти, и Сашѣ, которому прибавилось работы въ саду и по уходу за купленною недорогою лошадкой для катанья и рѣдкихъ поѣздокъ къ сосѣдямъ-помѣщикамъ (кн. А. Д. Оболенскому, кн. Вяземскому, Н. М. Бобарыкину, Кишкину и др.), и зажилъ здѣсь совершенно своеобразною, какою-то полу-монашескою, полу-помѣщичьею жизнью, полною религіозно-трогательной, милой и тихой поэзіи, и плѣнительной красоты патріархальнаго стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно-барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной государственной, общественной и литературной мысли.

Кромѣ мѣстныхъ монаховъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, у Леонтьева бывали иногда и гости, пріѣзжавшіе въ Оптину Пустынь болѣе или менѣе издалека: и какіе-то любознательные путешественники французы изъ Парижа, дивившіеся прекрасному знанію имъ французской исторіи („очень немногіе знаютъ ее такъ и во Франціи!" съ изумленіемъ говорили они), и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, и тогда еще товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода В. К. Саблеръ, и гр. Л. Н. Толстой, и Вл. С. Соловьевъ, и

И. Л. Щегловъ, и юные поклонники Константина Николаевича московскіе студенты, частію только что кончившіе, частію еще продолжавшіе свой курсъ.

Почти каждое лѣто, хоть не надолго, ѣздилъ въ Оптину Пустынь и я, пока тамъ жилъ Леонтьевъ, чтобы повидаться и побесѣдовать съ нимъ и благословиться у знаменитаго оптинскаго старца отца Амвросія.

Въ Оптиной Пустыни получилъ благословеніе и мой бракъ. Отецъ Амвросій, одобривъ мой выборъ, благословилъ и меня, и мою невѣсту. Леонтьевъ, бывшій сначала противъ моего брака, раздѣляя мнѣніе И. С. Тургенева, говорившаго, что поэтическая дѣятельность и бракъ—враги, подчинился рѣшенію старца, примирился съ моимъ бракомъ и сталъ относиться къ молодой женѣ моей такъ же сердечно и отечески-любовно, какъ и ко мнѣ.

Слѣдующее послѣ моего брака лѣто (1889 г.) я провелъ въ Оптиной Пустыни все цѣликомъ, остановившись съ женой въ монастырской гостиницѣ, но ежедневно обѣдая и цѣлые дни проводя у Константина Николаевича, то сидя съ нимъ въ его домѣ или на балконѣ, то гуляя съ нимъ по его милому саду или вѣковому бору, подступавшему къ самому монастырю, то катаясь съ нимъ на его лошадкѣ, то посѣщая вмѣстѣ съ нимъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и бесѣдуя, бесѣдуя, бесѣдуя съ нимъ безъ конца, или, точнѣе, заслушиваясь цѣлыми часами, летѣвшими какъ минуты, его интересныхъ живыхъ разсказовъ и горячихъ, вдохновенныхъ, крайне своеобразныхъ рѣчей, художественно яркихъ, увлекательно смѣлыхъ и удивительно остроумныхъ иллюстрацій къ его произведеніямъ, на темы религіозныя, философскія, литературныя, историческія и обще-житейскія, витая встрепенувшеюся мыслью въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, въ мгновеніе ока переносясь изъ вѣка въ вѣкъ, отъ государства къ государству, отъ народа къ народу, неустанно возвращаясь все вновь и вновь къ родимой Россіи, зорко вглядываясь въ ея судьбы и задачи, глубоко, всесторонне и тонко анализируя ихъ, пламенѣя жаждой неуклоннаго и неизмѣннаго слѣдованія съ ея стороны путемъ самобытной, православно-русской культуры велѣніямъ Бога...

Хорошее это было время въ моей жизни, и свѣтлыя, незабвенныя воспоминанія сохранились у меня о немъ! Я

только что кончилъ тогда курсъ университета, былъ оставленъ для подготовленія къ каѳедрѣ русскаго языка и словесности и только что женился. Поступленіе подъ духовное руководство оптинскаго старца отца Амвросія, дружба и частыя бесѣды, устныя и письменныя, съ такимъ человѣкомъ, какъ К. Н. Леонтьевъ, жизнь въ Москвѣ въ домѣ гр. Л. Н. Толстого, одному изъ сыновей котораго (Андрею), готовившемуся къ поступленію въ гимназію Л. И. Поливанова, я давалъ тогда, по желанію графини Софіи Андреевны, уроки по Закону Божію и географіи, и, наконецъ, занятія любимою наукой и первыя, юношески-благоговѣйныя выступленія на литературномъ поприщѣ—все это вносило въ мою жизнь яркое, цѣнное, богатое разнообразіемъ содержаніе, слѣды котораго неизгладимы и незабвенны...

Изъ эпизодовъ, ознаменовавшихъ собой пребываніе мое этимъ лѣтомъ въ Оптиной Пустыни, весьма характеренъ для К. Н. Леонтьева слѣдующій.

Начальникъ ремесленной школы Валерій Фелиціановичъ Мейсонеръ снялъ съ него фотографію (послѣдній портретъ его), и одна изъ сосѣднихъ помѣщицъ, жена предсѣдателя Калужской Земской управы Княгиня Марія Владиміровна Вяземская, молодая, милая, очень красивая, часто ѣздившая молиться въ Оптину Пустынь, просила Константина Николаевича подарить ей одну изъ фотографическихъ карточекъ съ какою-нибудь надписью.

Константинъ Николаевичъ просилъ меня написать вмѣсто него, отъ его лица, акростихъ на ея имя и фамилію—въ такомъ духѣ: „хотя ты и очень мила, но лучше всего то, что ты молишься. Не забывай же Бога никогда“.

На другой день я принесъ ему слѣдующее стихотвореніе:

Акростихъ княгинѣ М. В. Вяземской.

Мой другъ! Вы молоды, богаты красотою,
А я—старикъ... Мой путь ужъ недалекъ..
Ребенокъ милый Вы, ласкаемый судьбою,
Іюньскихъ дней душистый Вы цвѣтокъ;
Я—бѣдный, старый дубъ, надломленный грозою;
Вамъ отъ меня не стыдно взять урокъ.
Я знаю жизнь давно! Я видѣлъ скоротечность
Земной красы, кипѣнья юныхъ силъ..
Ему я самъ дань сердца заплатилъ...

XVII

Минуетъ все, мой другъ, и юность, и безпечность,
Сіяніе померкнетъ красоты,
Какъ облетаютъ пышные цвѣты...
А въ жизни есть одно, что прочно, неизмѣнно,—
Я вамъ скажу его: то—вѣры свѣтъ нетлѣнной...

31 іюля 1889 г.

Стихотвореніе это такъ понравилось Константину Николаевичу, что онъ, къ великому моему смущенію, поклонился мнѣ за него въ ноги.

Отдавъ каллиграфически переписать его и расцвѣтить первыя буквы каждой строки красками, онъ послалъ его затѣмъ съ нарочнымъ княгинѣ Маріи Владиміровнѣ.

Въ отвѣтъ на это стихотвореніе она вскорѣ прислала ему тоже стихотвореніе, посвященное ему и написанное, по ея просьбѣ и отъ ея имени, гостившимъ тогда въ Оптиной Пустыни Александромъ Петровичемъ Саломономъ (впослѣдствіи директоромъ Императорскаго Александровскаго лицея), гдѣ она сравниваетъ себя съ павиликой, обвивающей дубъ.

Лѣтомъ 1891 года К. Н. Леонтьевъ принялъ въ Оптиной Пустыни тайный постригъ съ именемъ Климента, и въ концѣ августа этого года, съ благословенія отца Амвросія, переселился изъ Оптиной Пустыни въ Троице-Сергіевскую лавру подъ руководство извѣстнаго старца Геѳсиманскаго скита отца Варнавы, келья котораго была у церкви Черниговской Божіей Матери.

Замѣчательно, что при разставаніи съ нимъ, на его грустное замѣчаніе: „Когда-то мы теперь увидимся!“ отецъ Амвросій, какъ передавалъ потомъ К. Н. Леонтьевъ, сказалъ ему, что они скоро, очень скоро увидятся. Этимъ старецъ предрекъ скорую свою и его кончину: 10-го октября 1891 г. скончался отецъ Амвросій, а 12-го ноября того же 1891 года не стало К. Н. Леонтьева.

Да и самъ Константинъ Николаевичъ предчувствовалъ свою кончину въ этомъ году. Вѣдь это былъ 1891 годъ, т. е. начало новаго десятилѣтія, а всѣ начала новыхъ десятилѣтій, съ самаго рожденія его въ 1831 г., были, по его наблюденію, ознаменованы неизмѣнно и непреложно очень важными для него, многозначительными и роковыми перемѣнами и переворотами въ его жизни. Но чего ждать ему теперь, отставному, постоянно больному, жившему на

покоѣ? Какого переворота? Какой перемѣны? Конечно, смерти, одной только смерти... И онъ ждалъ ее. Мысль о ней въ этотъ послѣдній годъ его жизни была съ нимъ неразлучна. Не разъ высказывалъ онъ ее и мнѣ. Но, видя его постоянно оживленнымъ и всѣмъ интересующимся, интереснымъ и остроумнымъ, какъ всегда, даже и физически чувствовавшимъ себя, повидимому, лучше, чѣмъ когда-либо въ последніе годы, не хотѣлось вѣрить, что смерть у него уже за спиной.

Да и ему самому не хотѣлось этому вѣрить, потому что не хотѣлось еще умирать. Въ высшей степени живой и общительный, всегда любившій жизнь и людей, не только какъ человѣкъ вообще, но и какъ мыслитель, находившій въ нихъ интересный матеріалъ для неустанной работы своей мысли, и, какъ чуткій художникъ и тонкій эстетикъ, умѣвшій видѣть прекрасныя стороны въ явленіяхъ жизни и наслаждаться ими, онъ въ послѣдніе годы свои имѣлъ еще и особыя причины интересоваться жизнью и желать хоть нѣсколько продлить ее.

Поворотъ „кормы родного корабля“, данный мощною рукой Державнаго Кормчаго, Императора Александра III, стоявшаго тогда у этой кормы, нѣкоторыя вѣянія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которымъ онъ не могъ не сочувствовать, нѣкоторыя теченія въ обществѣ, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть „добрыхъ признаковъ“, и, наконецъ, этотъ интересъ, это вниманіе къ его рѣчамъ столпившейся около него плеяды молодежи, кончившей курсъ ученія и готовившейся вступить въ жизнь или уже вступившей въ нее и дѣлавшей въ ней первые шаги,—все это занимало, интересовало и радовало его, такъ долго раньше почти совершенно одиноко плывшаго „противъ теченія“ и „вопіявшаго въ пустынѣ“.

Теперь стало возможнымъ и такое явленіе, какъ, напримѣръ, горячій интересъ къ нему тогда еще только начинавшаго свою литературную дѣятельность В. В. Розанова, узнавшаго о немъ изъ ссылокъ на его книги и краткихъ выдержекъ изъ нихъ въ статьяхъ талантливаго критика Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока). В. В. Розановъ энергично принялся за собираніе свѣдѣній о Леонтьевѣ и за поиски его книгъ, — отыскалъ ихъ, прочелъ, пришелъ въ

восторгъ и, узнавъ адресъ автора, послалъ ему восторженное письмо съ обѣщаніемъ подробнаго разбора его ученія (напечатаннаго сейчасъ же послѣ смерти Леонтьева въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1892 г., 1 и 2). Возможнымъ стало и появленіе въ журналѣ г-жи Аданъ *La Nouvelle Revue* (1889 г., 2) статьи о Леонтьевѣ француза Портье д'Аркъ (подъ псевдонимомъ Чернова), крайне благожелательной, а мѣстами и прямо восторженной и хотя и не лишенной нѣкоторыхъ недостатковъ, но во всякомъ случаѣ очень лестной. Возможенъ сталъ интересъ къ нему и исканіе личнаго съ нимъ знакомства и бесѣдъ со стороны упомянутаго выше лучшаго критика того времени Ю. Н. Говорухи-Отрока и извѣстнаго публициста Л. А. Тихомирова.

Вотъ почему именно теперь, въ этотъ, какъ онъ предчувствовалъ, роковой для него годъ, ему особенно не хотѣлось умирать, и онъ страстно, порывисто хватался за всякій предлогъ, за всякую тѣнь надежды пережить его—и тогда дожить, можетъ быть, до начала слѣдующаго десятилѣтія...

Десять лѣтъ, цѣлыя десять лѣтъ! Какъ много можно въ нихъ увидѣть, передумать, перечувствовать, пережить, а главное—сдѣлать, особенно при столь благопріятныхъ, повидимому, обстоятельствахъ! И сколько накопилось драгоцѣннаго матеріала въ опытѣ пережитыхъ годовъ, передуманнаго, перечувствованнаго, что безплодно, безъ пользы для другихъ придется унести въ могилу, и чѣмъ можно было бы еще сослужить службу Богу, Царю и Россіи, въ лицѣ ея молодежи, ея грядущихъ поколѣній, въ рукахъ которыхъ—ея будущее!

— Если я переживу этотъ годъ,—говорилъ онъ мнѣ,—я буду много работать, писать; а теперь, пока онъ не прошелъ, не могу, крылья связаны; подождите.

Не даромъ именно въ этомъ году онъ принялъ тайный постригъ: это было слѣдствіемъ частію предчувствія близкой смерти, частію желанія создать себѣ въ началѣ этого десятилѣтія какой-нибудь крупный переворотъ въ жизни, въ надеждѣ на возможность отсрочки на будущее самаго послѣдняго, неизбѣжнаго переворота въ ней, который онъ предчувствовалъ.

Переѣздъ послѣ того изъ Оптиной Пустыни въ Троицкую лавру объясняется также главнымъ образомъ попыткой его устроить себѣ возможность надежды на отсрочку.

XX

Но отсрочкѣ этой не суждено было быть... Умеръ Константинъ Николаевичъ отъ воспаленія легкихъ,—отъ той самой болѣзни, отъ которой, въ разговорѣ со мной, выражалъ желаніе умереть, предпочитая смерть отъ нея смерти отъ одной изъ старыхъ, затяжныхъ своихъ болѣзней (суженіе мочевого канала), мучительность смерти отъ которой онъ, какъ врачъ, хорошо зналъ.

Переѣхавъ изъ Оптиной Пустыни въ Троицкую лавру, онъ, имѣя въ виду, не торопясь, подыскать удобную квартиру въ Посадѣ, остановился пока въ Новой Лаврской гостиницѣ. Такъ какъ подходящей квартиры долго не находилось, то онъ рѣшилъ перезимовать въ гостиницѣ, и перешелъ внизъ, въ „графскій" номеръ (который назывался такъ потому, что въ немъ долго жилъ графъ М. В. Толстой, писатель по церковнымъ вопросамъ). Номеръ этотъ находился въ сторонкѣ, налѣво отъ лѣстницы, когда входишь въ гостиницу, и, перегороженный на нѣсколько комнатъ, представлялъ собой нѣчто въ родѣ отдѣльной квартиры. Номеръ былъ очень теплый: подъ нимъ, или почти подъ нимъ, какъ говорили тогда, находился котелъ парового отопленія.

Странное дѣло! На Константина Николаевича, всегда очень осторожнаго и предусмотрительнаго, нашло на этотъ разъ какое-то непонятное затменіе, и онъ поставилъ свой письменный столъ такъ, что кресло предъ нимъ пришлось довольно близко къ окну. Никого изъ домашнихъ его съ нимъ еще не было. Онъ жилъ совершенно одинъ съ недавно имъ нанятымъ въ Посадѣ слугой. И вотъ, сидя однажды за работой за письменнымъ столомъ на своемъ креслѣ, близъ окна, въ жарко натопленной комнатѣ, онъ (удивительная для него неосторожность!) почувствовалъ, что ему очень жарко, снялъ съ себя свою обычную суконную поддевку—и остался одѣтымъ очень легко. Слѣдствіемъ было воспаленіе легкихъ, отъ котораго онъ очень быстро сгорѣлъ. Болѣзнь продолжалась всего нѣсколько дней. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ онъ жаловался лишь на легкую лихорадку. Подоспѣвшая, однако, къ послѣднимъ днямъ его преданная ему Варя выписала изъ Москвы доктора, который хорошо зналъ его и постоянно лѣчилъ. Болѣзнь за это время успѣла, однако, такъ подвинуться впередъ, что докторъ могъ лишь признать положеніе его безнадежнымъ, о чемъ Варя сейчасъ же извѣстила меня телеграммой.

XXI

Когда Константинъ Николаевичъ лежалъ больной на своемъ предсмертномъ ложѣ, въ душѣ его шла страстная, полная трагизма борьба между жаждой жизни и необходимостью покориться неизбѣжному, шелъ кипучій, неустанный, немолчный прибой и отбой, приливъ и отливъ набѣгавшихъ другъ на друга, другъ друга смѣнявшихъ волнъ надежды и покорности. Проводившая эту ночь у его постели Варя разсказывала мнѣ, что, мечась въ жару, въ полу-сознаніи, въ полу-бреду, онъ то и дѣло повторялъ: „Еще поборемся!" и потомъ: „Нѣтъ, надо покориться!" и опять: „Еще поборемся!" и снова: „Надо покориться!"

Въ концѣ концовъ ему пришлось таки „покориться"... Предчувствіе не обмануло его: этотъ роковой годъ унесъ его изъ жизни.

Не выходя изъ области смутныхъ чувствъ и роковыхъ предчувствій и предзнаменованій, разскажу здѣсь кстати еще объ одной маленькой касавшейся его подробности. Странное ли это совпаденіе или таинственное предзнаменованіе, не знаю. Я разскажу лишь то, что было. Пусть каждый судитъ самъ.

Въ послѣднюю поѣздку мою къ нему въ Троицкую лавру онъ далъ мнѣ послѣднее свое порученіе на землѣ, послѣднюю „комиссію" свою, какъ онъ любилъ выражаться. Рѣшивъ остаться на зиму въ Лаврской гостиницѣ, онъ приступилъ къ устройству и отдѣлкѣ своего новаго помѣщенія по своему вкусу. Но это былъ вкусъ строгаго художника и тонкаго эстетика, въ глазахъ котораго подборъ въ сочетаніи цвѣтовъ, красокъ, игралъ весьма важную роль. На нижнюю часть оконъ ему нужно было повѣсить занавѣсочки, и занавѣсочки эти должны были быть непремѣнно нѣжно-голубого цвѣта,—только этого и никакого другого. Онъ просилъ меня достать ему марли этого цвѣта въ Москвѣ—и или привезти, или, если отъѣздъ замедлится, переслать ему. Порученіе его я исполнилъ, но съ исполненіемъ этимъ случилась нѣкоторая странность, нѣсколько меня смутившая... Взявъ съ собой жену, лучше меня знавшую толкъ въ этихъ вещахъ, я обѣгалъ съ нею чуть не половину Москвы, и нигдѣ такой марли найти не могъ. Наконецъ, въ одномъ мануфактурномъ магазинѣ на Петровкѣ намъ сказали, что марлю эту мы можемъ достать въ лавкѣ напротивъ. Мы вышли изъ магазина, взгля-

нули по направленію указанной намъ лавки, и остановились въ смущеніи: то была... гробовая лавка. Словно по инерціи, мы вошли въ эту лавку, спросили нужную намъ марлю, и намъ ее подали. Дѣлать нечего, пришлось взять. Марля была послана Константину Николаевичу; но повѣсить ее на окна Лаврской гостиницы уже не пришлось. Она могла пригодиться ему развѣ лишь для украшенія самаго послѣдняго на землѣ тѣснаго убѣжища, которое сейчасъ же вслѣдъ за полученіемъ ея пришлось заказывать.

Получивъ отъ Вари совершенно неожиданно телеграмму съ извѣстіемъ о безнадежномъ приговорѣ доктора, мы съ женой бросились въ Троицкую лавру...

Подходя къ номеру Константина Николаевича, мы встрѣтили выходившаго изъ этого номера духовника его, старца отца Варнаву, накунунѣ исповѣдывавшаго и причащавшаго его, а теперь заходившаго навѣстить его и проститься съ нимъ. Онъ сказалъ намъ, что онъ идетъ къ Богу примиреннымъ, очищеннымъ...

Отворивъ дверь, мы вошли къ Константину Николаевичу. Онъ уже былъ безъ сознанія. Мнѣ показалось, однако, что во взглядѣ, который онъ остановилъ на мнѣ, когда я къ нему подошелъ, на мгновеніе вспыхнуло сознаніе, и онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но уже не могъ. Мнѣ пришлось присутствовать лишь при послѣднемъ вздохѣ его.

Когда этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди его, лицо его успокоилось и просвѣтлѣло. Съ него слетѣли послѣднія тѣни земныхъ заботъ и тревогъ. Онъ понялъ теперь окончательно, что „надо покориться“. Онъ радъ былъ, что покорился. Онъ успокоился.

Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. А. Александрова.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка моя съ покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ относится къ 4½ послѣднимъ годамъ его жизни. Личное же знакомство наше продолжалось лѣтъ семь.

Въ первый разъ я встрѣтилъ К. Н. Леонтьева въ 1884 г. на одной изъ „пятницъ“ покойнаго П. Е. Астафьева, завѣдывавшаго въ то время университетскимъ отдѣленіемъ Катковскаго Лицея въ Москвѣ, въ которомъ я былъ тогда студентомъ. Астафьевъ читалъ намъ тогда философію. Но, живой, сердечный, удивительно чуткій и отзывчивый, истинно просвѣщенный и многосторонне образованный, человѣкъ истинно русскаго склада ума и характера, онъ вліялъ на насъ особенно благотворно не столько лекціями, сколько внѣ-лекціонными бесѣдами вообще и, между прочимъ, этими своими „пятницами“.

На этихъ „пятницахъ“ у Астафьева, кромѣ насъ, студентовъ, бывалъ кое-кто изъ писательскаго, профессорскаго, и артистическаго міра.

К. Н. Леонтьевъ служилъ въ то время цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ и время отъ времени печаталъ свои статьи и повѣсти въ нѣкоторыхъ изъ періодическихъ изданій. Познакомившись съ Астафьевымъ, онъ скоро подружился съ нимъ и сталъ нерѣдкимъ посѣтителемъ его „пятницъ“.

Своеобразная наружность Леонтьева, его истинно самобытный, крайне оригинальный, сильный и смѣлый умъ и пла-

менная, увлекательная рѣчь произвели на меня, какъ и на всѣхъ почти товарищей моихъ, студентовъ, съ первой же встрѣчи съ нимъ чарующее впечатлѣніе, вылившееся въ посвященное ему мною стихотвореніе „Чародѣй". Черезъ Астафьева стихотвореніе это дошло до Леонтьева, понравилось ему, и онъ пригласилъ меня бывать у него. Съ тѣхъ поръ я сталъ частымъ его гостемъ. Иногда и онъ самъ, преодолѣвая свои все усиливавшіеся физическіе недуги, поднимался на четвертый этажъ Лицея, въ мою скромную студенческую комнату, или, чтобы не подниматься ко мнѣ по лѣстницѣ, вызывалъ меня для бесѣды съ собой въ лицейскій садъ. Его же квартира въ Денежномъ переулкѣ Пречистенки, въ двухъ-этажномъ деревянномъ темнокоричневомъ домѣ Авдѣевой сдѣлалась скоро настоящей аудиторіей, куда въ долгіе осенніе и зимніе вечера спѣшили мы послушать этого удивительнаго, ни на кого другого не похожаго старика съ сильнымъ, острымъ, гибкимъ умомъ, чуткимъ, добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ и громовою, огненною, смѣлою, своеобразною рѣчью. Живая, чуткая молодежь интересовалась имъ и понимала его гораздо больше, чѣмъ его сверстники,—и это очень радовало его и занимало.

Къ сожалѣнію, этимъ живымъ бесѣдамъ нашимъ съ нимъ и своеобразнымъ вдохновеннымъ лекціямъ его намъ, или, точнѣе, горячей личной проповѣди и завѣтамъ его молодежи скоро пришелъ конецъ. Разстроенное здоровье заставило К. Н. Леонтьева въ 1887 г. выйти въ отставку и удалиться изъ Москвы на покой въ Оптину Пустынь Калужской губерніи.

Съ переѣздомъ его въ Оптину Пустынь и начинается моя съ нимъ переписка. Къ этому времени я уже окончилъ университетскій курсъ, и, дописывая кандидатское сочиненіе, рѣшалъ вопросъ о дальнѣйшемъ жизненномъ пути своемъ. Думамъ и заботамъ объ этомъ, съ просьбой совѣта, и посвящено первое мое письмо къ К. Н. Леонтьеву, отвѣтомъ на которое и служитъ первое изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ его ко мнѣ.

Письма Леонтьева дышатъ такимъ самобытнымъ, оригинальнымъ умомъ, такою глубиной религіознаго чувства, трогательною, плѣнительною добротой и сердечностью, чарующею искренностью, живостью, отзывчивостью, такъ литера-

турно, хорошо написаны, до того полно иной разъ отражаютъ его сложную, живую, впечатлительную, страстную душу, со всѣми ея особенностями, что обнародованіе ихъ будетъ, думается мнѣ, далеко не лишнимъ вкладомъ въ собраніе матеріаловъ для изученія этого интереснаго, своеобразнаго и почти совершенно у насъ до сихъ поръ не разъясненнаго и не разгаданнаго человѣка и писателя.

Анатолій Александровъ.

Письмо I.

24 іюля 1887. Оптина Пустынь. 6 часовъ вечера.

Александровъ, мой добрый и милый другъ, всего *одинъ часъ* тому назадъ я получилъ Ваше письмо — и, благодаря проливному дождю и полнѣйшему досугу, сажусь тотчасъ же Вамъ отвѣчать, по порядку на всѣ вопросы Ваши [1]).

Прежде всего, одобряю ли я Ваши планы — *профессорство* и т. п.?—И да, и нѣтъ. И правда, что лучше всего *въ основаніи* положиться на волю Божію [2]); но такъ какъ вопросъ этотъ такъ называемый „средній" (т. е., въ немъ нѣтъ ни прямого грѣха, ни прямого „спасенія"), то выборъ можетъ зависѣть отъ нашихъ наклонностей и выгодъ [3])...

---

[1]) Только что окончивъ университетскій курсъ, я въ это время стоялъ въ раздумьи, подобно путнику въ старой сказкѣ, на распутьи жизненныхъ дорогъ. Успѣвъ уже въ достаточной степени полюбить и оцѣнить покойнаго К. Н., я и обратился къ нему въ письмѣ своемъ съ нѣкоторыми „вопросами" по этому поводу. Трогательная отзывчивость, сердечность, чуткость и вдумчивость его отвѣта, горячая готовность прійти на помощь не словомъ только, но и дѣломъ—заставили меня оцѣнить и полюбить его еще больше,—и между нами завязалась съ тѣхъ поръ дѣятельная переписка, которая продолжалась до самой его смерти. *Ан. Ал—овъ.*

[2]) и [3]) Вопросъ: какъ же узнать эту волю Божію? Конечно, когда дѣло идетъ о выборѣ между грѣхомъ явнымъ и воздержаніемъ или добродѣтелью, то на это есть заповѣди, всѣмъ извѣстныя, и, сверхъ того, въ сочиненіяхъ аскетическихъ писателей (Варсонофія Великаго, Аввы Дороѳея, Іоанна Лѣствичника) не только монахъ, но и мірянинъ можетъ найти много полезныхъ для себя указаній и частныхъ оттѣнковъ, дополняющихъ основныя правила Христіанства. Я полагаю, что не слѣдуетъ

Теперь, конечно, и Вамъ извѣстно, что Катковъ 20 іюля

раздѣлять слишкомъ рѣзко монашесто отъ свѣтскаго христіанства, какъ дѣлаютъ многіе, употребляя слово „аскетизмъ“ только въ смыслѣ стремленія къ наивысшему отреченію. Вся теорія Христіанства основана прежде всего *на отреченіи вслѣдствіе страха Божія и въ надеждѣ на вѣчное блаженство,* долженствующее вознаградить насъ за это отреченіе. Ап. Павелъ говоритъ, что еслибы у христіанъ не было надежды на вѣчную жизнь, то они были бы самые несчастные изъ людей (къ Коринѳ. I, 19). *Требованія отъ нихъ велики. Аскія* значитъ по-гречески *борьба, подвигъ.* Аскетъ—подвижникъ, борющійся. Если мірянину, напр., женатому перестала нравиться его жена, и даже по временамъ ненавистна ему, а онъ, *молясь Богу и призывая его на помощь,* не оставляетъ ея, для примѣра дѣтямъ или для избѣжанія прелюбодѣянія съ той и другой стороны, то развѣ это не тяжкое, не ужасное иногда отреченіе? не подвигъ о Христѣ? Это—подвигъ, можетъ быть, несравненно большій, чѣмъ многіе монашескіе,—особенно для человѣка съ воображеніемъ и съ изящными вкусами. Монашеское одиночество не пошло, а холодная дюжинная семья будетъ нетерпимо пошла, если ея прозу не озаряетъ, такъ сказать, хоть изъ темнаго уголка въ домѣ лампада чистой, искренней вѣры. „Богу такъ угодно,—потерпимъ даже и прозу, и пошлость, и возблагодаримъ его, что еще *не хуже!*“ Такихъ примѣровъ изъ мірской жизни можно бы привести много. Поэтому и понятно, что чтеніе Житій Святыхъ и аскетическихъ писателей нужно и свѣтскому христіанину точно такъ же, какъ и монаху.

Вообще это такъ,—но какъ узнать волю Божію, когда дѣло идетъ о выборѣ занятій, объ образѣ или мѣстѣ жизни и т. п.? Тутъ нѣтъ ни грѣха, ни добродѣтели; но каждому желательно поступить такъ чтобы не каяться потомъ съ *житейской,* съ *практической* точки зрѣнія. (Каяться въ грѣхахъ надо постоянно, ибо, присмотрѣвшись лучше, мы увидимъ, что ежеминутно грѣшимъ,—это другое дѣло!). Желательно, 1) чтобы *мнѣ было полегче* (ибо и безъ новыхъ и новыхъ нашихъ ошибокъ жизнь трудна), а 2) чтобы избранный мною *своевольно* путь, какъ будто и невинный самъ по себѣ, не привлекъ бы меня къ какой-нибудь непредвидимой безднѣ грѣха. Вотъ тутъ-то и важно *благословеніе* духовника или старца высокой жизни. Я признаю за нимъ особую благодать Духа Святаго, которой у меня нѣтъ, при всей моей образованности и опытности. Мы часто воображаемъ, что дѣйствуемъ *по разуму,* а потомъ начинаемъ понимать, что этимъ разумомъ руководило ошибочное пристрастіе. А когда, обдумавши самъ свое дѣло и взявши, между прочимъ, въ разсчетъ всѣ эти мои вкусы и пристрастія, я даю съ вѣрой разсѣчь сложный узелъ моего разсужденія лицу духовному, то выходитъ вотъ что: или дѣло удаётся,—я очень радъ; или не удается,—мнѣ больно, но я утѣшенъ мыслію, что я послѣдовалъ волѣ Божіей и что Господь ведетъ все это къ лучшему. При свиданіи, я разскажу Вамъ нѣсколько примѣровъ изъ моей жизни и изъ жизни знакомыхъ. *К. Леонтьевъ.*

скончался [4]), и полезенъ Вамъ въ этомъ отношенiи уже быть не можетъ [5]).

Что касается до меня, то будьте, мой дорогой другъ, увѣрены, что, лишь бы у меня были силы и случай и лишь бы меня послушали, я буду за Васъ хлопотать, напр., у И. Д. Делянова; *если обстоятельства позволятъ*, то я, минуя даже Т. И. Филиппова (не надо и его безъ крайности обременять), обращусь и письменно и прямо съ ходатайствомъ за Васъ къ министру Народнаго Просвѣщенія. Мнѣ *кажется*, что онъ *повѣритъ мнѣ*. Помните только, во избѣжаніе недоразумѣній, что я *подчеркнулъ* слова: „если обстоятельства позволятъ“... Какія именно, здѣсь распространяться не стану, а дальше.

Хорошо ли поэту быть профессоромъ, даже и отечествен-

---

[4]) *Не знаю:* велика ли потеря для всѣхъ насъ смерть Каткова? Нельзя, разумѣется, не писать и не говорить публично, что утрата велика. Онъ былъ истинно великій человѣкъ, и слава его будетъ расти. Надо воздавать ему должное. Но я спрашиваю у себя вотъ что: 1) Должны ли мы заботиться объ укрѣпленіи Православной Церкви, несмотря на то, что послѣднія времена, по всѣмъ признакамъ, близки? Конечно, должны. Надо приготовить паству для послѣдней борьбы. 2) Что важнѣе всего для этой цѣли? Важнѣе всего, чтобы учительствующая часть Церкви, т. е. іерархія Православная стояла въ уровень вѣка не только по учености, но и по воспитанію и по всему. Надо, чтобы, сверхъ того, у духовенства было больше самобытной власти. 3) Есть ли надежда на это? *Есть.* Церковь можетъ жить (т. е. мѣняться) въ частностяхъ, оставаясь неподвижной въ основахъ; на жизнь ея (земную) имѣетъ большое вліяніе положеніе духовенства и другія историческія условія. Православная Восточная Церковь *никогда еще не была централизована;* а запрета ей быть таковою нигдѣ нѣтъ. Взятіе Царьграда дастъ возможность сосредоточить силу и власть іерархіи, хотя бы и въ формѣ менѣе единоличной, чѣмъ на Западѣ, а болѣе *соборной.* 4) При чемъ же тутъ Катковъ? *Онъ былъ жестокій противникъ* этой централизаціи; въ частныхъ бесѣдахъ упрекалъ меня и Филиппова за такое желаніе; а въ печати молчалъ *пока*, ограничиваясь постоянной травлей греческаго духовенства, которое, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, болѣе нашего способно будетъ, по историческимъ привычкамъ своимъ, къ властной роли. Онъ *заранѣе*, очень обдуманно старался унизить его въ глазахъ русскихъ читателей. Поняли? Sapienti sat! *К. Леонтьевъ.*

[5]) М. Н. Катковъ къ желанію моему готовиться къ магистерскимъ экзаменамъ по исторіи русской словесности отнесся съ большимъ участіемъ и тронувшей меня сердечностью, предложивъ у себя въ Лицеѣ до окончанія экзаменовъ комнату, столъ и пользованіе библіотекой. Со смертію его это, разумѣется, осуществиться уже не могло. *Ан. Ал—въ.*

ной литературы? Не знаю. Кажется, что нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, наши всѣ лучшіе поэты были или чиновники (Грибоѣдовъ, Майковъ, Полонскій), или офицеры (Лермонтовъ, Ден. Давыдовъ, Фетъ смолоду), или просто помѣщики (Пушкинъ, тотъ же Фетъ, Ал. Толстой). Профессора ни одного не знаю. Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь глубокой психологической несовмѣстимости,—необъяснимой, если хотите, но всет-аки *возможной,* судя по этимъ фактамъ? [6]) Это одна сторона дѣла.— А другая вотъ какая. Я *вѣрю* въ Ваше призваніе; вѣрю уже потому, что тамъ, гдѣ сюжетъ у Васъ *особый,* свой собственный, касающійся вполнѣ индивидуальнаго явленія, тамъ Вы торжествуете и обнаруживаете большую силу. Таковы всѣ Ваши посвященія: П. Е. Астафьеву, Каткову, Фету, мнѣ. Здѣсь Вы *вынуждены предметами вдохновенія* не напоминать никого. Все же остальное у Васъ до сихъ поръ (даже и очень милый „Щавель“) не имѣетъ никакой самобытности (т. е. стоющей *большого* вниманія) и слишкомъ ужъ напоминаетъ сороковые и тридцатые годы; конечно, это лучше, чѣмъ шестидесятые и семидесятые; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Ваши стихи поскорѣе пріобрѣли такую рѣзкую печать индивидуальности, чтобы сразу можно было узнавать Васъ, какъ можно узнавать Фета (*прежняго,* разумѣется) или Кольцова. *Будетъ ли это или нѣтъ, не знаю еще.* Полное созрѣваніе таланта зависитъ отъ многаго, помимо непосредственныхъ силъ дарованія; надо, чтобы окружающая жизнь дала бла-

---

[6]) Пофессура и поэзія... До сихъ поръ не было *у насъ.* На Западѣ—не помню. Кажется, тоже не было. (Байронъ, Гете, Шиллеръ, Альфр. де Мюссе, В. Гюго, Гейне, Беранже, Ламартинъ---профессорами не были). Но то, что невозможно было въ одну эпоху, можетъ стать возможнымъ въ другую. Въ первую половину этого вѣка (да и позднѣе) у насъ въ Россіи хорошими поэтами могли быть только *дворяне* (за исключеніемъ Кольцова и Никитина, которые зато были почти мужики); изъ людей „средняго“ положенія, изъ разночинцевъ, семинаристовъ и т. п.—и до сихъ поръ я еще не вижу ни одного дѣйствительно стоющаго вниманія; но все-таки теперь (вслѣдствіе, впрочемъ, того же *смѣшенія,* которое рано или поздно убиваетъ все) я полагаю это болѣе возможнымъ. Не такъ тяжелы и сѣры, какъ прежде, стали эти „средніе“ люди. Можетъ быть, и профессура не помѣшаетъ въ наше время. (Жуковскій былъ *почти* профессоромъ; но онъ былъ учителемъ *Наслѣдника при Дворѣ...* Это разница!). *Припѣвъ:* а все-таки о. о. Амвросій и Варнава и въ такомъ вопросѣ *полезнѣе* меня. Я—млеко; они—твердая пища. *К. Леонтьевъ.*

гопріятное для этого созрѣванія содержаніе; надо еще, чтобы собственная жизнь поэта сложилась такъ, чтобы ему *хотѣлось пѣть*. А иначе онъ сохранитъ и пониманіе поэзіи, какъ въ самой жизни, такъ и въ искусствѣ, но *пѣть* все-таки не станетъ [7].

Вы пишете о своемъ сердцѣ: „мое мягкое и глупое сердце“... Вамъ жаль Вашихъ бѣдныхъ родныхъ, и Вы не хотите забыть ихъ для какихъ-то „воздушныхъ замковъ“... Я, другъ мой, вѣрьте, понимаю ваши чувства, столь благородныя и искреннія, — и, если бы мы были теперь вмѣстѣ, я бы могъ привести Вамъ изъ собственной жизни примѣры той самой борьбы поэзіи съ моралью, о которой Вы говорите. Сознаюсь, у меня часто брала верхъ *первая*, не по недостатку *естественной* доброты и честности (онѣ были сильны отъ природы во мнѣ), а вслѣдствіе *исключительно эстетическаго міровоззрѣнія*. Гёте, Байронъ, Беранже, Пушкинъ, Батюшковъ, Лермонтовъ, самый этотъ теперь столь дряхлый Аѳ. Аѳ. Шеншинъ (Фетъ) и даже древніе поэты, съ духомъ которыхъ я былъ знакомъ по переводамъ и критическимъ статьямъ, съ этой стороны въ высшей степени развратили меня. Да и почти всѣ (самые лучшіе именно) поэты — за исключеніемъ развѣ Шиллера и Жуковскаго — (надо христіанину имѣть смѣлость это сказать!)—глубокіе развратители въ эротическомъ отношеніи и въ отношеніи гордости (Петръ Евгеніевичъ [8]) взбѣсился бы на меня за это, но вѣдь это правда,—что дѣлать!). И если, *наконецъ*, старѣе я сталъ (послѣ 40 лѣтъ) предпочитать мораль—поэзіи, то этимъ я обязанъ, право, не годамъ (не вѣрьте, что старость *одна* можетъ морализировать: нерѣдко, напротивъ того, она изощряетъ въ развратѣ; примѣровъ—даже историческихъ—бездна), — не старости и болѣзнямъ я обязанъ этимъ, но *Аѳону*, а потомъ *Оптиной*... Изъ человѣка съ широко и разносторонне развитымъ воображеніемъ только *поэзія религіи* можетъ вытравить *поэзію изящной безнравственности*...

Если я, по характеру несравненно болѣе Васъ легкомыс-

---

[7]) Мысль очень глубокая сама по себѣ, а по отношенію меня оказавшаяся и пророческою; моя послѣдующая жизнь сложилась такъ, что, кажется, навсегда отбила отъ пѣсенъ... *Ан. Ал—въ.*

[8]) Астафьевъ. См. „Предисловіе“. *Ан. Ал—овъ.*

ленный, по первоначальнымъ условіямъ общественнымъ и семейнымъ гораздо болѣе Васъ избалованный и развращенный, почувствовалъ, наконецъ, потребность болѣе строгой морали, то тѣмъ болѣе, какая же возможность Вамъ забывать *мораль*, Вамъ съ Вашей серіозностью, съ Вашей глубиной сердечной, при тѣхъ суровыхъ требованіяхъ, которыя со стороны семейной съ такихъ раннихъ лѣтъ предъявляетъ къ Вамъ судьба! Я былъ бы не только очень грѣшный, но и скверный человѣкъ, самый скверный, если бы я сталъ внушать Вамъ что-нибудь другое, зная навѣрное, что слова моего поистинѣ огромнаго житейскаго опыта не пройдутъ безслѣдно для Вашей впечатлительной души. Если я, при моемъ врожденномъ легкомысліи, до сихъ поръ не могу простить себѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ давнихъ сознательно жестокихъ и преднамѣренно сухихъ поступковъ (когда я *во имя поэзіи* жертвовалъ добротой, состраданіемъ, честностью и т. д.), то Вы, такой *серьозно-хорошій* человѣкъ—да Вы не будете никогда покойны и проклянете себя, если для этихъ „воздушныхъ замковъ“ забудете мораль.—Но какъ же быть? Поэзія жизни обворожительна, мораль очень часто—увы!—скучна и монотонна... *Вѣра, молитва, Церковь, поэзія религіи Православной со всей ея обрядностью и со всѣмъ аскетическимъ „коррективомъ“ ея духа*—вотъ единственное средство опоэтизировать прозу семейной морали [9]), вотъ лучшее противоядіе тонкому яду поэзіи героической и любовной.

---

[9]) Семья и семья—разница... Какая? Мать, отецъ, сестры и т. д.—не Вами избранная, а Богомъ данная, *готовая* съ дѣтства, независимо отъ воли Вашей, или жена и свои дѣти—Вами избранная, а Богомъ только благословенная,—*которая для поэта лучше*? Конечно, первая (т. е. такая, какая у Васъ теперь) въ 10 разъ для художника лучше. Если вообразить себѣ человѣка, который *съумѣлъ бы* воздержать себя вовсе отъ блуда (какъ съумѣлъ покойный К. С. Аксаковъ) или хоть рѣшительно стремиться къ этому, и при этомъ, развивая свой даръ стихотворства, дань морали платилъ бы строго, поддерживая бѣдныхъ родныхъ и не связывая себя новой семьей (которая и отъ помощи отцу съ матерью и отъ стиховъ отобьетъ), то такой человѣкъ былъ бы *героиченъ*; а чѣмъ самъ себя втайнѣ поэтъ представляетъ поэтичнѣе, тѣмъ ему лучше пишется, искреннѣе, горячѣе... Добродѣтельный молодой поэтъ, неусыпно помогающій роднымъ — это что - то особое и высокое! Просто женатый и обремененный дѣтьми человѣкъ, исполняющій недурно свои обязанности мужа и отца—это, слава Богу, не рѣдкость, но едва ли для поэзіи выгодно. Впрочемъ, это такой глубокій вопросъ, который я могу только

Знаете ли Вы, что я двѣ самыя лучшія свои вещи, романъ и не—романъ („Одиссея“ и „Византизмъ и Славянство“) написалъ *послѣ* $1^1/_2$ *года обращенія съ Аѳонскими монахами*, чтенія аскетическихъ писателей и *жесточайшей* плотской и духовной борьбы съ самимъ собою? (Съ ужасомъ и благодарностью я вспоминаю теперь объ этихъ жестокихъ и возвышающихъ сердце временахъ!). Запаса живыхъ впечатлѣній, мечты о роскоши житейской и т. п. молитва и строгость міровоззрѣнія въ молодомъ человѣкѣ и мірянинѣ не убьютъ,—онѣ только урегулируютъ ихъ. Но надо доходить скорѣе до того, чтобы Іоаннъ Лѣствичникъ больше нравился, чѣмъ Ѳ. М. Достоевскій... Нужно дожить, дорасти до *дѣйствительнаго* страха Божія, до страха почти *животнаго* [10]) и

анализировать, а синтезъ практическаго выхода долженъ, опять-таки скажу, принадлежать *не мнѣ*, а *духовному лицу. К. Леонтьевъ.*

[10]) Страхъ животный унижаетъ *какъ будто* насъ. Тѣмъ лучше—унизимся предъ Богомъ; черезъ это мы нравственно станемъ выше. Та *любовь къ Богу, которая до того совершенна, что изгоняетъ страхъ*, доступна только очень немногимъ; даже изъ тѣхъ святыхъ, которыхъ житія Вы, конечно, оставили всѣ въ Москвѣ (по внушенію дьявола), очень немногіе позволяли себѣ говорить то, что позволилъ себѣ сказать Антоній Великій: *„Я Бога теперь ужъ такъ люблю, что и не боюсь Его“*. Сказалъ онъ это послѣ такихъ испытаній и искушеній, что намъ и подумать страшно. А то, что многіе изъ насъ считаютъ въ себѣ любовью къ Богу, весьма несовершенно и обыкновенно безплодно безъ помощи и примѣси страха (Божія). Я до 1871 года, до моей поѣздки на Аѳонъ, очень любилъ и сердцемъ и воображеніемъ Православіе, его богослуженіе, его исторію, его обрядность; любилъ и Христа; чтеніе Евангелія изрѣдка и тогда, при всемъ глубокомъ развратѣ моихъ мыслей, меня сильно трогало. Любилъ и любовь къ ближнимъ, въ смыслѣ состраданія, снисхожденія, благотворительности, но за то и въ смыслѣ сочувствія всякимъ страстямъ: честолюбію, сладострастію, во многихъ случаяхъ даже и личной жестокости. Любилъ *своевольно*, безъ *закона* и страха; а когда въ 1869, 70 и 71 годахъ меня поразили одинъ за однимъ ударъ за ударомъ, и здоровье само вдругъ пошатнулось (и все это въ такое время, когда я часто говорилъ: „Надо *умѣть* быть счастливымъ! Я счастливъ, потому что *умѣю* наслаждаться жизнью; а дураки не умѣютъ!“), тогда я испыталъ вдругъ чувство безпомощности моей передъ невидимыми и карающими силами, и ужаснулся до простого животнаго страха, *тогда только я почувствовалъ себя въ своихъ глазахъ* въ самомъ дѣлѣ униженнымъ и нуждающимся не въ человѣческой, а въ Божеской помощи. И хотя и теперь я нахожу въ себѣ и вѣру, и страхъ Божій, и любовь *весьма* несовершенными, по множеству ежедневныхъ примѣровъ, но все-таки путь за эти *16 лѣтъ* пройденъ огромный *къ лучшему*. Вотъ въ чемъ дѣло. А такъ называе-

самаго простого передъ ученіемъ Церкви, до простой *боязни* согрѣшить... Я слыхалъ образованныхъ людей, которые смѣются надъ этимъ чувствомъ (его во времена умной старины великіе герои и богатыри не стыдились!),—смѣются и говорятъ: „Что это я буду какъ дитя: ахъ! Боженька за это камушкомъ побьетъ!"... Да, *побьетъ*! И счастливъ тотъ, кого побьетъ. Я—счастливый, а Фетъ—несчастный, въ своемъ атеистическомъ ослѣпленіи! Или есть Богъ *личный*, Богъ *живой*,—или нѣтъ Его. А если есть, такъ куда же и Бисмарку, и Петру I и кому бы то ни было *мѣряться* силами съ Нимъ и передъ лицемъ Его помнить о какомъ-то *достоинствѣ* человѣческомъ! Ну, довольно,—Вы поняли меня.

Вотъ мое Вамъ заключеніе: „*Не забывайте* бѣдныхъ родныхъ,—готовьтесь въ профессора, это должность обезпеченная, ровная, покойная и—при *хорошемъ духѣ*—въ высшей степени полезная другимъ. А, впрочемъ, я, съ своей стороны, если буду этой зимой въ Петербургѣ, посмотрю, нельзя ли Вамъ доставить возможность иного пути, болѣе живого и для стихотворства болѣе выгоднаго."

Саблеръ былъ здѣсь три дня—и самъ пожелалъ познакомиться со мною; но мы видѣлись за обѣдомъ у архимандрита, мелькомъ, и объ Васъ невозможно было говорить при всѣхъ и *сразу*. Время еще терпитъ... Вы, я думаю, удивились, прочитавши: „если я буду зимой въ Петербургѣ"...—„К. Н-чъ, *хочетъ*, да и зимой еще, въ Петербургъ?!"—*Не хочетъ* К. Н-чъ, ничуть *не хочетъ*!—К. Н-чъ хотѣлъ бы одного: прежней, хотя бы и болѣзненной, но тихой и для сердца милой жизни въ Москвѣ зимою, съ юродивой и растрепанной Лиз. Павл., съ Варей, Сашей, старой кошкой (она въ Мазиловѣ) [11]), съ друзьями по вечерамъ,—и *больше ничего!* А лѣтомъ—отъ мая до октября—въ Оптиной съ монахами и другими друзьями. Но въ Москвѣ жить на 200 руб... *мнѣ невозможно*, когда и 245—недоставало... А здѣсь отъ 200—остается даже на уплату старыхъ долговъ. *Тамъ занималъ—здѣсь плачу*! Вотъ

мыя „достоинства": честность, твердость, благородство и даже хорошія, „достойныя" манеры (которыя нерѣдко и у мужиковъ бываютъ)—это все останется при насъ. У монаховъ *манеры-то* вообще приличны и гораздо лучше, чѣмъ у мірянъ *одного*, конечно, съ ними сословія. *К. Леонтьевъ.*

[11]) Деревня подъ Москвой, гдѣ К. Н—чъ жилъ на дачѣ предыдущее лѣто. *Ан. Ал—въ.*

разница. И такъ тутъ выбора нѣтъ, надо оставаться здѣсь, ибо даже и на Троицкомъ посадѣ дорого,—а въ Псалтири сказано: „*заемлетъ грѣшный—и не возвратитъ*“... Къ тому же надо и стыдъ знать въ мои года... Лучше ужъ иногда и поскучать зимою здѣсь (Богъ милостивъ!), чѣмъ съ сѣдыми волосами путаться въ долгахъ. Это *мое* разсужденіе...

Но неизвѣстно, такова ли воля Божія. Въ Іюнѣ еще я получилъ приглашеніе переселиться (хоть *на зимы* только) въ Петербургъ для занятій при *новой* консервативной большой газетѣ, съ какими-то мнѣ неизвѣстными, но вѣрными и значительными средствами. Предлагающее (и очень важное) лицо посовѣтовало мнѣ потребовать себѣ годовой окладъ „повыше“, чтобы не требовать потомъ добавочныхъ и не входить въ пререканія. Вообразите мое удивленіе и даже отчасти ужасъ... *Петербургъ зимою* и *дѣятельность—мнѣ!* мнѣ, до невѣроятія душой усталому и тѣломъ изнуренному, какъ Вы знаете... Мое первое движеніе было, конечно, отказаться; но на это я не позволилъ себѣ рѣшиться, не сказавши всего о. Амвросію. *Онъ отказываться не благословилъ, а велѣлъ потребовать больше денегъ и удобствъ*. Я хотѣлъ назначить 6.000 въ годъ, но о. Амвросій сказалъ: 8.000, такъ чтобы съ пенсіей выходило 10.500.—Я такъ и написалъ, и, кромѣ того, требую разныхъ льготъ: отпуска въ Оптину съ мая до октября (на это согласны), контракта, до 7 часовъ вечера—*не звонить* у меня, 1/2 оклада за самый, такъ сказать, фактъ моего существованія въ этой „сѣверной Европѣ,“ а 1/2 погашать листами и строчками (300 руб. за листъ) и т. д. Если на всѣ эти неслыханныя требованія согласятся, то, значитъ, *Богу это угодно*, а если нѣтъ—нѣтъ!... Предложилъ я имъ и еще сдѣлку, болѣе легкую для обѣихъ сторонъ и мнѣ несравнено болѣе пріятную: окладъ въ 3.000, листъ—250 р., и жить у Троицы или хоть и въ Москвѣ. Какъ хотятъ, или, вѣрнѣе, какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ. Петербургъ, Москва, Оптина... Вездѣ можно „въ мирѣ и покаяніи скончати животъ.“

Поэтому-то и мое вліяніе на Ваши дѣла и на Вашу карьеру можетъ быть весьма различное. Разумѣется, въ Петербургѣ—большее, въ другихъ мѣстахъ—меньшее.... А какъ именно повліять и что именно для Васъ сдѣлать, это увидимъ яснѣе, быть можетъ уже и въ сентябрѣ.

Вотъ тѣ весьма важныя, но для меня одного, *обстоятельства*, о которыхъ я, не поговоривши прежде о Васъ самихъ и Вашемъ талантѣ, распространяться не хотѣлъ. Замѣчу кстати, что и Саблеръ былъ чрезвычайно ко мнѣ здѣсь любезенъ, цѣловалъ и тоже убѣдительно звалъ въ Петербургъ „послужить Церкви,“ какъ онъ выразился (для меня это показалось ужъ и страшно что-то: „Церкви,“—государству—куда ни шло, а то ужъ и Церкви!).

Если ужъ суждено мнѣ зимы двѣ—три *протянуть* въ Петербургѣ, то тамъ у меня для Васъ будетъ что ни шагъ, то протекція: Деляновъ, Т. И. Филипповъ, Гагаринъ (Внутрен. Дѣлъ), Саблеръ, Побѣдоносцевъ, Н. П. Игнатьевъ. Кто знаетъ,—быть можетъ, можно будетъ мнѣ и просто-на-просто Васъ къ себѣ въ домъ взять; квартира ужъ потому нужна очень большая, что и у Вари дѣти, вѣдь, кричатъ, какъ и всякія дѣти,—для нихъ нужна нянька, потому что Варя нужна мнѣ и Лизаветѣ Павловнѣ. Нуженъ поваръ (или кухарка); нужна барышня дешевая или дама для хозяйства,—гдѣ же Варѣ съ этимъ сладить? безъ хозяйки вдвое больше зря выйдетъ и т. д. Поэтому и Васъ можно, вѣроятно, будетъ помѣстить легко и, конечно, *даромъ*, а ужъ Вы найдете тысячу случаевъ замѣнять меня въ какихъ-нибудь переговорахъ и разъѣздахъ... Мнѣ было бы это очень пріятно, а Вамъ выгодно. Впрочемъ, все это покажетъ время, теперь отвѣтъ будетъ, вѣроятно, скоро. Правда, я предвижу, что за мои требованія лица высоко—стоящія и ко мнѣ благосклонныя на меня, пожалуй, разсердятся. *Это весьма вѣроятно.* Очень жаль! Но что дѣлать? Заниматься журналистикой, и еще въ Петербургѣ, *мнѣ, теперь*, когда мнѣ даже *ничуть* писать не хочется—надо сильное вознагражденіе! И если я дѣйствительно *такъ нуженъ вдругъ сталъ*, какъ говорятъ эти сильные міра сего, такъ дадутъ и 8.000, и не разсердятся! А разсердятся и не дадутъ—какъ угодно. Пенсію у меня отнять, кромѣ Государя, никто не можетъ... А мнѣ, кромѣ нея да лѣни и спокойствія, да—пожалуй—дружеской бесѣды и домашняго мира, который мнѣ Богъ далъ, ничего и не нужно. Аминь [12]).

---

[12]) Эти переговоры о переѣздѣ К. Н—ча въ Петербургъ кончились ничѣмъ. Видимо, поставленныхъ имъ условій не рѣшилась принять. *Ан. Ал—въ.*

Кстати, Вы спрашиваете: что „Двѣ избранницы“? что „Египетскій голубь“? [13]) Да *ничего. Ни строки.* И сундука съ бумагами не открывалъ,—и подойти къ нему боюсь. Ни тѣни охоты [14]). Въ моемъ „священномъ уединеніи“, какъ Вы говорите, лѣтомъ и такъ хорошо. Нога болитъ; гулять далеко нѣтъ силъ; сижу и два и три часа и больше у себя въ скиту, на крыльцѣ, въ тѣни, и по цѣлымъ часамъ образа человѣческаго иногда за яблонями и кустами не вижу... Сосны, ели, птицы разныя, изобиліе плодовъ земныхъ вокругъ, память смерти и въ то же время нѣкоторое кроткое умиленіе покоемъ старости моей... Иногда вижу иныхъ монаховъ и мірянъ пріѣзжихъ. Очень часто у о. Амвросія бываютъ въ келліи домашнія всенощныя; почти всегда не выстаиваю, а *высиживаю* ихъ въ креслахъ. („Эпикурейская религія“, какъ вретъ Л. Н. Толстой про *образованныхъ* христіанъ, забывая, что мужикъ, въ вѣру котораго онъ вѣритъ, и безъ вѣры цѣлый день съ дѣтства привыкъ быть на ногахъ,—а каково мнѣ, напримѣръ? О. Амвросій такъ иногда и лежитъ даже отъ слабости во время службы).

---

[13]) „Двѣ избранницы“ и „Египетскій голубь“—повѣсти К. Н. Леонтьева, начатыя печатаніемъ, но не оконченныя. „Египетскій голубь“ печатался въ „*Русск. Вѣстн.* М. Н. Каткова (1881 и 1882 г.г.) и не былъ оконченъ и въ рукописи. „Двѣ избранницы“ печатались въ московскомъ еженедѣльномъ иллюстрированномъ журналѣ *Россія* г. Уманца (1885 или 1886 г.). Романъ былъ въ трехъ частяхъ и въ рукописи совершенно оконченъ. Первая часть напечатана, третья—осталась у автора, а вторая—затеряна въ редакціи, которая въ это время переходила отъ г. Уманца къ г. Пашкову, и такъ и не была найдена. Оба эти романа (послѣдніе романы Леонтьева) были очень интересны, своеобразны и характерны, имѣли немаловажное значеніе, какъ иллюстрація міровоззрѣнія Леонтьева въ послѣдніе годы жизни, а также и въ отношеніи автобіографическомъ. Судьба ихъ очень меня интересовала. *Ан. Ал—въ.*

[14]) Прежде я все заботился о томъ, *какъ бы писать*; теперь же о томъ, *какъ бы не писать.* Гораздо пріятнѣе вотъ такія письма Вамъ или Кристи. Знаешь, что кое-что сѣешь, что такъ или иначе взойдетъ. А публика? „Что я Гекубѣ? что Гекуба мнѣ?“ Правительство меня цѣнитъ; публика меня до сихъ поръ знать не хочетъ; такъ изъ-за чего же мнѣ *грѣшить* какими-то безпокойствами *не по Богѣ*? изъ тщеславія что ли? Удивительное тщеславіе! Какое же? Развѣ оскорбленное. Ну, это пожалуй. Такъ отъ оскорбляемаго въ теченіе 30 лѣтъ тщеславія не распишешься больной и усталый! Я и на счетъ Петербурга молюсь: „да идетъ мимо меня сія чаша!“ *К. Леонтьевъ.*

Что же еще Вамъ сказать?

Безъ Александра и Вари [15]) немножко скучно [16]); но для службы попался мнѣ хорошій и умный мальчикъ 16 лѣтъ.

Лизавета Павловна [17]) была со мною; но скоро соскучилась и отпросилась къ племяннику въ Тулу. Я говорю ей на прощанье:

— И не жаль тебѣ стараго мужа?

А она:

— Э! довольно мы съ тобой жили вмѣстѣ. Теперь я къ *моськѣ* хочу.

Моська—это собачка у племянника въ Тулѣ.

Я предпочитаю такую жену какой-нибудь *помощницѣ въ трудахъ*, которая сказала бы:

— Это *совершенно вѣрно* мой добрый другъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ *безразлично* и *обязательно* и даже *немыслимо* для *высоко-развитой личности!..*

А я бы ее въ ухо за это! Вотъ тебѣ и „личность"...

Отъ Кристи было очень милое письмо; отъ Уманова и отъ

---

[15]) Молодые слуги, мужъ съ женой. Варя была взята К. Н—чемъ 12-лѣтней дѣвочкой изъ имѣнія его, с. Кудинова Калужск. губ., выросла у него въ домѣ и отдана имъ замужъ за красиваго молодого парня Александра изъ подмосковной деревни Мазилова, гдѣ К. Н—ичъ жилъ на дачѣ. Отношенія его къ слугамъ (и вообще къ простонародью) были очень своеобразны: они были какъ-то особенно, на свой манеръ, патріархальны, строго-любовны, отечески - добродушны, барственно-человѣчны (если можно такъ выразиться). Онъ былъ требователенъ къ нимъ, пріучая ихъ къ строгому и аккуратному исполненію своихъ обязанностей, внимательному отношенію къ его привычкамъ и всему укладу его жизни, а также и усвоенію „хорошихъ манеръ" (которымъ онъ училъ даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаяніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа). Но строгія замѣчанія его были въ то же время такъ отечески добродушны и такъ остроумны, что положительно занимали ихъ, оживляли, подбодряли; къ тому же онъ съ такой сердечностью и добротой входилъ въ нужды ихъ собственной жизни, матеріальной и духовной, что окончательно плѣнялъ и покорялъ ихъ: они очень любили его, любовались имъ, гордились имъ и были ему искренно преданы. О нихъ много разъ упоминается въ этихъ письмахъ дальше. *Ан. Ал—въ.*

[16]) *Здѣсь* только (и *лѣтомъ* еще) можно сказать: „немножко скучно".— а въ городѣ я не могу и вообразить ни себя, ни Лизу безъ нихъ. *К. Леонтьевъ.*

[17]) Супруга К. Н. Леонтьева. (См. дальше, примѣч. 75).

вертушки - Дениски—ничего... [18]) Владиміръ Андреевичъ [19]) тоже молчитъ. Что-то ждетъ его безъ Каткова?!

Думаю обо всѣхъ васъ *очень* часто, *всегда* думаю... И Лиза говоритъ:

— Какъ ты здѣсь будешь жить безъ *своихъ студентовъ?*

Попырникова [20]) писала мнѣ два раза. Помчалась до осени въ Нижній; взяла какое-то дѣло. Какое—не пишетъ. Что-за безтолковая, или, вѣрнѣе, безцѣльная трата ума и энергіи у этой дѣвушки! Не знаю, *что бы* изъ нея дѣйствительно хорошее сдѣлать... Я думаю: задатки—большіе; цѣли нѣтъ достойной...

А Вамъ когда-нибудь надо въ Оптину непремѣнно.

Ну, Богъ съ Вами. Обнимаю Васъ крѣпко.

Отчего Вы не напишите стихотворенія прямо на тему Вашего письма: *поэзіи хочется—родныхъ жаль!* И правдиво, и оригинально... [21]) Только надо большое, подробное и картинное...

К. Леонтьевъ.

---

[18]) И. И. Кристи, Умановъ, Денисовъ—все тогда только что кончившіе курсъ студенты, члены молодого кружка, группировавшагося около К. Н. Леонтьева. (См. „Предисловіе“). Упоминаются нѣсколько разъ и дальше. *Ан. Ал—въ.*

[19]) В. А. Грингмутъ—впослѣдствіи редакторъ *„Моск. Вѣд“*., тогда сотрудникъ ихъ и преподаватель Катковскаго лицея. *Ан. Ал—овъ.*

[20]) В. А. Попырникова—молодая дѣвушка, бывавшая въ кружкѣ К. Н. Леонтьева. Письма его къ ней напечатаны въ *Рус. Обозр.* 1898 г. *Ан. Ал—въ.*

[21]) На что только это сестрамъ Вашимъ высшее или даже среднее образованіе? *Просятъ...* Мало-ли что онѣ просятъ! Какія цѣли въ жизни? 1) Хлѣбъ насущный и вообще матеріальныя блага, 2) спасеніе души, религіозное развитіе сердца, 3) эстетика, личная поэзія, достоинство что ли.. И больше ничего. И то, и другое, и третье—одинаково доступно на всѣхъ ступеняхъ образованія. Матеріальныя блага мѣряются привычкой и степенью претензій. Для религіи образованіе—обоюдоострое орудіе: или лучше, или хуже. А что касается до эстетики, то потрудитесь только вспомнить *моего Александра*—и громко харкающаго товарища Вашего П., или хоть *мою Варю*—и пискунью М.,—такъ все Вамъ станетъ ясно. То-то и бѣда, что въ теоріи мы всѣ молодцы, все поймемъ, а на практикѣ идемъ большею частію за другими... На что Вамъ принимать участіе въ размноженіи „среднихъ людей“? *К. Леонтьевъ.*

P. S. *27 іюля.* Сейчасъ уѣхалъ Н. П. Лихаревъ. Онъ былъ у меня два раза, и мы много говорили. Я ему очень былъ радъ. Прекрасный человѣкъ и оригинальный [22]).

Каково посланіе! Дай Богъ, чтобы Вамъ было также пріятно читать его, какъ мнѣ было три утра его писать...

Письмо II.

13 окт. 1887 г. Оптина Пустынь.

Милый мой Александровъ! конечно, я не въ силахъ прямымъ моимъ вліяніемъ замѣнить Вамъ Каткова,—но я *безотлагательно, на дняхъ* сдѣлаю, что могу, посредствомъ другихъ людей, для того, чтобы *доставить Вамъ стипендію* и возможность приготовиться къ каѳедрѣ Русской Литературы. Это „совершенно вѣрно“ и даже „обязательно“ [23]).

Сейчасъ не распространяюсь, потому что занятъ (по хозяйству, которое гораздо больше меня здѣсь интересуетъ, чѣмъ *моя* литература); но изъ этого не слѣдуетъ, что всегда мои

---

[22]) Н. П. Лихаревъ—помѣщикъ Тульской губерніи, бывшій одно время уѣзднымъ предводителемъ дворянства, человѣкъ чистѣйшей души и добрѣйшаго, благороднѣйшаго сердца, типъ милаго идеалиста, пламенѣвшаго душой ко всему возвышенному, имѣвшаго неистребимую склонность къ литературнымъ занятіямъ, изъ которыхъ, впрочемъ, выходило мало толку, и вѣчнаго младенца въ дѣлахъ практическихъ. Онъ очень скоро разорился и доживалъ свой вѣкъ совершенною „птицей небесною“, гостя большею частію у своего товарища по университету, богатаго Тульскаго помѣщика, милѣйшаго и добрѣйшаго Ст. Вас. Хомякова, племянника знаменитаго славянофила и поэта А. С. Хомякова. Съ Н. П. Лихаревымъ я и познакомился въ домѣ С. В. Хомякова, съ сыномъ котораго, мальчикомъ-лицеистомъ, я занимался цѣлыхъ три года, почти все время моего студенчества, зимой ежедневно бывая въ ихъ Московскомъ домѣ на Новинскомъ бульварѣ, а лѣто проводя съ ними въ ихъ тульскомъ имѣніи с. Слободкѣ (въ 18 верстахъ отъ Тулы). Я очень любилъ эту милую семью и до сихъ поръ храню о ней самое пріятное воспоминаніе. Въ имѣніи ихъ и получено мною это первое письмо отъ К. Н. Леонтьева. Н. П. Лихаревъ лѣтомъ 1887 г. ѣздилъ на богомолье въ Оптину Пустынь, гдѣ и познакомился съ К. Н. Леонтьевымъ *Ан. Ал—овъ.*

[23]) „Совершенно вѣрно“ и „обязательно“—словечки, которыми какъ-то особенно часто, надоѣдливо и иной разъ совершенно неумѣстно запестрѣла тогдашняя разговорная и отчасти даже литературная рѣчь. Затасканность, избитость и пошловатость ихъ сильно возмущала К. Н—ча, строгаго блюстителя простоты и красоты русской рѣчи. *А. Ал—овъ.*

отвѣты будутъ такъ кратки, какъ этотъ. Лѣтомъ я доказалъ Вамъ противное.

О себѣ скажу Вамъ только одно на этотъ разъ: опять *раны на ногахъ*, опять кашель и отёкъ ногъ, опять уже три недѣли—ни въ Церковь, ни вообще, на воздухъ. Но унывать—ничуть не унываю, благодаря Бога. Всѣ *мои* — около меня; домъ [24]) *очень* хорошъ, просторенъ, тепелъ и съ такими хорошими видами изъ оконъ, что я и самъ дивлюсь, почему это они, эти виды, больше уже не вдохновляютъ меня .. Чувствую, что *должны бы* вдохновлять, — а не вдохновляютъ...

Бываютъ всенощныя въ домѣ; посѣщаютъ нерѣдко весьма разнообразные монахи: и похуже, и получше, и очень хорошіе, и совсѣмъ плохіе,—всякіе есть...

Лизавета Павловна, Саша и Варя очень были тронуты Вашей памятью: Вы и Кристи вѣдь любимцы моей *плебейской* и сборной семьи... Былъ еще и Замараевъ [25]), но онъ въ Туркестанѣ всѣхъ насъ вовсе забылъ.

Петръ Евгеніевичъ, „моралистъ", *весьма неморально* не можетъ найти минуты отвѣтить мнѣ на мое письмо... Я увѣренъ, что французъ-буржуа и нѣмецъ-бюргеръ давно бы на его мѣстѣ отвѣтили... Грингмуту—я вѣрю, что некогда,—ну, а *его-то недосугъ* я тоже знаю!...

Обнимаю Васъ
Вашъ *К. Леонтьевъ.*

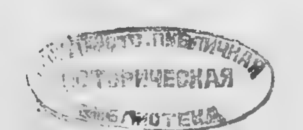
P. S. Очень радъ, что Вы молитесь, и „Житія" [26]) Вамъ *за это* теперь ужъ совсѣмъ дарю... И составлю даже, при

---

[24]) Изъ скита К. Н—чъ перебрался къ этому времени въ домъ-особнякъ, расположенный у самой монастырской ограды, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустыни. Сюда выписалъ онъ „сборную семью" свою, т. е. супругу Лиз. Павл. и слугъ своихъ Варю и Сашу и зажилъ съ ними совершенно своеобразною, какою-то полу-монашеской, полу-помѣщичьей жизнью, полною религіозно-трогательной, милой и тихой поэзіи и плѣнительной красоты патріархальнаго, стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной мысли. *Ан. Ал—овъ.*

[25]) Гр. Ив. Замараевъ—тоже одинъ изъ бывшихъ студентовъ кружка Астафьева и Леонтьева. Въ это время служилъ въ Туркестанѣ. *А. Ал—овъ.*

[26]) 12 Томовъ „Четій-Миней", вывезенныхъ К. Н—емъ съ Аѳона и дан-

первой возможности, для Васъ списокъ, какія полезнѣе прочесть и въ духовномъ и въ литературномъ отношеніи. Одно съ другимъ тутъ совпадаетъ: жизнь Святыхъ болѣе другихъ почему-либо оригинальныхъ и выразительныхъ уже потому наставительнѣе жизни однородныхъ и сходныхъ, что указываетъ, какъ богаты пути душеспасенія и святости. Вотъ гдѣ „единство въ разнообразіи“!

Напишите мнѣ *скорѣе*, на *кого въ Москвѣ* выгоднѣе всего произвести „нравственное давленіе“ какое-нибудь *изъ Петербурга* въ Вашу пользу [27].

Письмо III.

9 ноября 1887 г. Оптина Пустынь.

О, мой поэтъ, угрюмый и безмолвный!
Люблю тебя... Мечтой любовной
Стремлюсь къ тебѣ... *А ты молчишь...*

Больше ничего не могъ придумать,—но за то спѣшу Васъ увѣдомить, что въ Петербургѣ *люди очень надежные* и вліятельные взялись хлопотать о *600 руб.* Вашей стипендіи. Я надѣюсь на успѣхъ. Только ужъ если готовиться на каѳедру *Русской литературы*, то, еще разъ повторяю, надо внести что-нибудь *новое въ критику Вашу.* То есть, надо съ себя хотя бы на время свергнуть иго Гоголевской школы, отъ которой и Левъ Толстой освободиться не могъ,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формы и языка. *Съ этой стороны* его первыя произведенія, напримѣръ, *громко* читать несносно! Я здѣсь въ Оптиной хотѣлъ Александру и Варѣ прочесть громко „Поликушку“, напримѣръ,—и *не могъ*, Дотого *наво-*

ныхъ мнѣ имъ раньше для прочтенія. Упоминаются также въ примѣч. 10. *А. А—овъ.*

[27]) Къ этому времени уже былъ рѣшенъ вопросъ объ оставленіи меня Н. С. Тихонравовымъ при Московскомъ университетѣ для подготовленія къ каѳедрѣ русскаго языка и словесности. Оставалось лишь сомнѣніе, можно ли выхлопотать для меня уже съ этого года стипендію въ 600 р. въ годъ, которая обыкновенно назначалась оставленнымъ при университетѣ на два года для поддержки въ ихъ занятіяхъ, или хлопотать объ этомъ въ томъ же году было уже поздно, и придется подождать съ этимъ еще годъ. К. Н—чъ, узнавъ объ этомъ, съ своей стороны горячо и искусно принялся за хлопоты, увѣнчавшіяся, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, полнымъ успѣхомъ. *А. А—овъ.*

рочено подробностей, и все въ этомъ слишкомъ извѣстномъ у насъ родѣ. Постарайтесь достать „Лукрецію Флоріани" Жоржъ Санда (1848 или 1849 года) въ переводѣ *Кронеберга*. Вотъ высокая простота разсказа! Вотъ поэзія! хотя, конечно и совсѣмъ не христіанская; но вѣдь и Венера Милосская не была иконой Богоматери,—однако, прекрасна.

Чтобы „выжить" изъ себя „вчерашнее", на которомъ мы всѣ выросли, надо углубляться во все то, что на него не похоже. Въ этомъ смыслѣ хороши и Жоржъ Сандъ, и Байронъ, и Житія Святыхъ, и народныя пѣсни и С. Т. Аксаковъ (сравните простой и *здоровый* его разсказъ о *дѣтствѣ* съ ломанымъ и все-таки довольно безцвѣтнымъ хваленымъ произведеніемъ Толстого „Дѣтство и Отрочество"). Даже самъ же Толстой въ своихъ послѣднихъ народныхъ разсказахъ можетъ служить пособіемъ противъ вліянія „шершавой" формы и кропотливаго духа „Записокъ Охотника" Тургенева, или самого Толстого „Военныхъ разсказовъ", „Поликушки" и т. д. Даже „Смерть Ивана Ильича" лучше всего этого. Тутъ есть почти только то, что *нужно*,—хотя *содержанію* невозможно сочувствовать, потому что бываетъ и въ наше время совсѣмъ *другая* смерть, съ *иными* чувствами, христіанскими.

Впрочемъ, я обо всемъ этомъ Вамъ 20 разъ говорилъ! Сами знаете. (Л. Толстого надо цѣнить какъ творца „Войны и Мира" и „Анны Карениной"; все остальное—*приготовленіе къ нимъ*).

Прошу Васъ, Анат. Алекс., исполните безотлагательно, если можете, одну мою комиссію. Отыщите у Улитина въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*" (кажется, 1870, 71 или 72 года) статью Щебальскаго (подписано только *Щ.)* о книгѣ Данилевскаго „Россія и Европа" [28]). Купите этотъ томъ, вышлите мнѣ его *не подъ бандеролью*, а *посылкой (вѣрнѣе)*, и напишите, сколько стоило Вамъ все это. *Очень* буду признателенъ; безъ этой (довольно глупой) критики — не могу большого сочиненія кончить.

Въ „*Гражданинъ*" послалъ уже 5 статей; первая напечатана; много будетъ о Катковѣ.

---

[28]) Рецензія эта оказалась въ „*Русск. Вѣстн.*" 1869 г., кн. 5; подписана буквами *П. Щ. А. А—овъ.*

Если желаете, по прежнему, напечатать *то стихотвореніе, которое князь Мещерскій потерялъ, пришлите его мнѣ*; я черезъ Филиппова его пошлю, и теперь ужъ не потеряютъ [29]).

Что Вы „творите“ новаго? Пришлите мнѣ, если есть новые стихи. Напоминаю Вамъ о Ѳ. Н. Бергѣ, у котораго въ рукахъ теперь „*Русскій Вѣстникъ*“. Онъ можетъ Вамъ быть теперь полезнѣе, чѣмъ въ „*Нивѣ*“ [30]). Мои домашніе часто *съ чувствомъ* объ Васъ вспоминаютъ,—а я и подавно.

Обнимаю Васъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо IV.

8 декабря 1887 г. Оптина Пустынь.

Наконецъ, я собрался Вамъ отвѣтить, милый мой Александровъ, на Ваше послѣднее письмо со стихами [31]).

Прежде всего о дѣлѣ: я еще разъ написалъ, *кому слѣдуетъ о стипендіи*. Человѣкъ взялся за это вѣрный, твердый, очень вліятельный и не забывчивый. Я объяснилъ ему Ваши домашнія обстоятельства; а нѣкоторые стихи Ваши онъ знаетъ и цѣнитъ.

Теперь о стихахъ. Перепишите въ особую тетрадку всѣ лучшіе Ваши стихи (начиная, положимъ, съ посвященія Петру Евгеніевичу,—оно *очень* хорошо,—или, если хотите, хронологически),—всѣ, и *напечатанные* и *нѣтъ*; только не забудьте *непремѣнно* сбоку гдѣ-нибудь выставить: „напечатано тамъ-то“, „не напечатано“...

Я для Васъ придумалъ вотъ что. Тотчасъ по полученіи отъ Васъ тетрадки, я пошлю ее Бергу для „*Русскаго Вѣстника*“, и буду совѣтовать напечатать ихъ всѣ разомъ въ од-

---

[29]) Рѣчь идетъ о стихотвореніи „Чародѣй“, посвященномъ мною К. Н—чу. (См. „Предисловіе“). *А. Ал—овъ.*

[30]) Ѳ. Н. Бергъ, бывшій до этого редакторомъ „*Нивы*“ А. Ф. Маркса, взялъ послѣ смерти Каткова (1887 г.) въ аренду у его вдовы „*Русск. Вѣстн.*“

[31]) Въ отвѣтъ на предыдущее письмо К. Н—ча, начинавшееся 3 шуточными стихами его, обращенными ко мнѣ, я приложилъ къ своему письму небольшое, тоже шутливое стихотворное посланіе ему, о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ. *А. Ал—овъ.*

ной книжкѣ съ небольшимъ предисловіемъ; если же не хочетъ всѣ, то пусть выберетъ. Въ совокупности, я надѣюсь, стихи сильнѣе подѣйствуютъ и на него самого и на читателей.

Предисловіе мы здѣсь напишемъ вмѣстѣ съ Кристи, который хочетъ *непремѣнно* пріѣхать ко мнѣ дня на три-четыре въ Сочельникъ, на Рождество и т. д.; передъ Новымъ Годомъ уѣдетъ къ отцу; я думаю, можно будетъ удержать его до 28 декабря. Я потому хочу съ нимъ вмѣстѣ составить предисловіе, что вчера только получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ много о Васъ говоритъ. Не полѣнюсь ужъ и выпишу его слова:

„Я рѣшительно не знаю, гдѣ Александровъ и что онъ подѣлываетъ: я даже его искалъ; я хотѣлъ убѣдить его теперь напечатать свои стихи, посвященныя М. Н. Каткову. Это нужно было бы *для Александрова* (у него подчеркнуто), и могли бы они и теперь быть помѣщены въ „*Гражданинѣ*“ въ *полугодовой день* или въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“, причемъ заставить заплатить ему. Можетъ быть, Вы бы это устроили; мнѣ кажется, что, при Вашихъ отношеніяхъ къ нему, Вы могли бы отъ себя послать его стихи въ „*Гражданинъ*“. Право, нужно бы поддержать имя Анатолія Александрова. Въ самомъ дѣлѣ, что бываетъ пошлѣе всякаго рода посвященій, а три его посвященія—Вамъ, Фету, Каткову, всѣ въ своемъ родѣ прелестны“ [32]).

Вотъ что пишетъ Ваничка Кристи, а Вы черезъ Вашу демократическую гордость все водитесь съ *М—ыми* [33]) („про-

[32]) Всѣ упоминаемыя здѣсь покойнымъ И. И. Кристи стихотворенія мои впослѣдствіи напечатаны: посвященіе Каткову въ воспоминаніяхъ моихъ о немъ въ „*Моск. Вѣдом.*“ въ день его годовщины (впослѣдствіи перепечатано въ „*Русск Обозр.*“ 1897, VII, въ „Лицейскомъ Календарѣ“ на 1898 г. и въ отдѣльной брошюрѣ „Знаменательное девятилѣтіе“. М. 1897); посвященіе Фету—въ годъ пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности въ „*Рус. Вѣстн.*“; посвященіе К. Н. Леонтьеву, то стихотвореніе „Чародѣй“, о которомъ онъ много разъ упоминается въ этихъ письмахъ, напечатано уже послѣ смерти его (1891 г.) въ „Гражданинѣ“ въ моей рѣчи на его могилѣ, перепечатано и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ сейчасъ же послѣ его смерти. Всѣ эти стихотворенія вошли затѣмъ въ мой сборникъ (*Анатолій Александровъ*. „Стихотворенія“. Москва. 1912) *А. А—овъ*.

[33]) М—овъ—тоже бывшій студентъ нашего кружка, но, въ противоположность Кристи, не аристократическаго, а демократическаго происхожденія. *А. Ал—овъ*.

стота!“ „свобода обращенія“! „обязательно“, „безразлично“, „немыслимо“... Прелесть!)... Ухъ! власти у меня надъ всѣми вами нѣтъ! Смирилъ меня Господь... Состоянія большого нѣтъ,—а то бы какъ бы я всѣхъ васъ, начиная съ этого самаго Кристи, оболванилъ бы ловко... Многое, очень многое всѣ вы не такъ дѣлаете!

Да, и „Чародѣя“ ужъ выпишите, конечно, въ тетрадку: особо, на присланной Вами бумажкѣ, при тетрадкѣ, посылать Бергу—неудобно.

Что жъ Вы не пишите, уговарилъ ли Васъ Лихаревъ ѣхать съ нимъ ко мнѣ на праздникахъ? или нѣтъ? Онъ собирался это сдѣлать; дорога не дорого стоитъ; Лихаревъ сказалъ, что Вамъ нужно будетъ заплатить только за билетъ до Калуги (во II классѣ—11 или 12 руб. что-то, а въ III — вдвое меньше), а отъ Калуги на лошадяхъ онъ Васъ довезетъ. Къ тому же церемониться нечего: если отъ Мещерскаго къ тому времени получу рублей 200, то на обратный билетъ я Вамъ дамъ, а не пришлетъ—не могу. Напрямки говорю. Я смолоду бралъ *просто* (вотъ такая *простота*—ничего!); надо знать, *у кого брать*... А здѣсь жить будете у меня; у меня просторно. Конечно, когда бы Вы ни пріѣхали, всѣ у меня будутъ Вамъ рады; но въ нѣкоторомъ отношеніи удобнѣе, чтобы Вы пріѣхали или послѣ Кристи (30-го, 31-го декабря), или чтобы застали его на отъѣздѣ (28-го); свиданіе мое и съ Вами и съ нимъ должно имѣть серьезный характеръ; *надо поговорить* съ каждымъ особо,—вотъ что важно; а помѣщеніе будетъ для троихъ хорошее, — лучше, чѣмъ въ гостиницѣ. Кромѣ того, не надо спѣшить отсюда. Надо и съ о. Амвросіемъ Вамъ повидаться,—а это *нелегко*; онъ подавленъ посѣтителями. По моему мнѣнію, Лихаревъ какъ хочетъ, а Вамъ бы спокойно пробыть до Крещенія, цѣлую недѣлю, — и съ Богомъ потомъ... Терпѣть не могу, кто въ Оптину издали на два дня ѣздитъ! Посылаю Вамъ стихи на Бисмарка изъ „*Гражданина*“.

Надпись подъ идоломъ.

Когда порой твои черты
Въ изображеньяхъ я встрѣчаю
И все, чѣмъ гордъ и славенъ ты,
Безстрастной думой оцѣняю;
Когда толпа, подъемля кликъ,

Изъ устъ въ уста твое названье
— Вражды и лести достоянье —
Влачитъ—мнѣ жаль тебя, старикъ!
Кончая путь, у двери гроба
Стоишь ты, гордый человѣкъ;
Насилье, ложь, коварство, злоба—
Вотъ все, чѣмъ твой отмѣченъ вѣкъ.
Пятою грубою солдата
Ты пламень мысли растопталъ.
Въ оковы браннаго булата
Народный генiй заковалъ.
И ни прощенья ни участья
Не молишь ты—и самъ собой
Доволенъ, вѣря, что для счастья
Отчизны посланъ ты судьбой;
Но день возмездiя настанетъ,
Надменный рушится обманъ,
На царство силы гнѣвно грянетъ
Сугубой силы ураганъ.
Господень судъ разрушитъ зданье,
Что на пескѣ твой умъ вознесъ...
Тогда въ воскреснувшемъ сознаньи
Потомства прозвучитъ вопросъ:
Что сдѣлалъ ты?—И призракъ бѣдный
Въ позорѣ блеска своего
Нѣмой, развѣнчанный и блѣдный
Ты не отвѣтишь ничего!

Какъ Вы находите? По моему, написано недурно; но, Боже мой, все тотъ же духъ! Все имъ „Вирхова“ скромнаго какого-то нужно.

Вотъ напишите-ка *противу* этого, *въ духѣ* „Чародѣя“, — и тогда увидимъ, насколько этотъ „Чародѣй“ былъ гласомъ вопiющаго въ пустынѣ и насколько нѣтъ. Вѣдь въ этомъ человѣкѣ столько поэзiи: его физическая сила, его ростъ; его военный видъ; его жестокость и его милая иногда свѣтская любезность; его *шрамъ на щекѣ*, слѣдъ студенческой дуэли на эспадронахъ. (Одинъ старый студентъ — дуэлистъ водилъ съ собою очень большую собаку, которая пугала и безпокоила всѣхъ студентовъ; Бисмаркъ, тогда еще почти мальчикъ, подошелъ къ нему и хладнокровно сказалъ: „Вы, милостивый государь, дуракъ!“ Дрались, и онъ былъ раненъ въ щеку). Какъ онъ разбилъ кружку объ голову либерала, который грубо бранилъ публично правительство; какъ онъ въ палатѣ вызвалъ профессора Вирхова на дуэль за какую-

то парламентскую дерзость (тотъ—на попятный дворъ). И при этомъ онъ хорошій охотникъ; онъ любитъ читать Евангеліе, а иногда французскіе романы; ходитъ за грибами, и умѣетъ, кажется, солить ихъ (въ Россіи научился). Лучше многихъ изъ насъ и Россію понимаетъ. И называетъ все по имени: прямо говоритъ въ рейхстагѣ, что не было великихъ дѣлъ безъ огня и желѣза. Острякъ; пьетъ много пива. Самъ обезоружилъ студента, который въ шестидесятыхъ годахъ стрѣлялъ въ него; взялъ дурака за шиворотъ и отвелъ въ полицію.

Да вѣдь это и есть *то самое, что нужно*, т.-е. *развитіе личности*, упадокъ и приниженіе которой вредно и для политики, и для поэзіи одинаково,—даже косвенно и для религіи.

Ну, прощайте. Обнимаю Васъ.

К. Леонтьевъ.

P. S. И. И. Кристи сообщу Вашъ адресъ. Будь на его мѣстѣ у Троицы какой-нибудь Воздвиженскій, Вы бы, вѣрно, побывали у него и безъ моего письма; а у Кристи и теперь не догадаетесь побывать.

Ахъ, Вы! Ахъ, Вы!

Письмо V.

21 Декабря 1887 г. Оптина Пустынь.

Голубчикъ, Анатолій Александровичъ! Не потрудитесь ли Вы купить и выслать мнѣ № 20-й „*Русскаго Дѣла*“ Шарапова (въ этомъ № есть продолженіе разбора моей книги „Востокъ, Россія и Славянство“)? Одинъ экземпляръ этого № я получилъ изъ редакціи, но мнѣ необходимъ еще другой.

Только не откладывайте этого дѣла, потому что позднѣе № труднѣе будетъ найти.

Я Вамъ долженъ еще за „*Русскій Вѣстникъ*“. По прежнимъ примѣрамъ я полагаю, что онъ стоитъ 1 р. 50 к.; да № „*Русскаго Дѣла*“ стоитъ, небось, 20 к.; итого 1 р. 70 к.; да пересылка того и другого,—такъ что всего—около 2 руб. Я ихъ послѣ праздниковъ Вамъ вышлю. Отдалъ бы и здѣсь, если бы *вѣрилъ*, что буду имѣть удовольствіе видѣть Васъ вмѣстѣ съ Н. П. Лихаревымъ у себя въ домѣ. Да не вѣрю.

Жду Кристи, который обѣщалъ непремѣнно быть къ сочельнику; мы съ нимъ поговоримъ о Васъ и о стихахъ Вашихъ. *Постараемся*...

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новымъ вдохновеніемъ.

Письмо VI.

15 Января 1888 г. Оптина Пустынь.

Александровъ мой милый! Письмо Ваше я получилъ; но, вмѣсто того, чтобы сначала отвѣтить на него, я хочу Васъ просить, голубчикъ, исполнить въ Москвѣ нѣсколько моихъ комиссій. Будетъ одна и трудная. Прежде—легкія.

1) Изъ прилагаемыхъ денегъ 5 руб. назначены *для объявленія* о моей книгѣ въ „*Русскомъ Курьерѣ*" (надо изрѣдка въ разныхъ). Только не надо полагаться съ ними на одну квитанцію конторы, а потребуйте №, въ которомъ будетъ напечатано; присылать мнѣ его *не надо;* довольно съ меня, что Вы удостовѣритесь. *При семъ прилагаю 2 образца.*

2) Узнайте, что стоятъ сочиненія Ю. Ѳ. Самарина (мнѣ нужны богословскія особенно, — ну, и другія; *менѣе* всего нужны его нелюбезныя мнѣ „Окраины") и сочиненія К. С. Аксакова, и напишите мнѣ.

3) Попросите Фета выслать мнѣ (*посылкой* — это дешевле и вѣрнѣе) Энеиду его и *въ особенности Шопенгауера* („Міръ какъ воля и представленіе"). Мнѣ это доставитъ большое удовольствіе. И даже очень нужно. Пока я былъ цензоромъ, онъ всѣ свои переводы мнѣ присылалъ; а какъ я подалъ въ отставку, такъ и пересталъ. Это „практичность", и ужъ слишкомъ откровенная, чтобъ не сказать хуже.

4) Теперь комиссія трудная! Прошлой весною еще былъ живъ въ Москвѣ нѣкто Николай Матвѣевичъ Матвѣевъ, *бывшій въ пятидесятыхъ годахъ портнымъ.* Магазинъ его былъ у Пречистенскаго бульвара, именно въ томъ домѣ, гдѣ теперь лавка Арженикова. Я ему съ 1853 г. долженъ 50 р. Вообразите! смолоду и я *по идеалу* и по вкусамъ былъ европеецъ (хамъ), а *по дѣйствіямъ*—русская дурацкая *натура;* послѣ 30 лѣтъ сталъ вырабатываться наоборотъ, т. е. старался утвердить въ себѣ, по мѣрѣ силъ, западную выдержку

и восточные идеалы... Я передъ этимъ бѣднымъ Матвѣевымъ тѣмъ болѣе грѣшенъ и виноватъ, что онъ-то поступалъ со мной очень благородно. Когда я студентомъ извинялся, что нечѣмъ ему заплатить, онъ, смѣясь, говорилъ мнѣ: „Ничего! послѣ докторомъ будете; тогда будетъ у Васъ много денегъ; вспомните обо мнѣ!“ А я никогда не забывалъ этого, — но ни докторомъ, ни консуломъ, ни литераторомъ, ни помѣщикомъ, ни цензоромъ—все таки не платилъ. Теперь хочу хоть передъ его смертію или передъ моею сначала 25 руб., а потомъ и другіе 25 руб. отдать. Прошлой весной я напалъ на его слѣдъ. Есть на Волхонкѣ въ подвальномъ этажѣ (на лѣвой рукѣ, если итти отъ Пречистенки къ Моховой) зонтичный магазинъ Малаевой; года еще два тому назадъ онъ былъ Матвѣевой; я ѣздилъ безпрестанно мимо, и самъ не могу понять, что именно меня задерживало зайти; я думаю, то, что никогда у меня въ Москвѣ *лишнихъ* 25 руб. не бывало,—а съ пустыми руками что жъ заходить? Когда я увидалъ, что фамилія на вывѣскѣ зонтичнаго магазина перемѣнилась, я ужаснулся при мысли, что не только самъ Матвѣевъ, но и жена его (зонточница) умерла... Пошелъ къ Малаевой, и тамъ узналъ, что Николай Матвѣевичъ живъ, и обрадовался. Мнѣ дали тамъ его адресъ, который и прилагаю: Устинскій мостъ, домъ Кайсарова; бани. Теперь Вамъ по этой нити не то, чтобы легко, а все-таки возможно будетъ найти его. Если онъ за эти 7—8 мѣсяцевъ (я плохо помню, когда справлялся у Малаевой) скончался, бѣдный, то женѣ или другимъ наслѣдникамъ отдайте и попросите ихъ меня грѣшнаго великодушно простить. Пожалуйста, милый Анатолій Александровичъ, ради Бога утѣшьте меня, и за это дѣло возьмитесь скорѣе. Вѣдь въ крайности можно и черезъ адресный столъ или полицію розыскать. Прилагаю, сверхъ 5 руб. на объявленіе и 25 руб. Матвѣеву, еще 5 рублей Вамъ на извощиковъ по этому дѣлу, а можетъ быть, и на чай придется кому-нибудь дать. Что останется, не возвращайте: годится на покупку книгъ для меня.

5) Узнайте еще, пожалуйста, у Даціаро или у Аванцо, что будутъ стоить: 1) акварельныхъ красокъ хорошихъ ящикъ, съ разными кисточками, и 2) бумаги Бристольской (или въ этомъ родѣ, очень хорошей, толстой одинъ листъ и бумаги пониже сортъ (была встарину Ватманская, похуже Бристоль-

ской, для рисованія; а теперь не знаю, какая). И напишите мнѣ.

За комиссіи не ропщите на меня,— грѣхъ Вамъ будетъ. Уманова нѣтъ; онъ все *скоро* и *охотно* дѣлаетъ; конечно, Вамъ съ Байроновской ногой нельзя такъ летать, какъ онъ,— ну, а потише—можно. Какъ это по-нѣмецки говорится: Ohne Hast, doch ohne Rast!

Довольно объ этомъ. Теперь о Васъ и о другихъ.

Филипповъ что-то замолчалъ о стипендіи. Извѣстите меня поскорѣе (особой короткой запиской), не существуетъ ли для этого препятствія въ самомъ закрытіи Университета?[34]) Не отложить ли хлопоты до открытія? Если нѣтъ, то я напишу одному важному петербургскому педагогу самъ, а можетъ быть, даже и Ивану Давыдовичу Делянову. Посмотримъ.

О Бергѣ и стихахъ. Бергъ не правъ съ практической стороны; *надо поддерживать* стихотворцевъ *Вашего духа;* но *теоретически*, критически онъ почти правъ. Я вѣдь самъ Вамъ тоже говорилъ. Я говорилъ Вамъ, что только *посвященія* Ваши (Астафьеву, Каткову, Фету и мнѣ) носятъ *особую* печать уже по самому *предмету* своему: *никто* этимъ 4 лицамъ *до Васъ* посвященій не писалъ; *здѣсь* дѣйствовала на Васъ *сама жизнь; Вы видѣли* въ этихъ людяхъ то, *что видѣли сами*, и всѣ Ваши знаменитые предшественники ничего почти, кромѣ уроковъ техники, въ этомъ случаѣ не могли Вамъ дать. Когда же Вы пишете о любви, или о природѣ или о Вашихъ молодыхъ сомнѣніяхъ и грусти, то все слышно что-то ужъ слишкомъ знакомое (30-хъ и 40-хъ годовъ). Бергъ правъ, что *жизнь* дастъ *физіогномію*... Будетъ, напр., особая оригинальная любовь — будутъ и любовные стихи оригинальные. Что касается до моря, природы и т. п., то я убѣжденъ, что послѣ Гёте, Victor Hugo, Пушкина, Фета, Майкова, Лермонтова, Жуковскаго и т. д. едва ли и можно въ теченіи 50-ти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь сказать хорошее... *Не могу и вообразить!* Вѣдь я *въ этомъ отношеніи* не только у Васъ, но ни у кого не нахожу теперь ничего замѣчательнаго,—напр., у Голенищева-Кутузова... Не

---

[34]) По случаю безпорядковъ. *А. Ал—въ.*

нахожу, *не впечатлѣваюсь!* А впечатлѣваться я еще могу только чѣмъ-то инымъ у новыхъ людей, и инымъ у прежнихъ поэтовъ. Надо *искать*... Частью жизнь наведетъ, частью самъ, наконецъ, *найдешь*. Вѣдь я только къ *сорока годамъ* нашелъ *свой путь*—и въ греческихъ повѣстяхъ, и въ соціологіи, политикѣ и т. д. Для лирики, конечно, такъ долго ждать нельзя,—она остынетъ; но, что дѣлать, я васъ обманывать не хочу: физіогноміи, характера *личнаго* въ Вашихъ стихахъ (кромѣ посвященій) нѣтъ еще. Знаете ли, что у этого несчастнаго Эбермана [35]) въ извѣстномъ Вамъ стихотвореніи „Морозъ" и т. д. *несравненно уже сильнѣе* личный оттѣнокъ, чѣмъ у Васъ? Эти переходы отъ реальныхъ узоровъ мороза на стеклѣ то къ фантастическому бреду о лѣсахъ, рощахъ, скалахъ и гробницахъ, то къ его собственной дѣйствительной Эбермановой нищетѣ и къ мыслямъ о нищенской и забытой *его* могилѣ, и, наконецъ, примирительный, почти религіозный конецъ,—вѣдь это все *правда сердца*, и сердца, жестоко наболѣвшаго, но *въ принципѣ* не любящаго *отрицанія!* Повѣрьте мнѣ, напиши это кто-нибудь *уже извѣстный*— восхищались бы и критики. Что дѣлать, мой другъ, готовьтесь *заранѣе* къ 1.000 препятствій, самыхъ необъяснимыхъ и глупыхъ, и ко многимъ неправдамъ людскимъ. *Любя Васъ*, я и желалъ бы, чтобы Вы стали глубоко набожнымъ: оно—и броня противъ невзгодъ наилучшая, ну да и *предметъ* для поэзіи поновѣе въ наше время — всѣхъ романтическихъ вздоховъ... Вздохъ-то вздоху тоже рознь. Иной вздохъ на *немазанной телѣгѣ* Некрасова: „ахъ, молъ, золъ и бѣденъ человѣкъ!" Иной вздохъ у Фета: „И заря! Заря!"... Или у Пушкина: „Для береговъ отчизны дальной"... И совершенно иной вздохъ у того же Пушкина: „Напрасно я стремлюсь къ сіонскимъ высотамъ, грѣхъ тяжкій гонится за мною по пятамъ"... Или у Кольцова: „Прости жъ мнѣ, Спаситель"... и т. д.

Религія, общественная жизнь, культъ сильныхъ личностей,

---

[35]) Эберманъ напечаталъ, подъ псевдонимомъ Вольмара, нѣсколько стихотвореній въ *„Русск. Вѣстн."*, *„Гражд."* и другихъ журналахъ. Стихотвореніе „Морозъ" напечатано въ приложеніи къ *„Гражд."* Онъ былъ очень бѣденъ, и К. Н—чъ не разъ помогалъ ему, то устраивая въ его пользу литературные вечера, то доставляя ему заработокъ. *А. А—овъ.*

пожалуй (ну, хоть Бисмарка, Скобелева)... Отпоръ демократическому прогрессу... Вотъ богатое поприще. Будьте рѣзкой антитезой Некрасову, Плещееву, Минскому—и будетъ физіогномія. „Голенищевы“ эти нынѣшніе всѣ—всетаки *сороковые годы*, не болѣе!..

Изо всего этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что я отказываюсь сдѣлать что-нибудь, если не прямо для *стиховъ* Вашихъ (романтическихъ), то *для имени* Вашего, въ ожиданіи отъ Васъ разныхъ стихотворныхъ, критическихъ и вообще эстетическихъ будущихъ благъ. (Увижу ли Я ихъ только? *57 лѣтъ* 13 Января *минуло*, а только *одинъ* на *600* человѣкъ доживаетъ до 60!). Одинъ ли, или съ Кристи вмѣстѣ придумаю, что сдѣлать, какъ получу только *Вашу тетрадку*. Мы ужъ съ Кристи здѣсь говорили. Онъ провелъ у меня съ вечера 23-го декабря до половины дня 26-го. Отъ Оптиной и отъ о. Амвросія—въ восторгѣ... Я блаженствовалъ съ нимъ эти три дня. Ожидалъ и съ Вами того же, но не удалось!...

Въ *„Гражданинѣ“* я началъ новую статью „Два графа: Алексѣй Вронскій и Левъ Толстой“. *Конечно*, преимущество —Вронскому. Тамъ найдете мѣсто *о голубыхъ кругахъ на морской зыби.* Прочтите и подумайте. Я, когда писалъ это, думалъ и объ Васъ, т. е. о Вашихъ стихахъ. *Голубые кружки* Вамъ показали старшіе поэты,—Вы ихъ и рисуете; а есть гдѣ-нибудь и какіе-нибудь *желтые узоры*, и Вы ихъ еще сами находить не умѣете (и даже, принимая, напр., часть моихъ общихъ взглядовъ на жизнь, не умѣете еще безпрестанно встрѣчать *соотвѣтственныя частныя проявленія* ихъ въ дѣйствительности и вдохновляться уже самобытно и непосредственно ими)...

Льву Толстому въ статьяхъ моихъ достается, да и всѣмъ почти литераторамъ нашимъ,—но *ему*, какъ проповѣднику и человѣку, а не какъ *творцу*. Мнѣ любопытно, какъ вы познакомились съ нимъ. Не Вы ли это „поднимали“ Иверскую? Кристи разсказываетъ, что онъ (Левъ Николаевичъ) пришелъ къ Владиміру Сергѣевичу Соловьеву и съ негодованіемъ и изумленіемъ говорилъ: „одинъ студентъ, кандидатъ поднимаетъ Иверскую!“ [36]) И началъ говорить Соловьеву такую

[36]) Случай этотъ, дѣйствительно, былъ со мной. Снявъ небольшую квартирку во флигелѣ московскаго дома гр. Л. Н. Толстого, въ Хамов-

старую, дѣтскую рѣчь, что Соловьевъ хотѣлъ было отвѣтить ему: „да, и я *въ 14 лѣтъ* такъ думалъ, какъ Вы теперь!“ Но воздержался, чтобы не вышло ссоры. А они только что примирились.

По моему, Левъ Николаевичъ съ этой стороны *просто глупъ сталъ*. Онъ вовсе вѣдь и *нехорошо говоритъ*. Такія вещи бываютъ: напр., Фридрихъ II не понималъ, что въ Гете хорошаго; Наполеонъ не вѣрилъ въ возможность пароходства и т. п.

Вашу статью о г. Короленко читалъ въ „*Русскомъ Дѣлѣ*“. *Очень* былъ радъ встрѣтить ваше *имя*; это *полезно*. Но восхищаться всѣми этими „Тайонами“ и „Макарами“ никакъ не могу. Вы, кажется, слишкомъ снисходительны. А впрочемъ, я всего Короленко не читалъ, и, можетъ быть, ошибаюсь. Только едва ли. Кажется, у него даже *убивецъ* (не убійца, а непремѣнно „убивецъ“) описывался? Охъ, не то это, не то... Коротко сказать, я *въ новыхъ повѣстяхъ* желалъ бы видѣть тотъ самый прозрачный и благородный романтизмъ, который былъ *въ стихахъ* 30-хъ и 40-хъ годовъ, а въ стихахъ новыхъ, напротивъ—силу, мистику, реакціонный гнѣвъ, политическій героизмъ русскаго духа и т. п. *И то, и другое было бы дѣйствительно ново* теперь и ново и *резонно*. А у насъ еще до сихъ поръ въ стихахъ—или нѣжный романтизмъ или вялый нигилизмъ, а въ повѣстяхъ—„убивецъ“, „Макаръ! Куда те прешь?“ и т. п.

Рекомендую Вамъ убѣдительно достать и прочесть внимательно „Теократію“ Влад. Соловьева, изданную въ Загребѣ и и запрещенную, къ сожалѣнію, у насъ. Пойдите прямо къ нему и попросите. Онъ очень охотно дастъ. Живетъ онъ у матери, на углу Пречистенки и бульваровъ Зубовскаго и Смоленскаго.

Всѣ мои очень Васъ ждали, и комнату приготовили,—и всѣ они Вамъ сердечно кланяются, а я обнимаю Васъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

P. S. Кристи на Посадѣ очень легко найти. Надо узнать или въ Академіи, или въ Страннопріимномъ Домѣ, или на монастырской большой гостинницѣ, или даже, я думаю, у извозчиковъ. Какъ не знать!

Прощайте. Хоть бы лѣтомъ увидаться!

никахъ, я, по обычаю своему, пригласилъ въ нее икону Иверской Божіей Матери для молебствія на новосельи, чѣмъ возбудилъ „негодованіе и изумленіе“ графа. *А. Ал—овъ.*

Письмо VII.

1 февраля 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый Александровъ! вчера получилъ ваше письмо о Матвѣевѣ и т. д. Буду отвѣчать потомъ подробно; сегодня некогда; но *спѣшу предупредить* Васъ, чтобы Вы, если розыски Ваши окажутся безуспѣшными и нельзя будетъ узнать даже *живъ* ли или *умеръ* тотъ *старикъ* Матвѣевъ, денегъ *не отдавали*—можетъ быть—и самозванцамъ-наслѣдникамъ, а держали ихъ до тѣхъ поръ, пока я рѣшу, какъ ими распорядиться.

Если Матвѣевъ и жена его оба умерли (имъ въ 50-хъ годахъ было *по лицу* подъ 40 лѣтъ), то я употреблю эти деньги лучше *на поминъ души ихъ* въ одной изъ московскихъ церквей (хоть въ церкви Троицы въ Зубовѣ, гдѣ я тогда жилъ), или, если будетъ даже и *это* неизвѣстно, на какое-нибудь другое богоугодное дѣло назначу. Видимо, дѣло запутанное, какъ въ романѣ французскомъ,—и не зачѣмъ отдавать *неизвѣстнымъ* Матвѣевымъ: лучше на *церковь* (Новое бы изумленіе и негодованіе Толстого; однако, я не ожидалъ, что онъ такой *мерзавецъ*, что *юношу въ глаза* за Иверскую укорялъ... Какая преступная скотина, однако! Не ожидалъ!)... Попробуйте еще въ адресномъ столѣ узнать...

Но, до другого раза... Цѣлую, обнимаю и *благодарю.*

Сегодня написалъ объ Вашей *стипендіи* Н. А. Любимову[37]), *—кажется*, убѣдительно. И даже, признаюсь Вамъ, *имѣя уже и прежде это въ виду*, я въ началѣ одного изъ моихъ новыхъ фельетоновъ („Анна Каренина" и „Война и миръ)" привелъ его, Любимова, слова: „Изучать *Анну Каренину*——значитъ изучать самую жизнь". И похвалилъ его.

Вотъ учитесь, какъ можно и какъ надо *при всякомъ случаѣ* пользоваться печатью для поддержки друзей и единомышленниковъ. *Издали* даже. А ни Вы, ни Кристи еще не умѣете этого дѣлать. Все таки немножко зады твердите: Тургеневъ, Достоевскій; Достоевскій, Тургеневъ; Тайонъ, Макаръ, Ма-

---

[37]) Н. А. Любимовъ былъ въ это время членомъ Совѣта министра Народнаго Просвѣщенія, ранѣе—профессоромъ физики въ Московскомъ университетѣ и Катковскомъ лицеѣ, гдѣ и я былъ его ученикомъ. Долгое время завѣдывалъ редакціей *„Русск. Вѣстн."* у Каткова. *А. Ал—овъ.*

каръ, и т. д. Ну, Ив. Ив. Кристи тоже *поновѣе* паруса поднять еще не берется, подъ именемъ Кр. Кр. Кр. Кр., [38]) Я его за это неблагозвучное Кр. Кр. Кр. уже здѣсь бранилъ. То ли дѣло: „Ка-эр-и!“ *Эвфонія*! Эхъ, вы юноши! „Si jeunesse savait, si viellesse pouvait!“ Переведите.

Завтра пишу объ Васъ *самому* Ивану Давыдовичу Делянову! Перекрестясь, знаете: Богъ не выдастъ—такъ и свинья не съѣстъ! А Деляновъ—милый даже человѣкъ.

Не пишите: „многоувожаемый“—надоѣло мнѣ это... Пишите лучше: *„старый ворчунъ“*.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо VIII.

5 февраля 1888 г. Оптина Пустынь.

Ну, вотъ Вамъ, милый Александровъ, *черновое мое министру Народнаго Просвѣщенія* [39]). Сегодня же послалъ заказ-

---

[38]) *Кр.*—такъ подписано было нѣсколько статей покойнымъ И. И. Кристи, помѣщенныхъ въ *„Гражд.“*

[39]) *Черновое Ив. Дав. Делянову.* Ваше Высокопревосходительство, Милостивый государь Иванъ Давыдовичъ! Прошлогодній пріемъ Вашъ былъ для меня столь лестенъ и желаніе видѣть меня въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью было выражено Вами такъ прямо, что я могу (мнѣ воображается) разсчитывать на довѣріе Вашего Высокопревосходительства къ моей рекомендаціи и моей искренности.

Осмѣливаюсь ходатайствовать за одного молодого человѣка, коротко мнѣ знакомаго. Онъ состоитъ и теперь со мной въ перепискѣ. Его зовутъ Анатолій Александровъ. Прошлаго года онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ Московскомъ Университетѣ; воспитанникъ Катковскаго лицея пользовался полной благосклонностью покойнаго Михаила Никифоровича; имѣетъ призваніе къ поэзіи и началъ уже печатать тамъ и сямъ стихи, для начинающаго весьма хорошіе (было недавно и въ *„Русскомъ Вѣстникѣ“* его *прекрасное посланіе Фету*). Даровитый юноша этотъ замѣчателенъ, сверхъ того, своимъ солиднымъ и благороднымъ характеромъ, и убѣжденія его *вполнѣ правильныя.* Теперь онъ оставленъ при Университетѣ, потому что намѣренъ готовиться къ спеціальнымъ занятіямъ Русской литературой и держать на магистра.—Но родители его такъ бѣдны, что онъ принужденъ постоянно помогать имъ и заботиться даже о младшихъ братьяхъ и сестрахъ своихъ; живетъ онъ поэтому уроками,—и все это, конечно, отрываетъ его отъ главныхъ занятій. Ему бы желалось получать *стипендію* въ 600 руб., и вотъ объ этомъ-то я, частный человѣкъ и педагогическому міру чуждый, дерзаю (быть можетъ, и вопреки

нымъ. Николаю Алексѣевичу Любимову третьяго дня тоже написалъ. Ему писалъ, сверхъ того, и *объ Умановѣ*; [40]) но Уманову это нужно, по его словамъ, еще *черезъ годъ*. Поэтому *пока* министру я писалъ только объ Васъ.—Сердце мнѣ говоритъ, что это удастся, Я молился, садясь. А кстати и согрѣшилъ, какъ водится: заставилъ Лизавету Павловну *гадать* (она, какъ многіе юродивые, имѣетъ даръ этотъ) вышло, что *трефовому королю* будетъ *исполненіе желаній*.

Помолитесь-ка и Вы, дружокъ, въ простотѣ сердечной,—сходите къ той самой Иверской, за которую такъ глупо и такъ преступно даже (а пожалуй, что и *притворно*) негодуетъ па Васъ Вашъ геніальный домохозяинъ. Не вѣрьте, голубчикъ, ему, не поддавайтесь: *Замѣтьте это*: у него была всегда страсть *противорѣчить теченію передовой мысли*. Пока *господствовалъ* либерализмъ, онъ былъ почти реакціонеръ во многомъ; теперь, когда всѣ почти лучшіе умы обращаются такъ или иначе къ народнымъ, историческимъ началамъ, ему не терпится, чтобы не итти противу этого. Я самъ недавно это сталъ въ немъ угадывать. Пока это не касается *святыни*, оно оригинально и даже полезно. Но если только *хоть на минуту повѣрить и подумать*, что *за гробомъ*—вѣч-

---

всѣмъ обычаямъ и правиламъ) обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ почтительнѣйшею просьбой.

Что Анатолій Александровъ *именно таковъ*, какимъ я его изображаю, могутъ засвидѣтельствовать, я полагаю, и другія лица, особенно изъ близкихъ покойному Михаилу Никифоровичу Каткову,—напримѣръ, завѣдующій Университетскимъ Отдѣленіемъ въ Лицеѣ (нынѣ цензоръ) П. Е. Астафьевъ, а можетъ быть, и Н. А. Любимовъ, если только онъ Александрова зналъ и помнитъ. Думаю, что, при сомнительномъ настроеніи нынѣшней молодежи, такихъ юношей, какъ онъ, полезно было бы *особливо* поддерживать.

Вотъ чѣмъ я позволилъ себѣ утрудить вниманіе Ваше, и если я поступилъ неправильно, если нарушилъ какія нибудь приличія, то прошу великодушно простить это моей провинціальной отсталости и не лишить меня впредь Вашей благосклонности за этотъ, такъ сказать, *благонамѣренный* промахъ.

Честь имѣю быть съ глубокимъ почтеніемъ и т. д.

К. Леонтьевъ.

[40]) Н. А. Умановъ—тоже одинъ изъ бывшихъ студентовъ нашего кружка. Мысль о приготовленіи къ каѳедрѣ (онъ былъ юристъ) скоро, впрочемъ, имъ была оставлена; онъ у себя на родинѣ поступилъ на службу, и теперь—членъ суда одного изъ провинціальныхъ городовъ. *А. Ал—овъ*.

ность блаженства или вѣчность муки, то каковъ же будетъ судъ Божій надъ людьми, играющими, изъ духа противорѣчія, чужою вѣрой! Не скрою, что я все-таки боюсь за Васъ, зная, что Вы съ нимъ видаетесь. Это не Фетъ, котораго атеизмъ никогда не жаждетъ пропаганды. „Клинъ клиномъ надо выбивать“,—и, если меня, грѣшнаго, Вамъ мало, если Вы почувствуете отъ его (т.-е. Толстого) устарѣлыхъ фразъ XVIII вѣка малѣйшее колебаніе, *послушайтесь* меня: познакомьтесь съ Владиміромъ Соловьевымъ, и, *подавивши* въ себѣ всѣ движенія самолюбиваго стыда и скрытности, говорите съ нимъ откровенно о Вашихъ сомнѣніяхъ, о Толстомъ и т. д. Это человѣкъ благороднѣйшій; въ области мышленія геніальнѣе Толстого, отличаясь отъ него, какъ небо отъ земли, и видѣть, что Вы прибѣгаете къ нему (хотя бы и по моему совѣту), непріятно ему не будетъ.

Объ иконѣ Иверской Божіей Матери знаете, что я Вамъ скажу. Вы знаете какъ я любилъ Варю и какъ я бился прежде съ ея тяжелымъ, сложнымъ характеромъ. Разборчива, упряма, горда, влюбчива, *нѣжна*, *груба*, умна, безтолкова, добра, сердита и злопамятна, религіозна, своевольна и т. д. Бѣда! *Но я молился*. И вотъ, когда на счетъ жениховъ стало мнѣ очень трудно, я пошелъ къ Иверской (наканунѣ Троицына дня 1883 года) и помолился такъ: „Если Господней Волѣ это непротивно, помоги мнѣ, усталому въ этой борьбѣ“! *И на другой же день на паперти Кунцевской церкви мы увидали Александра, и его красота поразила насъ*. И все состоялось, вопреки 100 препятствій, и поэзія была, и старость моя ими успокоена такъ, что я считаю себя согрѣшившимъ неблагодарностью въ тотъ день, въ который я *не вспомню* объ этой невыразимой милости Божіей. Это моя *шкура* (выражаясь языкомъ натуральной школы) *знаетъ*, что это такое для меня!

Слушайтесь меня въ *этомъ*, а остальное „приложится Вамъ“. Исполнитъ Господь всѣ *благія* желанія Ваши! „*Обновится, яко орля, юность твоя*“.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Купите поскорѣе мнѣ Ю. Ѳ. Самарина, особливо *богословскія* сочиненія („Прокоповича и Яворскаго“ *непремѣнно)*.

Если мои 5 руб. всѣ проѣздили для Матвѣева, вышлю. Деньги есть.

Очень глупо и вредно, что у Васъ съ Кристи ничего не клеится. Оба, конечно, виноваты.

Письмо IX.

2 марта 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый Александровъ, Вы желали краткаго извѣщенія о полученіи сочиненій Самарина. Получилъ и благодарю Васъ.

Теперь и мнѣ писать длиннаго письма нельзя. Очень былъ занятъ. Теперь отдыхаю, потому что потомъ—постъ и молитва. Но такъ какъ именно первыя двѣ недѣли поста мнѣ не до литературы, то тогда я скорѣе могу съ Вами побесѣдовать.

Посылаю Вамъ 2 руб. съ покорнѣйшею просьбой съѣздить въ магазинъ Суворина (на Кузнецкомъ мосту) и дать имъ 1 руб. 35 коп. для немедленной высылки мнѣ *Политической карты Европы по случаю современнаго политическаго состоянія*, о которой было ими объявлено. У нихъ сказано: 1 р. 35 к. съ пересылкой. Ну, а 65 к. Вамъ на разъѣзды.

Отъ Министра еще нѣтъ отвѣта, и отъ Н. А. Любимова—тоже. Но молчаніе долгое вовсе не значитъ еще неудача. Какъ получу—извѣщу.

Новость: Кристи пишетъ, что у него съ *Горбовымъ* [41]) (богатымъ, кажется, молодымъ человѣкомъ) и другими рѣшено съ 1 января 1889 года издавать „*Московскій Вѣстникъ*“. Онъ говоритъ, что первымъ долгомъ у него будетъ — воспользоваться моею помощью и *Васъ вывести*. Посмотримъ.

Я написалъ *большую* статью о „Войнѣ и мирѣ“ и объ „Аннѣ Карениной“, Гоголѣ, Тургеневѣ и т. д. Но не рѣшаюсь ее сейчасъ печатать: нахожу *недостаточной*. Въ *политикѣ я смѣлѣе*, ибо сами событія почти постоянно подтверждаютъ мои предсказанія. Въ эстетикѣ — какія же ясныя предсказанія? Здѣсь ошибиться легче, ибо больше подкупаешься своими личными наклонностями. Меня вотъ Короленко Вашъ ужъ однимъ *выборомъ* все того же и того же—

---

[41]) Н. М. Горбовъ—извѣстный послѣдователь проф. С. А. Рачинскаго въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ. *А. Ал—овъ.*

коробитъ, А Вы, напримѣръ, и большинство у насъ изъ рамки такого рода выйти *теперь еще* не могутъ:

Гоголь.
Тургеневъ. Достоевскій.
Толстой.

А я хочу разбить и сломать эту рамку! Такъ лучше *зря* не печатать.

Война у насъ непремѣнно будетъ, только едва ли съ Германіей, а съ Австріей, навѣрное, и... вѣроятно, и съ бѣдною Турціей.

Цѣлую Васъ. *К. Леонтьевъ.*

Письмо X.

30 марта 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ, спѣшу порадовать Васъ довольно благопріятнымъ отвѣтомъ Любимова. Полагаю, что дѣло устроится, *если онъ такъ пишетъ.* Всѣ начальствующіе до послѣдней минуты не любятъ обѣщать навѣрное, опасаясь и невольно иногда обмануть. А здѣсь прямо не отъ Любимова зависитъ,—и то онъ рѣшается прямо указывать на Васъ.

Я недавно послалъ ему любезный выговоръ въ открытомъ письмѣ за долгое молчаніе,—и вотъ онъ что мнѣ отвѣтилъ:

„Простите, многоуважаемый Константинъ Николаевичъ, что не отвѣтилъ на Ваше письмо. Хотѣлъ отвѣтить не на письмо, а на дѣло. Но дѣло, какъ извѣстно, скоро не дѣлается. Вопросъ о средствахъ для стипендіи, которыя всѣ распредѣлены. *Теперь идутъ соображенія объ отдѣленіи части изъ студентской стипендіальной суммы для оставляемыхъ при университетахъ.* Но еще нѣтъ рѣшенія. *Александровъ имѣется въ виду.* Жму руку“.

„Готовый къ услугамъ *Н. Любимовъ*“.

„1888 г. марта 23. Спб. (Получ. въ Опт. Пуст. 29 марта 1888 г.).

Стихи Ваши въ *„Русскомъ Дѣлѣ“ очень* милы!! И критика недурна. Я очень радъ, что Вы пріучаете читателей къ Вашему имени.

Посылаю Вамъ 3 руб. Купите мнѣ, пожалуйста, *поскорѣе* красокъ для яицъ [42]). Ужъ четвертая недѣля; дороги трудны; почта ходитъ долго; поэтому надо выслать тотчасъ же, если не хотите *весь мой домъ* огорчить. Всѣ Вамъ кланяются. Краски купите на *Петровкѣ*. Тамъ есть хорошія. Надо брать *не въ плиткахъ, а порошкомъ въ пакетикахъ, — всякихъ* цвѣтовъ; труднѣе всего *голубой* и *зеленый* хорошій найти. Нельзя ли также достать *пестрыхъ бумажекъ*? Нарочно для яицъ ихъ дѣлаютъ. Мнѣ говорила Попырникова.

Ну, прощайте. Обнимаю Васъ. Сегодня писать больше некогда.

Со стороны Шарапова очень любезно печатать объявленія о моей книгѣ gratis, и даже безъ всякой просьбы съ моей стороны. Пожалуйста, *не забудьте* поблагодарить его.

Платитъ онъ что-нибудь Вамъ и Уманову или нѣтъ?

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XI.

14 апрѣля 1888 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Анатолій Александровичъ, я самъ, и всѣ мои домашніе усердно благодаримъ Васъ за своевременную высылку красокъ и бумажекъ. Будемъ красить — и. поминать Васъ добромъ. Всѣ мы заранѣе поздравляемъ Васъ съ Св. Христовымъ Воскресеніемъ и желаемъ Вамъ встрѣтить Пасху какъ нельзя лучше.

Защищаю теперь въ „*Гражданинѣ*", по мѣрѣ умѣнія, *Данилевскаго* противу Вл. С. Соловьева.

О Кристи со дня смерти его матери ни слуху, ни духу. Не знаю, гдѣ онъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XII.

19 апрѣля 1888 г. Оптина Пустынь.

Христосъ Воскресе!

Милый мой Анатолій Александровичъ, вотъ Вамъ мое *красное яичко* на Пасху *цѣною* въ *600 руб.* въ годъ.

---

42) К. Н—чъ былъ великій мастеръ въ раскрашиваніи пасхальныхъ яицъ, и очень любилъ этимъ заниматься. Тонкій эстетикъ сказывался и въ этомъ. *А. Ал—овъ*.

Вмѣсто словъ (хотя бы и самыхъ искреннихъ) докажите мнѣ Вашу признательность *тремя дѣлами*:

1) Письмо министра *возвратите* мнѣ, не откладывая *слишкомъ*, *заказнымъ письмомъ*.

2) На Ѳоминой въ Москву ѣдетъ недѣли на двѣ Александръ (вѣроятно, съ *Лизаветой Павловной*); онъ принесетъ Вамъ мою *карточку съ рекомендаціей* Бобарыкину [43]) и *списокъ* тѣхъ *книгъ*, которыя мнѣ у него взять *очень* нужно. Бобарыкину будетъ особо все объяснено. Надо Вамъ взять на себя трудъ и терпѣніе выбрать ихъ по списку и Александру отдать.

3) Такъ какъ у Васъ будетъ теперь, при 50 руб. въ мѣсяцъ, возможность и безъ уроковъ помогать роднымъ, то доставьте мнѣ *великое* удовольствіе, пріѣзжайте ко мнѣ гостить съ мая до осени. У меня Вамъ будетъ покойно, и *ничего* жизнь не будетъ *все лѣто* стоить. Дорога сюда: III классъ—6 руб. (отъ Москвы до Калуги черезъ Вязьму или Тулу), въ Калугѣ—ну, 3 руб., самое большое, проживете въ гостиницѣ „Рига“ (которую рекомендую), и отъ Калуги до Оптиной всего на всего на парѣ почтовыхъ станетъ около 7 руб. [44]), Къ тому же, если хотите, можете вернуться вмѣстѣ съ Александромъ,—и тогда почтовые пополамъ. А назадъ—тоже Вамъ можетъ быть облегченіе, ибо я самъ думаю (если Господь позволитъ) въ августѣ ѣхать на мѣсяцъ въ Москву, и возьму Васъ съ собой.

Ручаюсь, что это вполнѣ свободное лѣто въ Оптиной будетъ полезно Вамъ и со стороны здоровья, и въ духовномъ отношеніи, и въ литературномъ.

Ваше вынужденное и постоянное труженичество, безъ полнаго роздыха, вредно и свободному вдохновенію. Ваши послѣдніе стихи на весну очень хороши, но... они могли бы быть и *не Вашими*. „Физіономіи“ все еще своей нѣтъ!

Не огорчайтесь: я къ Вамъ строгъ, потому что вѣрю въ Ваши силы.

---

[43]) Н. М. Бобарыкинъ—московскій нотаріусъ, впослѣдствіи издатель „*Русскаго Обозрѣнія*“. У него въ это время хранилась библіотека. К. Н—ча. *А. Ал—овъ*.

[44]) Въ то время отъ Калуги до Оптиной Пустыни (60 верстъ) приходилось ѣздить на лошадяхъ; теперь желѣзная дорога проходитъ черезъ Козельскъ, въ 3 верстахъ отъ Оптиной. *А. Ал—овъ*.

Кстати, не знаете ли, что это за Аристовъ [45]), который постоянно такъ раздражается противъ меня въ *Русскомъ Дѣлѣ*; я объ немъ не слыхивалъ. Должно быть, это онъ же написалъ, подъ буквами „М. А.“ [46]), новые нападки на меня по поводу моихъ воспоминаній о Тургеневѣ? Что-то нескладно, а горячо.

Читаете ли Вы мои новые фельетоны въ *Гражданинѣ* „Владиміръ Соловьевъ противъ Данилевскаго“? Желалъ бы я, чтобы Вы ихъ читали и сказали бы мнѣ потомъ свое мнѣніе,

Всѣ *мои* въ большой радости тому, что Вамъ дадутъ стипендію, и всѣ Васъ желаютъ видѣть здѣсь лѣтомъ.

Ну, еще разъ Христосъ Воскресе. Цѣлую Васъ три раза.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо XIII.

26 апрѣля 1888 г. Оптина Пустынь.

Напишите *поскорѣе* благодарственное письмо *Николаю Алексѣевичу Любимову* (Спб., Литейная, домъ Мурузи): несомнѣнно, что онъ содѣйствовалъ нашему дѣлу о стипендіи.

Объ участіи Т. И. Филиппова не знаю, ибо онъ мнѣ ни слова объ этомъ не писалъ.

На Ѳоминой Лизавета Павловна будетъ въ Москвѣ *съ Александромъ*. Онъ, конечно, Васъ розыщетъ.

Прощайте. *К. Леонтьевъ.*

Письмо XIV.

12 мая 1888 г. Оптина Пустынь.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ,—будьте такъ добры, закажите поскорѣе Улитину (около Театральной площади,—

---

45) Пав. Ив. Аристовъ—небольшой писатель славянофильской окраски; писалъ въ *„Русскомъ Дѣлѣ“* С. Ѳ. Шарапова и потомъ въ *„Благовѣстѣ“* Аѳ. В. Васильева. *А. Ал—овъ.*

46) Это писалъ уже не П. И. Аристовъ, а Ан. Мих. Гальперсонъ, бывшая сотрудница *„Соврем. Изв.“* Н. П. Гилярова-Платонова, нынѣ покойная. *А. Ал—овъ.*

знаете?) розыскать тѣ №№ *Бесѣды* (Юрьева) за 1870 или 1871 годъ, въ которыхъ есть статья Майкова[47]) „Всеславянство“ и другая еще статья (не помню чья) „О реальныхъ силахъ обществъ“. Первое заглавіе вѣрно; второе заглавіе я называю, быть можетъ, и не такъ, но *по содержанію* статьи оно вѣрно. Помнится также, что и та и другая статья какъ будто были именно въ 1871 году, а не въ 1870. Не могу припомнить, *въ одной ли* книжкѣ были напечатаны обѣ статьи эти, или каждая была разбита по 2—3 книжкамъ. Конечно, это дѣлаетъ разницу въ цѣнѣ. За пріисканіе старыхъ №№ *Отечественныхъ Записокъ* и *Русскаго Вѣстника* Улитинъ бралъ съ меня по 1 руб. 50 коп. за книжку. Быть можетъ, *Бесѣду* труднѣе достать, и потому будетъ дороже. Сверхъ того, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть *во французскомъ переводѣ* тѣ именно сочиненія Роберта фонъ-Лиля и (кажется) Гнейста, о которыхъ упоминается въ статьѣ *Бесѣды* („О реальныхъ силахъ“). Тамъ говорится, что эти двое ученыхъ (перваго *имя* хорошо помню; а на счетъ Гнейста сомнѣваюсь,—можетъ быть, и *Штейнъ* какой-нибудь)—первые основатели ученія *о реальныхъ силахъ*. Статья Майкова „Всеславянство“ *далеко* не такъ мнѣ нужна, какъ все, что касается до *реальныхъ силъ*. Безъ этихъ сочиненій я не могу окончить давній мой трудъ „Судьбы славянофильства“. Если у французскихъ книгопродавцевъ нѣтъ теперь французскаго перевода (съ нѣмецкаго подлинника) ни Роб. ф.-Лиля, ни Гнейста (положимъ; кажется, онъ излагалъ эти взгляды по поводу *англійской конституціи*, или, вѣрнѣе сказать, *организаціи* Великобританскаго государства), то они должны знать все-таки, существуютъ ли въ Парижѣ такіе переводы, и выписать ихъ мнѣ поскорѣе (т. е., чтобы мнѣ больше мѣсяца или $1^1/_2$ не ждать). *Нѣмецкіе* же подлинники *купить надо*,— но только въ крайности. Я много трудиться ненавижу; люблю работать, слегка порхая по цвѣточкамъ чужаго ума; а съ нѣмецкимъ языкомъ не распорхаешься,—тутъ поневолѣ приходится быть „честнымъ труженикомъ“, что совсѣмъ не въ моей легкомысленной натурѣ, и даже отчасти и не въ *правилахъ* моихъ.

---

[47]) Ап. Ал. Майковъ, двоюродный братъ поэта, публицистъ славянофильской окраски. *А. Ал—овъ*.

Но въ крайности надо будетъ и по-нѣмецки читать подлинники, ибо до сихъ поръ я съ этой простой и важной теоріей знакомъ только по статьѣ *Бесѣды*, прочтенной мною *въ Турціи въ 1871 году* (т. е. 17 лѣтъ тому назадъ). Это о самихъ сочиненіяхъ; что же касается до *Бесѣды*, то если я прошу Васъ заказать Улитину, то это *лишь для Вашего облегченія*,—ибо всѣ эти №№ *Бесѣды* должны быть цѣлы у Бобарыкина, въ той моей библіотекѣ, которую онъ выкупилъ себѣ изъ конторы „Надежда". Но она у него не разобрана, и даже я не знаю, вся ли она выбрана изъ ящиковъ и поставлена въ шкапахъ въ домѣ, или часть ея еще въ его нотаріальной конторѣ. Боюсь, что искать Вамъ это будетъ трудно; а если легко попадутся у него эти №№ *Бесѣды*, то Улитину, конечно, не нужно заказывать, а прямо приступить къ добыванію *самихъ сочиненій*—или по-французски, или по-нѣмецки.

Кстати — есть все въ той же Бобарыкинской библіотекѣ большой романъ Писемскаго „Люди сороковыхъ годовъ". Онъ весь былъ мною вырванъ изъ *Зари* и завернутъ въ бумагу. Не попадется ли онъ Вамъ? Если безъ труда найдется, отдайте аккуратно Александру или привезите сами. По *моей* критикѣ, это *лучшій* изъ романовъ Писемскаго, и самый *неизвѣстный* при этомъ. Кажется, и Вы его не читали? А такое *здоровое* произведеніе Вамъ, еще пропитанному Достоевскимъ, очень полезно. Помните, впрочемъ, что я *очень боюсь* Васъ слишкомъ обременять, чтобы Вы мою дружбу не предали анаѳемѣ! Это вѣдь и надоѣшь до смерти съ комиссіями этими!

Посылаю 10 руб., ибо цѣнъ не знаю. Если увидите, что можно, еще купите Дрепера (по-русски),—какъ это у него, дурака, называется, не помню; тоже, небось, „Исторія цивилизаціи" какая-то? [48]). Да еще бы хоть цѣну узнать *полному собранію* Конст. Серг. Аксакова (*именно то* нужно, гдѣ онъ что-то говоритъ о *духѣ* русскаго народа; я вѣдь его совсѣмъ не знаю, — только по отзывамъ) и Ив. Вас. Кирѣевскаго (этого я читалъ, но что-то плохо помню: немного отвлеченно и безцвѣтно показалось,—не врѣзалось).

Впрочемъ, попытайтесь попросить и того и другого (осо-

---

48) „Исторія умственнаго развитія Европы". *А. Ал—овъ.*

бенно К. С. Аксакова) у Серг. Θедор. Шарапова для меня на два мѣсяца или на три съ прилагаемой распиской [49]). Можетъ быть, довѣрится. Я *на книги честенъ*, не зачитываю,— особенно рѣдкую и хозяину-славянофилу необходимую.

Прочтите статью Бестужева „О теоріи культурныхъ типовъ“ въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника.* Нашего лагеря все прибываетъ. Я ждалъ этой статьи съ боязнью и нетерпѣніемъ: боялся—ну какъ такой *ученый* историкъ да противъ этой теоріи? Слава Богу, нѣтъ. Но статья, очень важная по ученому авторитету спеціалиста, сама по себѣ слаба. Это все то же либеральное (полу-европейское почти) старое славянофильство,—слишкомъ *славянское*, такъ сказать, *культурофильство.*

Культура особая нужна, а *славянство*, пожалуй, только необходимое зло при этомъ. *Безъ нихъ* (славянъ) нельзя; но надо *морщиться*, сознавая это, а не *улыбаться.* А *они всѣ* еще улыбаются и слабыхъ сторонъ Данилевскаго не видятъ.

Дѣйствительная жизнь видимо уже пошла *другими путями* къ ихъ же *главной цѣли.* Всѣ они, отъ Кирѣевскаго до Данилевскаго (включительно), до Бестужева, до А. А. Кирѣева, Шарапова и т. д., болѣе или менѣе либералы, всѣ — болѣе или менѣе *противъ сословности въ Россіи*, напримѣръ. Но Пазухинъ, графъ Дм. Андр. Толстой и самъ Государь *за сословія*, за *новыя* формы привилегій и неравенства. Они-представители *дѣйствительнаго теченія* исторической жизни, выразители практическихъ требованій времени,—и эти практическія требованія новѣйшаго времени стремятся исканіемъ своимъ, разумѣется, гораздо больше *обособить* Россію отъ безсословной Европы XIX вѣка, чѣмъ самъ даже Данилевскій, который, подъ вліяніемъ духа сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, говоритъ въ своей книгѣ, что въ Россіи „никто о сословіяхъ и не думаетъ“. Всѣ славянофилы *этого* лагеря (я—славянофилъ *на свой салтыкъ*) довольствуются иногда такими пустыми отличіями отъ Запада, что даже жалко видѣть, а иногда ужъ и слишкомъ

---

[49]) „Получилъ отъ С. Θ. Шарапова на прочтеніе сочиненія *К. С. Аксакова* и *И. В. Кирѣевскаго* срокомъ *на три мѣсяца.* Обязуюсь *честнымъ словомъ* ихъ *посылкой* (а не какъ попало) возвратить въ срокъ. *К. Леонтьевъ.* 12 мая 1888 г. Опт. П.“

широкими до невозможности. Нельзя, напр., претендовать создать такое позвоночное животное, у котораго не было бы легкихъ, или кишекъ. или сердца. *У всѣхъ есть.* Но разныя и въ разное время жизни есть перемѣны въ органахъ (Лягушки въ дѣтствѣ, *какъ рыбы, съ жабрами* а во время зрѣлости, *какъ мы съ Вами, съ легкими,* и т. д.).

Сословія суть признакъ силы и необходимое условіе культурнаго цвѣтенія. Европа *прежде* была сословнѣе *современной* ей Россіи (напр., въ XVI, XVII вѣкѣ); теперь (въ XX) Россія, *если хочетъ жить,* должна стать *сословнѣе* Европы и на вопли о соціальной неправдѣ *не смотрѣть.* Христіанство *личное, настоящее,* думающее прежде всего о томъ: *„Какъ Я отвѣчу на Судѣ Христовомъ?“* ничего не имѣетъ противъ сословій и всѣхъ непріятныхъ послѣдствій сословнаго строя. Гражданская эмансипація и свобода христіанской совѣсти— это большая разница, — и смѣшивать ихъ — это остатокъ *европейскихъ привычекъ.* Теперь—*мало по малу,* но замѣтно— государственная Россія все хочетъ дѣлать совсѣмъ наоборотъ противу Запада. Такъ, ужъ и въ Англіи лорды едва держатся и сами готовы отказаться отъ своихъ привилегій; у насъ—*ищутъ* противоположнаго... И т. д. И чѣмъ это движеніе медленнѣе, чѣмъ оно *суше,* чѣмъ *безшумнѣе,* тѣмъ *вѣрнѣе.* Восторги общіе хороши только для войны или для чествованія поэтовъ, а *реформы* съ *восторгомъ*—это никуда не годится... Это у меня ужъ по-Фетовски.

Обнимаю Васъ въ ожиданіи *несказанно пріятнаго* свиданія.

К. Леонтьевъ.

Письмо XV.

4 іюня 1888 г. Оптина Пустынь.

Благодарю Васъ, милый Анатолій Александровичъ, за хорошенькія вазочки. Онѣ у меня на почетномъ мѣстѣ, и постоянно въ нихъ цвѣты.

Буду ждать Васъ около 15 іюня. Чего бы лучше къ Троицину дню? Впрочемъ, Вамъ виднѣе, что удобнѣе.

Привезите мнѣ, пожалуста, ящикъ хорошихъ *акварельныхъ красокъ,* съ кисточками разнаго размѣра (не дороже 10 руб.), и 4 экземпляра такихъ *деревянныхъ ширмочекъ* для фотогра-

фическихъ карточекъ, на каждой чтобы было по три створки, не болѣе. Это дешево. Если у Васъ нѣтъ лишнихъ денегъ на дорогу, красокъ не привозите; если есть—здѣсь сочтемся. До свиданія.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XVI.

11 іюня 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! Я надоѣдаю Вамъ съ моими комиссіями. Прошу Васъ, простите меня. Если это письмо застанетъ Васъ въ Москвѣ, то привезите мнѣ еще *2—3 вѣничка изъ перьевъ для пыли*. Ихъ можно найти на Никольской, и стоютъ они очень дешево,—кажется, по 20 коп. И еще, если можно, *хорошаго сургуча* хоть *дюжину*. Здѣсь нѣтъ хорошаго. Смотрите только, умѣете ли Вы *укладывать*? Иначе всѣ сургучи другъ объ друга перебьются.

Говорятъ, Вы отъ Калуги хотите пѣшкомъ итти. Если такъ, то вещи *оставьте у хозяйки* въ гостиницѣ *Рига* (въ Калугѣ) и уговоритесь переслать ихъ сюда. Она мнѣ пріятельница. Елена Филипповна Давингофъ, крещеная еврейка.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XVII.

30 іюля 1888 г. Оптина Пустынь.

Всѣ мы, милый Анатолій Александровичъ, благодаримъ Васъ за память. Перемѣнъ у насъ (*слава Богу*) никакихъ рѣзкихъ и особыхъ нѣтъ. Варя только была серіозно больна; къ счастію, удалось, кажется, болѣзнь ея пресѣчь; но она еще только недавно начала *сидѣть*, а то все лежала; ходить еще остерегается. Я, какъ водится, раза два уже послѣ Вашего отъѣзда заболѣвалъ жестокими *неврозами*,—и, какъ тоже водится, скоро поправлялся. Только,—видно, непоправимая уже,—слабость *правой ноги* не даетъ много ходить и пользоваться прекрасной погодой. Лиза все такая же. Ходитъ отъ жары еще больше растрепанная, а *руки ужъ вовсе перестала мыть...* Ужасъ! Но мы ужъ къ этому привыкли, да и всепобѣждающая доброта ея хоть кого бы пріучила мириться съ ея юродствомъ! Шляется цѣлый день, нянчитъ

Вариныхъ дѣтей; весела; почти всегда, видимо, счастлива, хотя и ворчитъ („мужъ пьяница! сумасшедшій! колдуетъ цѣлое утро у себя наверху!“ и т. д.). Видишь все это, — и нѣтъ ужъ и охоты ее принуждать и стѣснять. Я былъ много передъ ней грѣшенъ *когда-то*,—и всякій разъ теперь, какъ вздумается стѣснить ее какъ-нибудь для общественныхъ приличій въ ея невинномъ и лѣнивомъ юродствѣ, такъ сейчасъ и вспомнишь и то, и другое... И оставишь ее такъ. „Крестъ“ мнѣ не слабоуміе ея и младенчество, а ея *неопрятность*; ну, сознавая это, и не хочется ее безпокоить... Жить обоимъ ужъ немного; а движенія свѣтскаго самолюбія (на счетъ крайнихъ ея неприличій) приходится съ Божіей помощью терпѣливо подавлять. Какъ захочетъ Богъ *пріучить* человѣка, ко всему пріучитъ, вопреки природнымъ вкусамъ и привычкамъ воспитанія.—На дняхъ, вообразите, я пригласилъ къ себѣ обѣдать двухъ молодыхъ супруговъ (очень хорошаго петербургскаго общества). Варя билась, билась—уговаривала Лизавету Павловну вымыть руки, остричь ногти и перемѣнить грязное платье. Я ужъ молчалъ. Разсердилась, и обѣдала одна наверху. „Не нуждаюсь въ нихъ“— и только. И ничуть даже не разстроилась послѣ. Хорошо, что она сама не требуетъ ни отъ кого соблюденія по отношенію къ себѣ общественнаго вниманія, лишь бы ей была воля спать, гулять, не мыться, не одѣваться, посѣщать людей простыхъ, этимъ всѣмъ не брезгающихъ,—и она весела и счастлива.—Ну, что жъ, и слава Богу! Не такъ ли?—А все таки хотѣлось бы иногда, не мнѣ одному, а и Сашѣ съ Варей, чтобы она была почище... Только къ Причастію и одѣвается... Такая чудачка!

Что же еще Вамъ сказать? Ничего не пишу *для печати*; никакъ не сберусь. *Не хочется.* Мысль о романѣ, который по жребію надо начать, лѣзетъ, какъ медвѣдь, на меня. Откладываю до сентября... Ужасно тягощусь! Мнѣ гораздо пріятнѣе теперь писать *приватныя* и огромныя письма Фуделю [50]) о „славянофильствѣ и панславизмѣ“; онъ предлагаетъ мнѣ въ письмахъ очень дѣльные вопросы... И мнѣ

---

[50]) Студентъ-юристъ Московскаго университета; по окончаніи курса поступилъ въ священники. Нынѣ—извѣстный Московскій протоіерей. *А. Ал—овъ.*

пріятно ему на нихъ подробно отвѣчать. Статьѣ о Л. Толстомъ (извѣстной Вамъ) [51] *нигдѣ* мѣста еще не найду, и сижу теперь безъ литературныхъ доходовъ; это очень чувствительно,—но не побѣждаетъ мою лѣнь и скуку при воспоминаніи о моемъ безплодномъ и невліятельномъ *печатаніи*. Фудель написалъ, впрочемъ, подъ именемъ Осипова, въ *Русскомъ Дѣлѣ* статью въ моемъ духѣ противъ безразсуднаго панславизма. Умановъ писалъ мнѣ изъ деревни. Я ихъ зову обоихъ сюда осенью. Отъ Кристи—давно ни слова! Непонятный у него характеръ! А имѣются въ виду серьезныя дѣла!..

Политика текущая мнѣ *не очень-то* нравится. Одна надежда на *роковую идею*: лопнетъ!

Пріѣздъ въ Оптину это лѣто разнообразный и большой. Жизни много, и погода теперь очень стала пріятная. Пріѣхала къ о. Амвросію *черная Абиссинская княжна*; никакъ не удается мнѣ увидать ее. Не встрѣчаемся какъ-то, хотя оба ходимъ въ церковь.

Ну, прощайте, другъ; обнимаю Васъ. *Всѣ мои* Вамъ шлютъ сердечный привѣтъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XVIII.

23 сентября 1888 г. Оптина Пустынь.

Слишкомъ ужъ давно ничего не пишете намъ. Мы всѣ здѣсь часто объ Васъ думаемъ и ждемъ какихъ-нибудь *опредѣленныхъ* извѣстій.

Удостойте!

К. Леонтьевъ.

Письмо XIX.

7 октября 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! Вы очень обрадовали меня и весь домъ мой Вашимъ—не скажу: письмомъ,—а хоть... *письмецомъ*. Лизавета Павловна такъ обрадовалась из-

---

[51]) „Анализъ, стиль и вѣянія". Упоминается нѣсколько разъ и дальше. Напечатана впослѣдствіи въ *Русск. Вѣстн. А. Ал—овъ*.

вѣстію о Вашемъ бракѣ, что, вопреки своей привычкѣ рано засыпать, чтобы вставать съ пѣтухами, потеряла сонъ и такъ долго не уходила наверхъ послѣ ужина, что мы всѣ удивились, и тогда она сказала:

—. Я такъ обрадовалась, что „Толя“ женился на „Тарасовнѣ“, что у меня весь сонъ пропалъ.

Кромѣ удивительной страсти всѣхъ видѣть женатыми и замужними (страсти, которая у нея развилась въ старости, а прежде не была замѣтна), она *особенно* полюбила добрую Вашу Авдотью Тарасовну. И въ ней я (по всегдашней сложности моихъ чувствъ и воззрѣній) это чувство очень одобряю.

Что касается до меня самого, то Ваше обо мнѣ по этому случаю мнѣніе могло бы показаться мнѣ даже и очень обиднымъ, если бы я хоть на минуту могъ забыть, что „errare humanum est“ и что Тургеневъ былъ правъ, когда заставилъ своего Базарова сказать Аркадію: „Человѣкъ скорѣе пойметъ колебанія эѳира на Сиріусѣ, чѣмъ то, почему другой человѣкъ такъ или иначе сморкается!“ Хотя это „сморкается“ очень скверно и относится къ той именно „Гоголевщинѣ“, которая мнѣ такъ надоѣла у всѣхъ „коривеевъ“ нашихъ, но мысль о непостижимости, о неясности индивидуальнаго нашего чувства для другихъ людей выражена все-таки здѣсь очень наглядно. Откуда Вы это взяли, что я буду *бранить* Васъ за то, что Вы женились, или сердиться на Васъ?.. Плохого же Вы мнѣнія о моемъ „религіозномъ“ чувствѣ! Я, кажется, при Васъ сказалъ еще въ Оптиной: „Разъ от. Амвросій благословилъ, *о чемъ же тутъ толковать?*“ И въ самомъ дѣлѣ *послѣ* Вашей бесѣды со старцемъ я ничего не говорилъ бы, если бы Авдотья Тарасовна не вздумала сама, *безъ всякаго вызова съ моей стороны* (надѣюсь, что Вы это обстоятельство хорошо помните), доказывать мнѣ, что Вамъ жениться на ней очень выгодно, потому что у васъ „рубашки пропадали безъ нея“ и т. п. Я и теперь готовъ ей сказать, что такъ смотрѣть на Вашъ бракъ—большая ошибка! И дай Богъ, для ея собственнаго достоинства, для ея собственнаго развитія къ лучшему, чтобы она яснѣе прежняго поняла, *какъ много* Вы ей приносите въ жертву (или *въ даръ*, если слово „жертва“ Вамъ не по сердцу), и какъ мало она.

Привязанность, доброта, вѣрность, честность нашлись бы

авось-либо, и въ другой женщинѣ, и помимо ея; не вся же Россія развращена, зла и порочна. Хорошихъ и добрыхъ женщинъ у насъ много... Но найти молодого человѣка, даровитаго, трудолюбиваго, добраго съ твердостью (а не добраго съ безхарактерностью, что весьма скверно!),—молодого человѣка съ будущностью и съ положеніемъ въ обществѣ, уже о сю пору достаточно (по годамъ и состоянію) почетнымъ, и выйти за него замужъ, только черезъ одну его привязанность и благородство, безъ всякаго *долга* даже съ его стороны,—это такая рѣдкость и такое счастье для простой и бѣдной дѣвушки, что лучше бы ей было „посмиреннѣе" взирать на свою удивительную судьбу и не гордиться „благодѣяніями" рубашекъ, кухни и т. д. Авось-либо, это все и такъ обошлось бы... Конечно, она молода и, повидимому, не лишена смышлености, и потому есть надежда, что она станетъ на настоящую точку зрѣнія и достигнетъ скоро того, что про нее можно будетъ сказать стихомъ Майкова: „Ее живитъ смиренья лучъ!"

Мнѣ ли не понимать всего „этого", всѣхъ этихъ оттѣнковъ, когда я самъ женился точно также, по старой привязанности и безъ всякаго *долга*, на бѣдной и безграмотной дѣвушкѣ? Да, но я до сихъ поръ съ величайшей радостью и признательностью вспоминаю, что Лиза и вида не показывала, что она можетъ быть мнѣ особенно полезна; она просто-напросто не скрывала своей почти дѣтской эгоистической радости, что вышла замужъ за человѣка давно любимаго, и вдобавокъ за „дворянина", за „барина", который ее изъ послѣдняго наряжаетъ и балуетъ, не позволяя ей, однако, *слишкомъ много разсуждать*, Да она и сама, слава Богу, разсуждать много не бралась ни обо мнѣ, ни въ обществѣ, ни даже со мною... Вотъ за это за все я ее высоко цѣнилъ и цѣню, и если у насъ позднѣе *(гораздо* позднѣе, послѣ *8 лѣтъ* согласной жизни) случились тяжелыя распри, о которыхъ мнѣ до сихъ поръ больно вспоминать, то вина была моя, а не ея! Оттого-то я и несу такъ покорно и даже весело подъ старость крестъ ея теперешняго слабоумія, ея неопрятности и т. д. *Богъ наказалъ* меня,—а она своего состоянія не чувствуетъ, слава Богу, и старость ея гораздо веселѣе, счастливѣе и беззаботнѣе моей...

Лиза, говорю я, смолоду не бралась много разсуждать

хотя далеко не была глупа; она за то имѣла женскій „тактъ" въ тѣ года (до послѣдняго несчастнаго душевнаго переворота) прежде всего заботиться о „внѣшности" своей. И это очень важно: ибо, если мужъ, по добротѣ и по привычкѣ, снисходителенъ къ этому, то на *постороннихъ* невниманіе молодой женщины ко внѣшности, къ манерамъ, къ выбору выраженій въ разговорѣ, къ щеголеватости даже дома, наединѣ—производитъ всегда болѣе или менѣе удручающее и унылое впечатлѣніе, котораго, живя въ обществѣ, надо, какъ огня, избѣгать. Товарищи и вообще посторонніе люди въ глаза этого не скажутъ и *не должны* говорить, не имѣютъ права соваться не въ свое дѣло. Если же я позволяю себѣ это говорить даже ей въ глаза, то это потому, что я сознаю, до чего и желаніе Вамъ всякаго блага и всякаго; даже и внѣшняго, улучшенія во мнѣ искренно и сильно; да и потому еще, что я *въ ней* сразу увидѣлъ женщину *безукоризненно хорошаго сердца*, прямую и добрую, которая приметъ мои слова какъ слѣдуетъ. Хоть ей и досадно будетъ сначала, ну а потомъ пойметъ, что я отъ избытка дружбы къ любимому ею же человѣку строгъ и требователенъ къ ней... Да! Поменьше воображать, что она Вамъ полезна—это *разъ*; не такъ смѣло въ обществѣ разсуждать, а больше прислушиваться и присматриваться, „вѣкъ живи—вѣкъ учись"—*это два* (мужъ будетъ со временемъ имѣть видное общественное положеніе; онъ уже и теперь извѣстенъ многимъ людямъ, въ обществѣ высоко по званію или по талантамъ стоящимъ); *третье*: въ кофточкахъ цѣлые дни дома не ходить (и не принимать въ этомъ видѣ Уманова, Тиличеева, ни *даже дворника!), папиросъ* на полъ не бросать, „про̀центы" и т. п. не говорить, а просить мужа поправлять съ глазу на глазъ,—ибо лучше, эстетичнѣе—совсѣмъ даже *не знать*, что такое *проценты*, чѣмъ знать и говорить „про̀центы"...

Ну, а *моральное* ея „устроеніе", какъ говорятъ монахи, вообще очень хорошее. Надо только постараться, чтобы оправдать на дѣлѣ слова о. Амвросія: „она—дѣвушка *приличная* и Васъ не осрамитъ!" Конечно, о. Амвросій думаетъ прежде всего о духовномъ; но онъ такъ уменъ и опытенъ и видѣлъ такое множество разныхъ людей, что если бы онъ увидалъ эти „окурки", „кофточки" и т. п., то и онъ въ сердцѣ своемъ едва ли бы особенно ихъ одобрилъ! „Прозор-

ливость“ есть особое состоянiе благодати у духовныхъ людей, которое не проявляется въ нихъ ежечасно, а достигаетъ только по временамъ своей высшей силы, и я отъ всей души желаю, чтобы на этотъ разъ батюшка былъ особенно прозорливъ и *предсказалъ*, что въ доброй Авдотьѣ Тарасовнѣ *внѣшнiя привычки, приличiя* и т. п. станутъ, наконецъ, на одномъ уровнѣ съ ея несомнѣнно и видимо прекрасными нравственными качествами! Надо только не благожелательныхъ, отеческихъ наставленiй бояться, а надо бояться больше заглазныхъ порицанiй равнодушныхъ и насмѣшливыхъ людей,—быть можетъ, даже и близкихъ прiятелей мужа...

Вотъ и все, что я чувствую и что я думаю по поводу Вашего брака. И я хочу надѣяться такъ же, какъ и Вы, *что все будетъ благополучно*, потому что Вы послушались старца (а не потому, что Вы послушались *сердца* Вашего; это ничего еще не доказываетъ, кромѣ Вашего благородства)... Вы говорите, что поручаете себя *волѣ Божiей*, и послѣ этого мнѣ еще разъ остается удивиться: *какъ же Вы могли думать*, что я буду „сердиться и бранить“? Пока Вы не были у старца, пока не было замѣшано въ дѣло *духовное* рѣшенiе, пока дѣло шло только объ однѣхъ Вашихъ *наклонностяхъ*, я могъ желать повлiять на Васъ, отклоняя отъ *ненужнаго* [52]), по моему, брака. Но это разсужденiе *свѣтской* опытности и т. п. должно было померкнуть и уничтожиться послѣ *духовнаго* рѣшенiя. Оставался *молебенъ* [53])... Но, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ переворота, и Божественное и сатанинское дѣйствiе одинаково влiяютъ болѣе или менѣе сообразно натурѣ нашей, усиливая или ослабляя наши природныя (т. е. Богомъ же данныя и дьяволомъ совращаемыя) наклонности. Когда у насъ въ домѣ во время Вашего долгаго молчанiя кто-нибудь (Лизавета Павловна или Варя) вспоминалъ объ этомъ *молебнѣ*, то я всегда говорилъ: „И

---

[52]) *Житейски*—ненужнаго и *морально не предписуемаго. К. Леонтьевъ.*

[53]) От. Амвросiй, знаменитый оптинскiй старецъ, благословивъ насъ съ будущей женой моей, когда мы были лѣтомъ въ Оптиной Пустыни, и сказавъ, что ничего не имѣетъ противъ нашего брака, совѣтовалъ, однако, по возвращенiи въ Москву, отслужить молебенъ въ часовнѣ чудотворной иконы Иверской Божiей Матери и поступить такъ, какъ мы рѣшимъ послѣ этого молебна. *А. Ал—овъ.*

послѣ молебна Александровъ женится; это такой характеръ". И давнымъ давно свыкся съ этой мыслію и примирился съ нею. Подчиненіе нашей воли духовному началу не только дорого для приготовленія нашего къ вѣчности, но и въ земной жизни оно отзывается многими облегченіями и даже утѣшеніями оттуда, откуда мы и не ждемъ. Говорю это по личному опыту! Правда, я браковъ въ нашемъ *среднемъ* состояніи вообще не люблю *по вкусу* и полагаю, что безъ „блуда" могли бы многіе люди долго жить, если бы боролись. *Смотрѣть* весело я могу только или на очень богатую или на крестьянскую и мѣщанскую свадьбу въ деревнѣ или въ маленькомъ городѣ. Остальное, *среднее*, по моему, мрачно! Но эстетика, хотя и имѣетъ свои законы и свои—независимыя отъ морали и религіи—требованія, все же *должна подчиняться религіи*, тамъ, *гдѣ она съ нею въ противорѣчіи...*

Вотъ общее и, по-моему, совершенно ясное правило.

Отрицать же независимое значеніе *прекраснаго* — это значило бы обманывать себя. Не отрицать, а *подчинять* — вотъ что нужно. Ну, баста объ этомъ.

Посылаю Вамъ пять статей моихъ; когда вышлютъ еще по нѣскольку экземпляровъ VI, VII и VIII-й. тоже пришлю.

Очень радъ, что Вы познакомились съ Фуделемъ. Это и мнѣ и *дѣлу* выгодно. Кланяйтесь ему много.

О книгахъ моихъ *въ Вѣну* не пишу; онъ ужъ, вѣрно, сказалъ Вамъ.

Отъ Кристи получилъ письмо недавно. Собирается ко мнѣ опять заѣхать. Экзамены онъ вынужденъ отложить до весны, и изданіе его встрѣчаетъ и другія препятствія. Объ Умановѣ и Денисовѣ [54]) ничего не знаю. Если удосужитесь, напишите обо всемъ—обо всѣхъ подробнѣе. О Мироновѣ и Алмазовѣ [55])—тоже.

Читали ли Вы статью *Московскихъ Вѣдомостей* о Владимірѣ Соловьевѣ и объ книгѣ на французскомъ языкѣ „Рус-

---

[54]) и [55]) Все бывшіе студенты члены нашего кружка. Н. А. Умановъ какъ уже сказано, нынѣ—членъ суда; Я. А. Денисовъ—нынѣ профессоръ Харьковскаго университета; Мироновъ—сейчасъ же послѣ окончанія курса умеръ; Н. Б. Алмазовъ (сынъ поэта) былъ впослѣдствіи секретаремъ редакціи *„Русск. Обозр."*, а затѣмъ принадлежалъ къ составу редакціи *Московск. Вѣдом. А. Ал—овъ.*

ская идея“? Жалко! Потерянъ онъ для Православія и Россіи,—перешелъ *черезъ край*! Хочу ее выписать — книгу эту.

Мнѣ пріятно слышать, что въ Москвѣ моя статья [56]) производитъ впечатлѣніе; только моя странная судьба такова, что ни тѣ, у которыхъ, по Вашимъ словамъ, „пѣна у рта“, ни заступники не позаботятся ни за что поднять о ней печатный споръ, и изъ „кабинетовъ“ это на свѣтъ Божій опять не выйдетъ. Не правда ли, какъ это загадочно?

Недавно вернулся изъ Петербурга одинъ монахъ изъ дворянъ, пріятель Т. И. Филиппова [57]). Онъ спрашивалъ у него, почему Мещерскій, столь расположенный къ Леонтьеву, не напечаталъ стиховъ Александрова [58]). А Филипповъ сказалъ: „Что съ нимъ дѣлать! Самъ не знаетъ, я думаю, почему. Такой странный характеръ“!

Если Вы теперь хотите вернуться къ прежнему Вашему намѣренію напечатать ихъ у Шарапова, я ничего не имѣю противъ этого. Я предпочиталъ *Гражданинъ*; но такъ какъ съ Мещерскимъ даже и Филипповъ не сладитъ, то отчего же не отдать въ *Русское Дѣло?* Не стану притворяться и скрывать, что мнѣ это было бы пріятно. Правду говорилъ о. Іеронимъ Аѳонскій: „Всѣ страсти подъ старость слабѣютъ; а самолюбіе и въ насъ, монахахъ, до гроба живетъ“!

Ну, кажется, все. Мой искренній поклонъ Авдотьѣ Тарасовнѣ. Пусть не пеняетъ на меня, а *учится жить* съ простодушіемъ и съ искренностію.

Отчего бы Вамъ обоимъ не пріѣхать къ намъ на Святки, отъ 23—24 декабря, напримѣръ, до 2—3 января, а то и до Крещенья? Теперь Варя здорова,—ее можно перевести наверхъ, а ея комнату внизу Вамъ приготовить? Хорошо бы сдѣлали.

Обнимаю Васъ

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

---

[56]) Статья К. Н-ча въ *Гражд.* „Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“. *А. Ал—овъ.*

[57]) Оптинскій монахъ, от. Эрастъ, знавшій покойнаго государственнаго контролера Т. И. Филиппова еще по городу Ржеву, откуда оба были родомъ. *А. Ал—овъ.*

[58]) Стихотвореніе „Чародѣй“ (См. предисловіе). Въ *Русск. Дѣлѣ* напечатано не было, за пріостановкой этой газеты. Появилось въ печати въ

P. S. Лиза благодарит Авдотью Тарасовну за письмо. Собирается отвѣчать. Только разберете ли ея каракули?

Письмо XX.

2 ноября 1888 г. Оптина Пустынь.

Александров! Вы как хотите, моя душа, тяготитесь или нѣт, но Вы—твердый человѣк,—Вы *обѣщали* мнѣ исполнять в Москвѣ мои комиссіи (будто бы даже и „с удовольствіем“), и потому: „назвался груздем, так полѣзай в кузов“!

Три разных дѣла разом!

1) *Пять* рублей на объявленіе [59]) в *Московских Вѣдомостях*. На *первой* страницѣ; в *один* столбец. Смотрите только, чтобы не напутали. Прошлаго года тоже деньги за два объявленія взяли; одно *долго* не помѣщали, но помѣстили правильно; а другое—на задней страницѣ помѣстили. Не хотѣлось бы мнѣ подозрѣвать Петровскаго в таких мелких проявленіях ненависти, но *враг* невольно смущает.

2) Велите Карбасникову приготовить счета [60]); с самой весны (с мая) денег у него не брали. А что получите, то все отдайте Влад. Андр. Грингмуту [61]). Я ему остался должным 65 руб. Выручил он меня в тяжелую минуту, когда я почти полгода жил и без жалованія и без пенсіи! Но при отъѣздѣ сюда из Москвы у меня оказалось столько долгов, что я теперь плачу, плачу (*всѣ почти* деньги Мещерскаго на это идут), и едва-едва к концу года аккуратной жизни в Оптиной уплатил 1700 руб. по разным рукам. Надо, чтобы и до него (Грингмута) дошла, наконец, очередь. Так как Карбасников ни разу мнѣ больше 40—30 руб. не выдавал, то, сколько бы Вы ни по-

---

Гражд. но уже послѣ смерти К. Н-ча, в 1891 г. Впослѣдствіи вышло в сборник моих стихотвореній.

59) Объявленіе о сборникѣ статей К. Н-ча „Восток, Россія и Славянство“ *А. Ал—ов*.

60) Книжному магазину Карбасникова был отдан на комиссію сборник статей К. Н-ча „Восток, Россія и Славянство“, в 2 т., а также и другія его изданія. *А. Ал—ов*.

61) Впослѣдствіи редактор *Московск. Вѣдом. А. Ал—ов*.

лучили, все таки будетъ меньше 65 руб. Все отдайте. Далъ, положимъ, я Влад. Андр. передъ отъѣздомъ 15 экземпляровъ моей книги, на всякій случай; но это вѣдь очень трудно *навязывать* за деньги пріятельскія книги. Вѣроятно, онъ ничего за нихъ и не получилъ.

3) Купите мнѣ книги: *Вебера* (по-русски; большое изданіе Солдатенкова)

послѣдній (X) томъ. *Реформація*	4 руб.
А также и IX	4 „
Итого . . .	8 руб.

Да еще:

Цертелева, „Свобода и либерализмъ"	50 коп.
Эсхатологическія притчи Господа нашего Іисуса Христа (свящ. *Виноградова*)	25 „
	Итого 8 руб. 75 коп.

А также нельзя ли *отъ моего имени секретно* попросить Карбасникова *добыть* для меня „Соціологію" Спенсера. Она была переведена и издана, но потомъ запрещена. Очень бы мнѣ нужно! Если же рѣшительно русскаго перевода нельзя достать, то потрудитесь побывать у Готье [62]) и узнать у него, есть ли французскій переводъ (съ англійскаго) этого сочиненія,—потому что изъ-за границы можно запрещенныя книги выписывать *съ разрѣшенія Цензурнаго Комитета*. А *мнѣ* это разрѣшеніе дадутъ.

Узнайте, пожалуйста, также, есть ли у Готье тѣ книги, которыхъ списокъ я прилагаю на особой бумажкѣ и какая имъ цѣна.

И еще на счетъ *Вебера* Всеобщей Исторіи (изд. Солдатенкова) не можете ли Вы сообщить мнѣ сами, *въ какомъ томѣ о чемъ рѣчь*. Мнѣ для моихъ занятій не нужна теперь исторія древности, а только—*Европа* и *Византія*. *Предполагаю*, что такъ какъ въ X томѣ *Реформація*, то *Переселенье народовъ, Византійская имперія, Крестовые походы* и начало *эпохи Возрожденія должны* находиться въ томахъ IX, VIII, VII и не далѣе VI *назадъ*. Разомъ я не могу всего купить. Но, узнавши—*гдѣ что*, куплю постепенно (А за труды Ваши Вамъ *надпишу* всѣ эти книги по смерти моей отдать).

---

[62]) Книжный магазинъ французскихъ книгъ въ Москвѣ. *А. Ал—овъ*.

Хочу эпохой Возрожденія особенно заняться съ *своей* точки зрѣнія. Даже и до такихъ авторовъ, какъ Froissard, Brantome и Montaigne, дохожу!

Будьте здоровы; обнимаю Васъ. Въ любви не объясняюсь: и некогда сегодня, да и безъ того знаете.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—мой поклонъ.

Читайте же мои статьи въ *Гражданинѣ*; а то Вы уподобитесь Т. [63]): онъ раздражается, а Вы, небось, сочувствуете, оба *не читавшій*. Да хранитъ Васъ Богъ.

Посылаю 10 руб., остальное—частью на пересылку, частью на хорошую *синюю* и *розовую* краску, о которыхъ Вы совсѣмъ забыли,—*да и я тоже*. Посовѣтуйтесь съ Гунстомъ [64]) на Пречистенкѣ; онъ меня знаетъ; и вдобавокъ такъ *хорошъ собой*, что поэту не мѣшаетъ на него посмотрѣть. Дурнорылыхъ-то у насъ довольно и такъ. Не знаешь, куда отъ нихъ скрыться. И всѣ *привыкли* къ этому. Вотъ что скверно!

Вмѣстѣ съ этими книгами перешлите и *мои* 5 экземпляровъ, которые я просилъ Фуделя взять у Карбасникова.

Отъ Кристи недѣли 2 тому назадъ получилъ письмо изъ Кишинева: собирается заѣхать на возвратномъ пути въ Москву. Боюсь, чтобы распутица и рѣки не помѣшали. Нынѣшняя молодежь на все это плоха (за исключеніемъ *„нигилистовъ дѣйствія“*,—увы!).

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

P. S. Послѣдніе дни мы всѣ здѣсь заняты были Царскимъ крушеніемъ,—и радовались, что все такъ истинно чудесно и счастливо обошлось.

(10 руб.—на книги и пересылку; 5—*на объявленіе*).

Письмо XXI.

14 ноября 1888 г. Оптина Пустынь.

Александровъ, посылаю Вамъ: 1) *комиссіонныя росписки* Карбасникова. Безъ нихъ, дѣйствительно, ничего нельзя получить. Я ошибся: думалъ, что весной Александръ отдалъ ихъ Вамъ (какъ я намѣревался), а онъ ихъ мнѣ по ошибкѣ

---

63) Общій нашъ съ К. Н-чемъ московскій знакомый. *А. Ал—овъ*.

64) Директоръ частнаго училища живописи. *А. Ал—овъ*.

привезъ, и я забылъ, что онѣ у меня! Прилагаю еще и Карбасникову *два слова*, и прошу Васъ не отказаться *надолго* эти комиссіонныя росписки оставить у себя для цѣлей, подобныхъ настоящей, и *беречь*. На самой *новой* я поставилъ „В“ на оборотѣ. Но и старыя могутъ занадобиться для провѣрки когда-нибудь общаго счета. (На полъ вмѣстѣ съ папиросками не бросайте ихъ!).

2) Послѣднихъ главъ моей статьи о „Національной политикѣ“ не могу Вамъ послать. *Прежде* обѣщалъ Уманову,—а у меня только 1 экземпляръ и остался. Умановъ въ деревнѣ, а Вы можете взять у Фуделя: ему я послалъ. Прочтете, а когда издамъ отдѣльно, конечно подарю Вамъ.

Стихи Ваши „Памяти Каткова“ въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ *очень хороши*, и меня радуетъ это выступленіе Ваше на почву политическую. Только выраженіе „внутреннее ухо“ не нравится мнѣ. *Образъ* самый не нравится.

Все, что Вы пишете объ Авдотьѣ Тарасовнѣ, меня обрадовало и тронуло. Дай ей Богъ быть счастливой съ Вами и Васъ успокоить. О *морали* ея не безпокоюсь; съ этой стороны можно быть за нее спокойнымъ. *Формами* кой-какими нужно только заняться.

Прощайте.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо XXII.

21 ноября 1888 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Анатолій Александровичъ, какъ ни больно подозрѣвать серьезныхъ людей въ мелкой низости, но есть случаи до того явные, что невозможно побѣдить въ себѣ этого чувства... Смотрите, чтобы С. А. Петровскій [65]) не сдѣлалъ намъ какую-нибудь непріятность съ объявленіемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Прошлаго года я послалъ деньги на 2 объявленія. Первое напечатали на первой страницѣ, но *очень поздно*,—видимо, не случайно, а чтобы хоть этимъ досадить; а второе, *будто бы по ошибкѣ*, гдѣ-то такъ помѣстили, что я даже просмотрѣлъ его.

И хотѣлось бы вѣрить, что это все одна случайность, но

---

[65]) Тогдашній редакторъ *Московск. Вѣдом. А. Ал—овъ.*

что-то *не вѣрится*... Нѣтъ ничего злѣе этихъ скромныхъ, тихихъ тружениковъ! А Толстой и Достоевскій еще на *любовь* надѣются!..

Если еще не напечатано, то не отдать ли въ *Русскія Вѣдомости?* Тамъ хоть личной ненависти ко мнѣ нѣтъ.

К. Леонтьевъ.

Письмо XXIII.

26 декабря 1888 г. Оптина Пустынь.

Милый и дорогой Анатолій Александровичъ! Благодарю Васъ за исполненіе моихъ порученій и еще болѣе—за подробный отчетъ о нихъ въ письмѣ Вашемъ. И не только благодарю, но и радуюсь *за Васъ.* Въ *этихъ* дѣлахъ надо быть „европейцемъ". Я всегда думаю, что наши *идеалы*, государственные, религіозные, бытовые (моды, обычаи, одежды), должны быть *свои*, по *пріемамъ*, *техникѣ* нравственной, такъ сказать, *точности*, *выдержкѣ* надо учиться до сихъ поръ. И потому еще разъ ставлю Вамъ за это *5 съ* +! Вообразите при этомъ, что, хваля Васъ, я, человѣкъ самъ столь аккуратный, на этотъ разъ вынужденъ *смириться!* Комиссіонную росписку на брошюру „Новые христіане" я или потерялъ или (что гораздо болѣе на меня похоже) должно быть *разорвалъ* въ Москвѣ, считая это дѣло пропавшимъ (т. е. продажу этой брошюры). Всѣ счета и росписки у меня цѣлы; даже тѣ, которыя я привезъ изъ Турціи; нѣкоторыя цѣлы даже *съ 60-хъ годовъ,*—все по конвертамъ разложено. Но Карбасникова—не нашелъ,—кромѣ одной по ошибкѣ разорванной и сохраненной ихней росписки въ полученіи отъ меня обратно по ошибкѣ же ими выплаченныхъ мнѣ (за „Новыхъ христіанъ") 42 руб. (въ 1883 г.). Покажите (если нужно?) имъ эту ихъ росписку, но *сохраните* ее. А имъ я написалъ прилагаемое при семъ письмецо объ утратѣ старой росписки съ требованіемъ новой. Больше дѣлать нечего!

А на счетъ „Сближенія съ народомъ" Саша предъявляетъ *справедливый протестъ въ свою пользу.* Я подарилъ ему все то небольшое количество экземпляровъ, которое у меня осталось, и онъ снесъ ихъ Карбасникову. Прикащикъ же, узнавши, что доходъ отданъ ему, сказалъ: „ну, съ тебя мы и за ко-

миссію ничего не возьмемъ". Поэтому за „Сближеніе"—хоть бы 2 руб., хоть бы 1 руб.—надо выслать *сюда*. А за „Новыхъ христіанъ" и за Сборникъ—отдать Грингмуту *все*. Росписка на 100 экземпляровъ „Сближенія" неожиданно нашлась, и я ее прилагаю. Странно, что о брошюрахъ вспомнили, а Сборникъ шелъ, шелъ—и пріостановился! Вотъ и объявленія не всегда помогаютъ.

Простите, что больше на этотъ разъ не пишу. Некогда.

Поздравляю Васъ съ Рождествомъ и Новымъ Годомъ, и Авдотью Тарасовну также. *На Новый Годъ*—Вамъ желаю въ *критическихъ статьяхъ* [66]) побольше *смѣлости въ переступаніи за черты* общепринятаго и избитаго. Въ критикѣ Гаршина Вы еще все ходите на цыпочкахъ около этихъ черточекъ: войну не хвалите прямо; за военный бытъ въ мирное время не вступаетесь; не пользуетесь всякимъ случаемъ прочесть *мораль* (нашу) недалекому все таки автору и осламъ читателямъ. *Христіанство* въ жизни Вашей *личной* уже *настоящее, свято-отеческое*, а въ статьѣ—еще видно, что сунулись было съ Евангельскаго краюшка, *да и назадъ*... Нѣтъ, молъ, „не хоцца" говорить *настоящее* страха ради іудейскаго (т. е. хамскаго) и т. д.

Авдотьѣ Тарасовнѣ на Новый 1889 годъ *отъ всей души* желаю носить почаще корсетъ и вообще всего того, что органически связано съ идеей корсета и съ житейски-правильнымъ произношеніемъ слова „працѐнты". Орѳографія—это пустяки (для *не-писателя*), а comme-il-faut разговора—ужасно важная вещь, которая, кстати сказать, и Закономъ Божіимъ нигдѣ не запрещена.

Ну, а за нравственную сторону ея жизни я совершенно спокоенъ, и на 1889 годъ мнѣ съ этой стороны остается только пожелать ей быть всегда такой же доброй и честной, какой она, видимо, была и прежде!

Господь съ Вами!

Церковь не забывайте... Небось, весь Рождественскій постъ, какъ хищные звѣри, мясо терзали? Мои всѣ Вамъ обоимъ

---

[66]) Въ *Русскомъ Дѣлѣ* этого года я помѣстилъ двѣ критическихъ статьи о Короленкѣ и Гаршинѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Молодые таланты въ русской беллетристикѣ",—первый опытъ мой въ этомъ родѣ. *А. Ал—овъ.*

кланяются и ждутъ сюда лѣтомъ. Лизавета Павловна собиралась сама писать Авдотьѣ Тарасовнѣ.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо XXIV.

11 февраля 1889 г. Оптина Пустынь.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ! благодарю; вчера все получилъ. *Конецъ* Вашихъ стиховъ Фету *особенно* хорошъ. Прекрасно.

Быть можетъ, Шараповъ получитъ отъ А. А. Фета одну мою небольшую рукопись *по поводу* [67]). Я, впрочемъ, предоставилъ Фету право *не печатать* ее, „коли того, али что"... Вы знаете мою охоту *переходить за черту*. Поэтому Вы, пока въ печати статью не увидите (подъ заглавіемъ „Не кстати и кстати"), съ Шараповымъ объ этомъ и не говорите. А когда увидите, возьмите у него деньги (по 5 коп. строчку) и извѣстите меня кратчайшимъ образомъ, а я напишу, что съ ними дѣлать.

Статью эту, пожалуйста, прочтите Л. Н. Толстому, и скажите, *какъ* онъ.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—поклонъ. Лизавета Павловна все съ любовью о ней поминаетъ.

К. Леонтьевъ.

Письмо XXV.

17 февраля 1889 г. Оптина Пустынь.

Дружочекъ мой Анатолій Александровичъ! въ одно время съ этимъ письмомъ Вы получите посылку съ *4 экземплярами* послѣднихъ статей моихъ („Плоды національныхъ движеній"), отъ VII до XIV; посланы еще въ Петербургъ XV и XVI; XV уже напечатана (въ № 41 *Гражданина*, отъ 10 февраля

---

67) И статья К. Н-ча и мое стихотвореніе были написаны по поводу пятидесятилѣтія поэтической дѣятельности А. А. Фета. Стихотвореніе мое напечатано было въ *Моск. Вѣд.* въ день юбилея, а статья К. Н-ча позднѣе—въ *Гражд.*, съ примѣчаніемъ моимъ, въ объясненіе ея опозданія, сдѣланнымъ какъ бы отъ имени редакціи. Въ *Русское Дѣло* она не попала вслѣдствіе пріостановки этой газеты. *А. Ал—овъ.*

1889 г.), а XVI еще нѣтъ. *Можетъ быть* (не навѣрное), напишу еще общее заключеніе—XVII и XVIII. Больше 18 не будетъ. Наймите кого-нибудь за 30 коп. отнести Фуделеву [68]) и Кристи ихъ экземпляры, а для отправки Уманову (*скорой*) заказнымъ большимъ письмомъ довольно будетъ 70 коп.

Извините, что не извиняюсь въ причиненіи безпокойства.

Цѣлую Васъ. Я что-то къ посту въ поэтическомъ настроеніи.

Я... „не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ!“

Продолжаю радоваться за Фета, и съизнова съ большимъ удовольствіемъ и чувствомъ перечитывалъ всѣ эти дни его старые (т. е. *молодые*) стихи; но его „Вечерними огнями“ восхищаться, какъ другіе, рѣшительно не могу! „Люблю тебя“ (кх, кх, кх!)... „Ты сѣла, я стоялъ“ (кх, кх, кх!)... Не понимаю! И совершенно согласенъ съ Вольтеромъ, который сказалъ:

„Старая лошадь, старая возлюбленная и старый поэтъ— никуда не годятся.

„Я предпочитаю стараго друга, старое вино и старую сигару!“

Хотѣлъ было я къ первому письму (объ одеждахъ, фракахъ и т. п.) [69]) прибавить и второе о разницѣ между его утренними и вечерними огнями, съ дружескимъ совѣтомъ о любви умолкнуть: но, вообразите, о. Амвросій, узнавши отъ кого-то со стороны о моемъ намѣреніи, прислалъ мнѣ изъ скита *запретъ*,—сказалъ: „пусть ужъ старика за любовь-то не пронимаетъ. Не надо“. Я, конечно, очень охотно положилъ „дверь огражденія на уста мои“.

(Съ Великимъ Постомъ! Помози, Господи!

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

---

[68]) Здѣсь К. Н-чъ намѣренно передѣлываетъ фамилію Фудель (см примѣч. 50) на русскій ладъ. *А. Ал—овъ.*

[69]) Статья „Не кстати и кстати“. (См. выше, письмо XXIV и примѣч. 67). *А. Ал—овъ.*

Письмо XXVI.

26 февраля 1889 г. Оптина Пустынь.

Предоставляю дѣло на *Ваше* усмотрѣніе. Слышалъ, что *Московскій Листокъ* облагородился. Не знаю, правда ли. Есть еще, кажется, какой-то *Гусляръ* у Пастухова. Въ немъ будто бы печатается А. Н. Майковъ и другіе почтенные люди. Видѣть это письмо [70]) въ печати мнѣ *очень* желательно; но *поберегите имя мое отъ циническаго общества. Вѣрю* Вамъ.

Можно, конечно, и въ *Гражданинъ* послать скорѣе; но боюсь, не будетъ ли *поздно*. Все-таки вѣдь это *апропо* (à propos). Развѣ Вы отъ себя 2—3 строки оговорите (какъ будто отъ редакціи, безъ подписи), что „письмо по случайнымъ обстоятельствамъ въ печать опоздало, но *все-таки*" и т. д? Мещерскій лѣнивъ на эти мелочи и невнимателенъ; не догадается, не позаботится. Адресъ его: Петербургъ. Караванная, д. 18 (кн. Владиміръ Петровичъ). Впрочемъ, какъ знаете. Полагаюсь на Васъ. А у меня и черновой нѣтъ.

Лизавета Павловна благодаритъ Авдотью Тарасовну за письмо. Сама только что послала; письма разошлись.

Скоро пришлю деньги на краску яицъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XXVII.

15 марта 1889 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! посылаю Вамъ 7 руб.

Такъ какъ Вы писали мнѣ, что Соціологія *Спенсера* не запрещена, то купите мнѣ ее; неужели она стоитъ дороже 2 рублей?

Сверхъ того, мнѣ еще нужно *Дрепера* („Исторія умственнаго развитія Европы"? Что-то въ этомъ родѣ). Я знаю, что русскій переводъ Дрепера у насъ одно время былъ очень въ модѣ. Когда я цензоровалъ каталоги земскихъ и другихъ провинціальныхъ библіотекъ, то *своихъ* не находилъ—ни Хо-

---

[70]) Открытое письмо А. А. Фету „Не кстати и кстати". (См. выше письма XXIV и XXV и примѣч. 67 и 69). *А. Ал—овъ*.

мякова, ни Данилевскаго, ни Страхова, ни Вл. Соловьева, а Дреперъ и Бокль—тутъ какъ тутъ! Сколько бывало нагрѣшишь съ этими „соотечественниками“, пока докончишь каталогъ! Полагаю, что и Дреперъ не дороже. Не полѣнитесь, голубчикъ, поискать хорошенько: можетъ быть, изданіе поистощилось, и не во всякой лавкѣ найдешь.

Остальные два-ли, три-ли рубля—на краски для яицъ, какъ водится, и на пересылку. А *какія*—слѣдуетъ списокъ:

1) *Плитками:* розовой, пунцовой, синей, лиловой, зеленой,—каждой по *одной*.

2) *Въ пакетикахъ порошками* — тоже разныхъ, каждаго цвѣта по 2 пакета. Зеленый, кажется, въ порошкахъ лучше, Желтыхъ, оранжевыхъ и т. п. вовсе не надо.

3) *Бумажекъ* пестрыхъ побольше; да нельзя ли добыть хоть половину такихъ, на которыхъ *голубой* цвѣтъ преобладаетъ надъ *краснымъ*? Прошлаго года были такія у меня. Вообще этихъ бумажекъ надо побольше: знакомыя монахини просятъ красить,—надо ихъ утѣшить.

Если останется денегъ на 1/2 фунта *краснаго сандала*, то и это купите.

Да если разыскиваніе книгъ должно будетъ задержать отправку красокъ, то, *пожалуста*, ужъ книги пришлите послѣ, а краски скорѣе. И Дреперъ (кажется) и Спенсеръ—европейскіе либералы, и я выписываю ихъ отчасти изъ любознательности, отчасти по злобѣ, чтобы придираться къ нимъ; ну, а краски для яицъ—это поэзія моей старости!

Если не трудно и найдется время, напишите что-нибудь о себѣ: какъ живете, какъ занимаетесь.

Авдотьѣ Тарасовнѣ мы всѣ кланяемся. И всѣ мечтаемъ, что Вы выполните тотъ планъ, о которомъ я слышалъ отъ Александра,—планъ пріѣхать сюда на все лѣто. Это было бы *очень умно!* Мы ужъ тутъ не разъ принимались разсчитывать, сколько Вамъ, при Вашихъ скромныхъ привычкахъ, здѣсь нужно будетъ въ мѣсяцъ. И полагаемъ, что комнату въ гостиницѣ и недурной столъ мы можемъ устроить Вамъ всего на 25 рублей или около того въ мѣсяцъ. Не считая конечно, чая, сахара и папиросъ (раскиданныхъ такъ благообразно по полу)!

Обнимаю и цѣлую Васъ крѣпко!

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Вы выразились печатно [71]), что я пишу романъ „не спѣша“,—ужъ такъ не спѣша, что и въ руки его не бралъ съ прошлогодняго нашего свиданія. Скучно! Все думается, что нехорошо напишу, если буду въ *тенденціяхъ* своихъ стѣсняться,—а дамъ имъ волю, такъ всѣ съ презрѣніемъ скажутъ: „*себя* описалъ, *свои* барскія, пессимистическія и оптинскія бредни понесъ; испортилъ публицистъ разсказчика“. *Третьяго* пути нѣтъ! Изливать душу — испортишь направленіемъ, длиннотами... Не изливать—охоты мало *сочинять* самый ходъ дѣла.

Да и вообще какъ разочтешь, *что будетъ* отъ Мещерскаго или отъ Берга денегъ *столько-то* и на *то-то* и *то-то*, то и впадаешь въ такой пріятный покой, долгій и сладкій, и начинаешь находить, что гораздо пріятнѣе *думать*, какъ взбредётъ на умъ, *для себя* („отчего слонъ родится не въ скорлупѣ?“ и т. п.), чѣмъ *мыслить* послѣдовательно и принудительно для публики, которая и знать-то меня не желаетъ. Какъ брошу на мѣсяцъ, на два писать (при деньгахъ), такъ помолодѣю, размечтаюсь, точно мнѣ еще 30 лѣтъ — не больше!

Какая прелесть повѣсть Гнѣдича „Свободныя художества“. Не безъ „хамскихъ“ *словечекъ*; но все-таки прелесть. Умно, остро, изящно, добродушно; фантазія, комильфотность и сила! И замѣтьте, какъ это мило: *кусокъ* изъ Достоевскаго (въ лицахъ: Урюпѣева, Бузикова, хохла Коржа и пьянаго ветеринара) вставленъ въ массу Толстого! И главное дѣйствующее и очень изящное женское лицо—княгиня—*немолодая*. И нѣтъ любви *сексуальной*; а христіанской, или моральной что ли—бездна!

Ужъ не прогнѣвайтесь, это лучше Гаршина,—хотя и отъ него много бы можно было ждать, если бы онъ не ограничился *раскрытіемъ Евангелія*, а пошелъ бы поговорить съ о.

---

[71]) Въ небольшой замѣткѣ въ *Русскомъ Дѣлѣ*, въ отдѣлѣ предстоящихъ литературныхъ новинокъ, гдѣ мнѣ первому пришлось оповѣстить въ печати о повѣсти „Крейцерова Соната“ гр. Л. Н. Толстого, которая тогда еще только писалась, и о романѣ „Послѣдній лучъ“ К. Н. Леонтьева. Романъ этотъ такъ и остался недописаннымъ. Судя по тому началу, которое читалъ мнѣ К. Н-чъ въ Оптиной Пустыни, романъ этотъ долженъ былъ быть очень интереснымъ и необыкновенно оригинальнымъ и задушевнымъ. *А. Ал—овъ.*

Іоанномъ Кронштадтскимъ или съ монахами, даже и Невской Лавры, *даже и Невской лавры;* **даже и Невской Лавры!** (Это я все громче и громче кричу!). Не бросился бы съ лѣстницы!

[1]. Когда бы Вы мнѣ, душенька, нашли хорошей, *хорошей бирюзовой,* чисто *голубой* краски! Никакъ не найду! Всѣ эти *синія* плитки и порошки не то. Чисто *бирюзовую!*

[2]. Съ книгами или съ красками верните мнѣ письмо къ Фету, такъ какъ, судя по Вашему молчанію, Вы его не рѣшились печатать. Оно и позднѣе, при другомъ случаѣ пригодится.

[3]. На дняхъ же я отправлю Вамъ подъ бандеролью нѣсколько экземпляровъ послѣднихъ двухъ главъ—XV и XVI — моей статьи „Плоды національныхъ движеній". Одинъ экземпляръ —Вамъ; а кому отдать другіе, увидите изъ *надписей наверху.* Опасаюсь, что Вы тогда Уманову забыли послать. Получилъ очень милое письмо отъ Замараева. *Насилу* опомнился!

Краски нужнѣе книгъ,—и такъ я опоздалъ.

Письмо XXVIII.

17 марта 1899 г. Оптина Пустынь.

Вчера меня (при чтеніи въ *Московск. Вѣдом.* о томъ, что Фетъ сдѣланъ камергеромъ и что у него обѣдалъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ) вдругъ озарило: да отчего— *съ оговоркой отъ редакціи*—не попытаться поскорѣе напечатать мое письмо къ Фету въ *Гражданинъ*? И вотъ я передумалъ возвращать его отъ Васъ въ свой архивъ, и прошу Васъ, голубчикъ, *тотчасъ же вложите* этотъ листъ съ моимъ письмомъ князю Мещерскому и съ предисловіемъ и *съ письмомъ Фету,* и пошлите, ради Бога, заказнымъ на мои деньги.

Кстати скажите также Фуделю, что если Грингмуту не удастся заставить Петровскаго напечатать его статью о моей брошюрѣ, то пусть онъ пошлетъ ее также въ *Гражданинъ* со слѣдующей необходимой оговоркой наверху: „М. Г. Князь Владиміръ Петровичъ! *Хотя у Васъ* и была довольно большая замѣтка о брошюрѣ Леонтьева „Національная политика", или, точнѣе сказать, было подробное изложеніе ея содержанія, но позвольте, молъ, еще... въ виду серьезности

вопроса“... Или начать такъ статью, или сказать то же въ приватномъ, препроводительномъ письмѣ.

Разумѣется, это возможно только въ томъ случаѣ, если Фудель *не только излагаетъ, но и разсуждаетъ*, ибо *изложеніе*, какъ я сказалъ, уже было въ *Гражданинѣ*.

И еще передайте Фуделю, чтобъ онъ о гононарѣ молчалъ; пусть только Мещерскій напечатаетъ, а *потомъ* ужъ Я самъ съ него для Фуделя хоть по 5 коп. потребую.

Не попадутся ли въ *Русск. Вѣдом.* или гдѣ-нибудь „возраженія“ мнѣ? Мнѣ очень любопытно, что можно мнѣ возразить на *очевидные факты*.

Вл. Серг. Соловьевъ жестоко „предаетъ“ меня своимъ молчаніемъ! Видите, какъ даже у высоко-нравственныхъ людей мораль естественная несовершенна! А если бы онъ, при своей сердечной любви ко мнѣ и при значительномъ умственномъ нашемъ совпаденіи *въ частностяхъ*, считалъ *грѣхомъ* свое молчаніе, то ужъ съ его изобрѣтательностью какъ не найти, гдѣ отозваться о брошюрѣ, которую онъ, по словамъ Кристи, на словахъ превозноситъ! Если въ *Вѣстн. Европы* нельзя потому, что тамъ надо меня безусловно порицать, то въ *Русск. Мысли* можно бы ему легко найти modus vivendi!

Именно—fatum, какъ Вы писали!

Цѣлую Васъ еще и еще!

К. Леонтьевъ.

Письмо XXIX.

17 апрѣля 1889 г. Оптина Пустынь,

Христосъ Воскресе!

Благодарю за все: за краски и за книги, и за добрую память. Лизавета Павловна поздравляетъ Авдотью Тарасовну *и ждетъ не дождется ее сюда.* Осуществится ли Ваша мысль пожить въ Оптиной это лѣто? *Недостачу* скоро *дополню*. Самъ жду изъ СПБ.

А пока прошу Васъ, будьте любезны, *мимоходомъ* зайдите на Плющиху въ домъ Шеншина (Фета), узнайте тамъ его *деревенскій* адресъ и сообщите на отвѣтной карточкѣ. Мнѣ, хоть и не особенно къ спѣху, а непремѣнно нужно.

На дняхъ вышлю или Вамъ, или Фуделю, или Кристи

№№ съ моей статьей „Кстати и некстати“. Только что получилъ самъ вчера.

К. Леонтьевъ.

Письмо XXX.

28 апрѣля 1889 г. Оптина Пустынь.

Послушайте, Александровъ, Май ужъ на дворѣ. Отчего же бы Вамъ не пріѣхать сюда на все лѣто съ Авдотьей Тарасовной хоть до половины августа? Я берусь Васъ устроить дешево. Во-первыхъ, близко отъ меня можно въ новой гостиницѣ имѣть одну, а можетъ быть и двѣ маленькихъ комнаты рублей за 10 въ мѣсяцъ; а на счетъ обѣда тоже, я ручаюсь, что устрою Васъ очень экономно съ моимъ поваромъ, такъ что, когда хотите, будете у меня обѣдать, а когда вздумается Вамъ обнаружить полнѣйшую независимость, то Вамъ будутъ въ судкахъ носить въ номера кушанье. Теперь у Васъ есть 50 руб. вѣрныхъ въ мѣсяцъ. Здѣсь и займетесь покойно, и погуляете, и помолитесь, и со мной побесѣдуете, и разный народъ увидите. Что касается меня, то я буду блаженствовать отъ Вашего общества. Ну, а какъ Лизавета Павловна Авдотью Тарасовну полюбила, такъ это Вы сами знаете. Я же все слабѣю и слабѣю, и Богъ знаетъ долго-ли Вамъ придется видѣть меня въ живыхъ. Фудель—другое дѣло: онъ на службѣ,—а Вамъ, *что?*

Я очень огорченъ смертію *реакціонера*—министра Толстого, и все думаю о томъ, кого Государь выберетъ ему въ преемники. Боюсь за будущность земства и сословности!

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Простите, что 5 руб. еще не выслалъ за книги. Самъ отъ Мещерскаго жду.

Письмо XXXI.

2 іюня 1889 г. Оптина Пустынь.

Сейчасъ получилъ отъ скитскаго библіотекаря отвѣтъ, что „Исторія Русской Церкви“ преосвященнаго Макарія у нихъ *есть* [72]).

---

[72]) Трудъ преосвященнаго Макарія нуженъ мнѣ былъ для моихъ уни-

Весь домъ нашъ радуется Вашему пріѣзду.

До скораго свиданія.

К. Леонтьевъ.

Письмо XXXII.

28 августа 1889 г. Оптина Пустынь.

Я Фету съ книжками своими („Кстати и Некстати") послалъ и Ваши стихи Вяземской [73]).

Полагаю, что его судъ доставитъ Вамъ удовольствіе.

Письмо его *непремѣнно* возвратите. Я его письмами очень дорожу.

Обнимаю Васъ. Авдотьѣ Тарасовнѣ жму руку. Жена моя плакала, когда вы оба уѣхали.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. А каковъ Грингмутъ-то? *Доберитесь-ка* до *дѣйствительной* правды. Любопытно.

Письмо XXXIII.

6 сентября 1889 г. Оптина Пустынь.

Рекомендую Вамъ, милый поэтъ мой, *еще одного*, тоже весьма милаго, юношу и совсѣмъ почти готоваго единомышленника: *Евгенія Николаевича Погожева*. Онъ напечаталъ въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*" и издалъ особой брошюркой разсказъ о своемъ богомольѣ къ преподобному Сергію. Много религіознаго чувства и поэзіи. У него вообще много энергіи и способностей. Помоги ему Богъ не сбиться съ добраго пути!

верситетскихъ занятій, и я спрашивалъ К. Н-ча, не найдется ли онъ въ Оптиной Пустыни, чтобы мнѣ не везти его съ собой изъ Москвы. *А. Ал—овъ.*

[73]) Акростихъ княгинѣ М. В. Вяземской, жившей съ своимъ мужемъ въ имѣніи, по сосѣдству съ Оптиной Пустынью, былъ написанъ мною по просьбѣ и отъ лица К. Н-ча (его—общая мысль, мое—развитіе ея, подробности, поэтическія украшенія, форма, въ видѣ обращенія отъ него къ ней). Отъ лица княгини Вяземской, по просьбѣ ея, отвѣтилъ К. Н-чу очень милымъ стихотворнымъ посланіемъ гостившій въ то время съ семьей въ Оптиной Пустыни А. П. Саломонъ, впослѣдствіи директоръ Императорскаго Александровскаго Лицея въ Петербургѣ. Акростихъ мой очень понравился К. Н-чу. Хвалилъ его и А. А. Фетъ въ томъ письмѣ къ нему, о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ. *А. Ал—овъ.*

Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ Вы подружились. Онъ то очень *экспансивенъ;* но Вы-то, пожалуста, ужъ не таите слишкомъ ужъ „басисто“ всѣ Ваши перлы въ бездонномъ океанѣ Вашей души!

Онъ привезетъ Вамъ 5 портретовъ моихъ, которые прошу Васъ раздать по подписямъ. Кристи пробудетъ, кажется, нѣсколько дней въ Москвѣ, проѣздомъ въ Петербургъ,—а гдѣ остановится, не знаю.

Портреты съ надписями: *Кривоблоцкому* и *Залетову*—требуютъ нѣкоторой „политики“. Оба они—секретари Цензурнаго Комитета, и обоихъ я ихъ люблю гораздо больше, чѣмъ цензоровъ (за исключеніемъ Астафьева); хорошо бы доставить имъ портреты *лично* и особо, съ тѣмъ, чтобы не показать неумѣстнаго пренебреженія предсѣдателю, Назаревскому и Егорову (цензору тоже). Я съ ними былъ тоже въ недурныхъ отношеніяхъ. А портреты уже всѣ розданы.

Не потрудитесь ли Вы съ этой цѣлью зайти на домъ хоть къ старшему—*Николаю Станиславичу Кривоблоцкому* (жилъ прежде на Молчановкѣ, въ д. князя Оболенскаго, на дворѣ). А Залетову онъ передастъ. Кстати—скажу—у него прекрасная семья, три дочери: старшая—Марья Николаевна—особенно замѣчательна и умомъ и характеромъ. Тоже „кладезь“ порядочный, не хуже Васъ, *таящій* все гдѣ-то и что-то. Религіозна почти до фанатизма и *очень* умна,—а вы знаете, что я на этотъ эпитетъ очень скупъ.

Скажите ей, если встрѣтите ее (а то отцу), что я бы желалъ получить отъ нея письмо, длинное и хорошее, и объ ней самой, и объ отцѣ, котораго люблю крѣпко.

Еще кстати—вообразите—Погожевъ говоритъ, что Фетъ содержитъ *посты* и даже будто бы Рождественскимъ постомъ Великаго Князя Константина Константиновича накормилъ постнымъ обѣдомъ. Нельзя ли разузнать объ этомъ навѣрное? Мнѣ и не вѣрится,—дотого это пріятно! Ну, прощайте; цѣлую Васъ крѣпко, и очень боюсь за Васъ, что у Васъ никогда никакихъ знакомыхъ не будетъ, кромѣ Тиличеевыхъ и Пальминыхъ...[74]) Ахъ, какъ боюсь и какъ вздыхаю!

К. Леонтьевъ.

---

[74]) Общіе наши московскіе знакомые, нѣсколько причастные и литературѣ. Л. И. Пальминъ—довольно извѣстный въ свое время поэтъ. *А. А—въ.*

P. S. Авдотьѣ Тарасовнѣ—мое почтеніе.

А Грингмутъ-то! Грингмутъ-то! При такихъ единомышленникахъ понятно, что хоть бы Погожевъ, напр., и понятія не имѣетъ о моихъ статьяхъ (за исключеніемъ о. Климента). Я уже далъ ему свой экземпляръ моего Сборника.

Нельзя ли узнать, не набралось ли что у Карбасникова за все лѣто? Если набралось, я напишу, куда употребить.

Вышлите мнѣ, пожалуста, *посылкой* 5 экземпляровъ Сборника моего. Сочтемся.

Вырѣзку „*Историческаго Вѣстника*“ сохраните, и, когда будете возвращать мнѣ книжку съ другими вырѣзками, вложите.

Еще просьба:

1) Купите, голубчикъ, и вышлите мнѣ хорошія *англійскія* настоящія, маленькія, *тонкія* ножницы вотъ такого фасона для тонкой женской работы.

(NB. Приложенъ рисунокъ).

2) По прилагаемому рецепту нужно взять масло у Ферейна; говорятъ, будто у насъ запрещено,—но по рецепту моему, вѣроятно, дадутъ, ибо я изъ списковъ врачей не исключенъ [75]). И посерьезнѣе вещи, и не для себя, а для кого угодно, по моимъ рецептамъ отпускаютъ. Все бы вмѣстѣ и прислали. Только ужъ въ ящикѣ, чтобы стклянку съ масломъ не раздавить.

Если получите хоть что-нибудь отъ Карбасникова, то вычтите за покупки и за пересылку. Если же достанетъ денегъ, то купите мнѣ еще Спенсера „Основы психологіи“ (?) или „Основы этики“ (?)—не знаю. Петръ Евгеніевичъ знаетъ. Это та книга, гдѣ предсказывается, что *всѣ примѣнятся* къ жизни, и будетъ *всѣмъ легко*.

---

[75]) К. Н—чъ, послѣ 4 лѣтъ пребыванія на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета, уѣхалъ военнымъ врачемъ въ Крымъ, на мѣсто военныхъ дѣйствій, во время Севастопольской компаніи, гдѣ оставался врачемъ нѣкоторое время и по окончаніи компаніи. Тамъ онъ и женился на крымской гречанкѣ, дочери лавочника, дѣвушкѣ необыкновенно милой, доброй, жизнерадостной, полной природной поэзіи и граціи, на столь часто упоминаемой въ этихъ письмахъ Лизаветѣ Павловнѣ. Познакомившись съ нею лишь въ позднѣйшіе годы ея жизни, когда у нея, послѣ перенесенной ею психической болѣзни, оставался лишь слабый слѣдъ всего прежняго, я храню о ней тѣмъ не менѣе самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ, взросломъ, больномъ ребенкѣ. *А. А—въ*

Письмо XXXIV.

7 сентября 1889 г. Оптина Пустынь.

Получилъ ваше письмо отъ 2 сентября (съ письмомъ Фета).

1) О Грингмутѣ. Не понимаю, какъ можно *дѣльно* возражать на брошюру „Національная Политика", не взявши въ разсчетъ и второй статьи „Плоды національныхъ *движеній*"— только потому, что она не издана отдѣльно. Если Вы не бросили тѣхъ вырѣзокъ, которыя я Вамъ въ свое время послалъ, и если Грингмутъ *въ самомъ дѣлѣ* за дѣло хочетъ взяться серьезно, то дайте ему эти вырѣзки второй статьи. Подозрѣваю только, между нами, что въ возраженіи его будетъ больше оппортунизма, чѣмъ искренности.

2) Статью о Черновѣ [76]) лучше было бы мнѣ прежде прислать. Прежде всего потому, что я Берга знаю лучше, чѣмъ Вы, и знаю, чѣмъ и какъ ему „потрафить". Ну, и за Чернова самолюбіе я не спокоенъ: видите, ему и такъ отъ „нашихъ" досталось за меня.

3) Губастову [77]) біографическія свѣдѣнія не готовы,—да я еще и не понялъ, чего онъ отъ меня хочетъ. Жду отвѣта.

4) Объ изданіи „Одиссея" я еще не отложилъ попеченія. Лучше всего будетъ (черезъ Кристи или черезъ кого-нибудь еще) обратиться сначала къ Суворину. Тогда увидимъ. Благодарю за намѣренія: но отчего же Вы не рѣшаетесь все таки испытать Л. Н. Толстого съ этой стороны [78])? Если *неожи-*

---

[76]) Подъ псевдонимомъ Чернова французъ Портье д'Аркъ напечаталъ въ журналѣ La Nouvelle Revue (1889, II) статью о К. Н. Леонтьевѣ, очень по отношенію къ нему благожелательную, а мѣстами и прямо восторженную, но не лишенную и нѣкоторыхъ неточностей. Для ознакомленія русскаго общества съ этой статьей и для исправленія ея неточностей я написалъ статью по поводу нея. О ней-то и идетъ рѣчь здѣсь въ слѣдующихъ письмахъ. Напечатана она уже по смерти К. Н—ча въ *Русск. Вѣстн.* 1892, IV. *А. А—овъ.*

[77]) К. А. Губастовъ—старый другъ и сослуживецъ К. Н. Леонтьева по его консульской службѣ на Востокѣ. Въ это время служилъ уже въ Вѣнѣ, и просилъ, повидимому, біографическихъ свѣдѣній его для какого-либо изъ заграничныхъ энциклопедическихъ словарей. Чрезвычайно интересныя письма К. Н. Леонтьева къ К. А. Губастову, напечатаны въ *Русск. Обозр.* 1896 и 1897 г.г. К. А. Губастовъ служилъ потомъ нашимъ представителемъ при Ватиканѣ и потомъ былъ тов. Мин. Ин. Дѣлъ. *А. А—въ.*

[78]) К. Н. Леонтьевъ просилъ меня поговорить со Л. Н. Толстымъ, чтобы онъ написалъ предисловіе къ его „Одиссею". Ничего изъ этого, конечно, не вышло. *А. А—въ.*

данно согласится, подивимся вмѣстѣ и порадуемся за меня. Если, какъ и вѣроятно, откажется, не будемъ плакать, и тоже порадуемся *за идею*, т. е. за невыдержку чистой этики безъ Бога, Христа и старцевъ. Старецъ, знавши, что „Одиссей“—вещь *безвредная*, и услышавши отъ него сознаніе въ томъ, что онъ дѣйствительно ее не разъ и при самомъ авторѣ публично хвалилъ, и что автору нужны деньги, даже не для себя, а для уплаты старыхъ долговъ, и т. д.,—старецъ, говорю я, прямо-бы *велѣлъ* ему приклеить къ этому изданію свой популярный штемпель. . . . .

5) На счетъ *моей мебели*[79]), къ сожалѣнію, *еще при Васъ* явились препятствія совершенно нравственнаго рода, а не экономическаго, ибо ей, этой мебели, такъ и суждено даромъ пропасть. Я только не сказалъ Вамъ объ этомъ тогда оттого, что меня это очень раздосадовало. Марья Владиміровна сдѣлала большую ошибку и неосторожность, особенно при тѣхъ исключительныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы другъ къ другу находимся вотъ уже скоро 5 лѣтъ. Мебель эта никакого отношенія къ Кудиновскому наслѣдству не имѣетъ; она вся была куплена мною во время службы въ Москвѣ. Уѣзжая сюда, я почти все самое пригодное далъ на подержаніе Ник. Як. Соловьеву; а когда онъ уѣзжалъ, то, не зная, куда ее дѣть, онъ обратился къ Марьѣ Владиміровнѣ. Она должна была сказать, что она до этого *не коснется*; но, по горячности своей, желая угодить и ему и мнѣ, не остереглась, взяла ее, и раздала туда и сюда, ни у кого не спросясь. Другая моя племянница, монахиня Катерина Васильевна, узнавши объ этомъ, ужасно удивилась ея ошибкѣ, и, по моему порученію, пошла спросить у отца Амвросія, требовать ли у нея, чтобы она эту мебель разыскала и Вамъ передала. Но отецъ Амвросій не велѣлъ ей говорить объ этомъ (т. е. объ ошибкѣ ея), ибо она и безъ того и раздражена противъ меня и разстроена тѣмъ, что не можетъ со мной видѣться. Все это случилось *при Васъ еще*; но я промолчалъ, потому что мнѣ было *очень больно*, что я не могу *услужить Вамъ*. А теперь ужъ нельзя скрыть правду.

---

[79]) К. Н. Леонтьеву, несмотря на наши протесты съ женой, очень хотѣлось подарить намъ свою московскую мебель на новоселье и устройство нашего молодого хозяйства. *А. А—въ.*

6) Сегодня получилъ кой-откуда деньги, и потому посылаю Вамъ *стараго долга* 5 руб. А къ покупкамъ новымъ прошу прибавить еще: 1) листовъ 6 *цвѣтной бумаги* для колпаковъ на лампу,—*темно-лиловой* и *малиновой—по три*, свѣтлыхъ не надо; и 2) *желѣзныхъ перьевъ* (не иначе, какъ въ „Сотрудникѣ школъ“, на углу Воздвиженки) 1 коробочку, M. Turnor et C-ie, № 511.

7) „Одиссея“ подождемъ. А если только найдете время, то нельзя ли найти издателя для брошюры „Плоды національныхъ движеній“ (листовъ 6—7). *Весь доходъ*—по покрытіи расхода—*издателю*. Мнѣ дорога *эпоха*, а не деньги.

К. Леонтьевъ.

Письмо XXXV.

12 сентября 1889. Оптина Пустынь.

Милый Александровъ, я все надоѣдаю Вамъ то тѣмъ, то другимъ, вѣруя слѣпо въ Ваше долготерпѣніе. Съ этой почтой я разомъ (но особо, чтобы не мять рукописи) посылаю 5 портретовъ моихъ, которые забылъ отдать Погожеву, и I главу „Анализа и стиля“ для прочтенія и поправокъ Петру Евгеніевичу. Хотя я очень храбро поставилъ эпиграфомъ рѣшительныя слова Пилата [80]), но значеніе они будутъ имѣть лишь послѣ провѣрки Астафьевымъ этой I главы, гдѣ я позволяю себѣ говорить и объ отвлеченной психологіи. Я не признаю себя сильнымъ въ метафизикѣ и всегда боюсь, что я что-нибудь слишкомъ реально и по-человѣчески, а не по-философски понялъ. Вы знаете, какъ опредѣлялъ метафизику Вольтеръ? Слушайте:

„Когда человѣкъ говоритъ, и никто его не понимаетъ, и когда онъ самъ, наконецъ, начинаетъ ничего не понимать,— это метафизика!“

Конечно, и на этомъ Петръ Евгеніевичъ могъ бы меня сейчасъ поймать, воскликнувъ: „психологія или метафизика—большая разница!“ Но я остаюсь правъ *по чувству*; я понимаю очень ясно, я *чувствую* психологію болѣе конкретную (самолюбіе, гнѣвъ, любовь, твердость, „самоваръ и раскаяніе“ у русскихъ по Рошфору и т. д.); но когда начинает-

80) „Еже писахъ—писахъ“. *А. А—въ.*

ся психологія болѣе *метафизическая* (эмоціи, навыки, ассоціаціи и т. д.), у меня начинаетъ „животы подводить“ отъ страха, что я не пойму... Никакъ всего этого пальцами не ухватишь,—и, вѣрьте, есть, напр., у Шопенгауера страницы (напр., объ эстетикѣ), которыя для меня ясны, какъ день, а въ его „законахъ достаточнаго основанія“ и т. п. рѣшительно ни бельмеса не понимаю!

Прошу Петра Евгеніевича всю эту главу просмотрѣть *строго*, такъ, то есть, чтобы *и врагу* понравилось, и сдѣлать карандашемъ *на оборотахъ* страницъ замѣтки. На страницѣ 13 есть мое NB карандашемъ; я нарочно написалъ *объ немъ* на особой страницѣ, чтобы ее легко было бросить, ничего не путая, если окажется, что я *вовсе не такъ его понялъ*.

Неужели же я такъ ужъ съ этой стороны глупъ!? Кто знаетъ!? Просите его не задерживать. Неужели онъ ужъ такъ отъ меня отбился и забылъ меня сердцемъ, что и этимъ потяготиться? Придется еще разъ вспомнить Рошфора, ибо Вы вѣдь говорили мнѣ, что онъ немножко кается въ той грубости, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, оставивъ мое письмо безъ отвѣта. Объясните ему кратко, въ чемъ содержаніе самой статьи, къ которой эта I глава вродѣ предисловія. Надо Бергу *поскорѣе* мою статью послать, чтобы онъ на меня не сердился: тогда и Вашу [81]) охотнѣе напечатаетъ.

Цѣлую Васъ крѣпко.

Ну, какъ Авдотья Тарасовна? Помнитъ ли уроки сердитаго старика?

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

P. S. Отъ Губастова давно нѣтъ отвѣта; отъ Фуделя даже, отъ аккуратнаго Фуделя—давно нѣтъ слуховъ... Скучно!

Письмо XXXVI.

20 октября 1889 г. Оптина Пустынь.

Дорогой другъ мой, Анатолій Александровичъ! и письмо Ваше и посылку *давно* получилъ, и весьма за все Вамъ благодаренъ.

---

[81]) Статью мою о К. Н. Леонтьевѣ. Напечатана послѣ его смерти въ *Рус. Вѣст.* Берга. *А. А—въ*.

Прежде всего прошу Васъ: пришлите мнѣ счетъ Вашихъ затратъ (ножницы, бумага для лампъ и т. д.). По полученіи счета сейчасъ вышлю.

Не отвѣчалъ долго; что дѣлать! Съ самаго Вашего отъѣзда до начала октября на меня нашелъ какой-то странный и вообще непривычный мнѣ упадокъ духа: я чувствовалъ, что продолжать занятія *надо*, а между тѣмъ рѣшительно заниматься *не могъ*—ни свѣтскимъ, ни духовнымъ; я не могъ найти этому состоянію духа моего никакой внѣшней причины, потому что ничего особеннаго не случилось... Наконецъ, напалъ на причину—внутреннюю и религіозную: я всегда говѣю всѣ 4 поста; а въ этотъ годъ Успенскимъ постомъ облѣнился и не говѣлъ. От. Амвросій одобрилъ мое намѣреніе поговѣть въ началѣ октября; я исполнилъ это,—и съ тѣхъ поръ сталъ заниматься.

Бьюсь все еще (именно *бьюсь!*) надъ статьей о Толстомъ [82]); зашелъ въ такія эстетическія и психологическія дебри, что никакъ не могу выйти на свѣтъ Божій. Только всего дня три—не болѣе, какъ начинаю подозрѣвать и близость опушки и догадываться, въ какую сторону надо сквозь колючіе кусты мнѣ ломиться... Собственныя впечатлѣнія до того, наконецъ, притупились, что *одному* стало невозможно судить собственный вкусъ. Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій [83]) обѣщалъ въ будущую субботу пріѣхать съ утра и слушать. Онъ очень уменъ и образованъ и со вкусомъ,—но, видимо, привыкъ совсѣмъ къ другому порядку мыслей, чѣмъ я, и находитъ, что *разговоръ* мой ему *яснѣе*, чѣмъ мои статьи. Какъ это странно! Но оно и полезно съ другой стороны, потому что его возраженія вынуждаютъ меня все на большую и большую къ себѣ строгость. Въ *общемъ* чувствѣ относительно Толстого—я думаю, что я правъ; но боюсь, что я другимъ буду неясенъ. И потому я рѣшилъ такъ: по окончаніи пошлю Вамъ и при этомъ „оффиціозное" письмо Петру Евгеніевичу съ просьбой прочесть это въ Психологическомъ Обществѣ, и общимъ рѣшеніемъ членовъ рѣшить, *заслуживаетъ ли это напечатанія или нѣтъ*. Возвращать сюда ру-

---

[82]) „Анализъ, стиль и вѣяніе". О романахъ Л. Н. Толстого. *А. А—въ.*

[83]) Сосѣдній помѣщикъ, впослѣдствіи, въ 1906 г., оберъ-прокуроръ Св. Синода. *А. А—въ.*

копись снова для исправленія *частностей* не желаю. Безъ ошибокъ нельзя,—пусть будутъ ошибки; но если вообще *не дышитъ истиной*, а только какой-то гастрономическій и слишкомъ оригинальный бредъ, то пусть рукопись остается *у Васъ*, на память того, какъ человѣкъ, столь *здравый* и даже иногда холодный въ политикѣ, можетъ быть „развратенъ умомъ“ въ художественной критикѣ... Потеряю, конечно, рублей 400! Жалко, и не столько себя, сколько другихъ, ибо почти всѣ они уже назначены на уплату позорныхъ, старыхъ долговъ. Ну, да что же дѣлать! Зачѣмъ печатать при жизни *свой бредъ*. Вамъ, если захотите, я не запрещаю *чужой* бредъ современемъ напечатать, какъ біографическую странность и *психозную* черту человѣка во многомъ другомъ здраваго; это Ваша воля. Вотъ Влад. Соловьевъ увѣряетъ, что языческіе жрецы „жили“ со *змѣями*. Онъ въ этомъ не виноватъ, и это совсѣмъ не то, что если бы онъ самъ напечаталъ бы трактатъ о томъ, что имѣть отношенія со змѣей очень пріятно и очень нравственно. Кстати сказать, все это, чтобы мнѣ не повторять вторично въ письмѣ къ Петру Евгеніевичу, потрудитесь ему прочесть. А до чего эта статья мнѣ наскучила, я Вамъ выразить не могу! Не дождусь избавиться; но раньше, какъ дней черезъ 10, не справлюсь.

Нетерпѣніе мое усиливается еще и тѣмъ, что, по окончаніи и отправкѣ ея, я долженъ буду, наконецъ, приступить къ исполненію выпавшаго мнѣ *жребія* [84]) начать романъ „Послѣдній лучъ!“ Жребій не сказалъ: *и окончить непремѣнно*. Онъ сказалъ только: *начать* предпочтительно передъ всѣмъ другимъ. Весьма возможно, что тайный смыслъ этого жребія, его скрытая и высшая телеологія въ томъ, чтобы убѣдить меня самого въ рѣшительный *уже* неспособности писать романы. Но начать я *обязанъ*. И мнѣ теперь, точно со стороны, прелюбопытно видѣть, какъ это К. Н—чъ Леонтьевъ возьмется за дѣло, которое ему вовсе не по сердцу. Ибо развѣ можно найти форму иную для выраженія пережитаго, кромѣ прямой, подробной и откровенной автобіографіи? По моему, нельзя. Измѣнить немного обстоятельства (для приличія и т. п.)—и *чувства дорогія* глубоко измѣнятся.

---

[84]) Рѣшеніе старца, о. Амвросія. *А. А—въ.*

О Вашей статьѣ [85]) не распространяюсь; она безусловно хороша,—достаточно смѣла и достаточно осторожна. Я почти ничего въ ней не исправлялъ, кромѣ кой-какихъ мелочей. Позволилъ себѣ, однако, въ 2—3 мѣстахъ „язычекъ" Вашъ повыровнять. Да еще выписку одну изъ моей книги прибавилъ, во избѣжаніе неясности. (О томъ, что *сложность* нынѣшней жизни все таки ведетъ къ уравнительному *упрощенію* соціальной картины).

Критика Ваша удовлетворяетъ меня,—а какъ выражена сторона біографическая, не слишкомъ ли замѣтно *мое* на этомъ вліяніе, мнѣ судить трудно. Отчего бы не дать это просмотрѣть болѣе безпристрастному человѣку?

Куда отдавать? Куда хотите. Морозовъ умеръ; не знаю только, тотъ ли это, который давалъ Боборыкину 40.000 [86]), или отецъ его. Вамъ это лучше знать. Если предполагаемое *Русское Обозрѣніе* не лопнуло, то, пожалуй, потому лучше въ него отдать, что Боборыкинъ (и Астафьевъ косвенно повліяетъ), можетъ быть, щедрѣе Берга Вамъ по знакомству заплатитъ.

Поговорите прежде съ ними, покажите имъ. Я думаю, что это лучше всего. А впрочемъ, это дѣло Ваше; какъ хотите. Если же рѣшите послать Бергу, то не забудьте въ письмѣ напомнить ему, что *онъ первый протянулъ мнѣ руку*: это доставитъ ему удовольствіе. Всякому пріятно видѣть справедливость и признательность въ людяхъ. Никогда не надо этими случаями „добраго слова" пренебрегать. У насъ на это скупы и забывчивы. *Не забудьте оттисковъ съ десятокъ* попросить и мнѣ *пятокъ* пожертвуйте.

Вы ничего не написали мнѣ о Карбасниковѣ [87]). Вѣрно, еще недосугъ было? Когда успѣете, напишите, голубчикъ.

Былъ ли у Васъ Кристи? Или опять все съ „тетками и братьями" въ вихрѣ? Коротенькое письмо отъ него получилъ недавно.

У Фуделя дочка ужъ успѣла и родиться и умереть.

[85]) Статья о К. Н. Леонтьевѣ. Напечатана послѣ его смерти, *Рус. Вѣстн.* 1892, № 4. *А. А—въ.*

[86]) Дав. Ив. Морозовъ, основатель *Рус. Обозр.* Но умеръ въ это время не онъ и не отецъ его. *А. А—въ.*

[87]) У Карбасникова были на комиссіи сочиненія К. Н. Леонтьева. *А. А—въ.*

У насъ Варя также родила очень легко мальчика (Сергѣя),—и оба, мать и сынъ, здоровы.

Всѣ мы благодаримъ Авдотью Тарасовну за память.

Статья Ваша будетъ на дняхъ переписана здѣсь *превосходно* однимъ монахомъ. И тогда вышлю ее.

Я пришелъ въ ужасъ за Васъ, при мысли, что Вы сами будете все это еще переписывать! Привыкайте прямо *начерно* отдавать въ типографію. Это жестокая трата времени и труда.

Обнимаю Васъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо XXXVII

4 Ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

За васъ, милый мой, очень радъ Ярославскому дѣлу [88]), если оно выгодно; но грустно, что всѣ мои „птенцы" разлетаются туда и сюда по Россіи. Скоро у меня никого не будетъ въ столицахъ для помощи въ моихъ дѣлахъ.

Боюсь, что, при дурныхъ теперешнихъ путяхъ, это письмо къ 7-му опоздаетъ. Но если поспѣетъ, то передайте комиссіонныя расписки Карбасникова въ Цензурный Комитетъ Сергѣю Васильевичу Залетову, младшему секретарю, съ покорнѣйшею просьбой принять на себя этотъ трудъ. Я на дняхъ обо всемъ напишу ему,—и для книгъ моихъ найдемъ мѣсто.

Пока прощайте. Когда утвердитесь въ Ярославлѣ, написать готовъ подробнѣе; но Вы такъ пишете, что какъ будто Вы черезъ мѣсяцъ еще вернетесь въ Москву?

Какъ же быть?

Буду ждать хоть самой короткой вѣсти, куда вѣрнѣе писать.

Понукать слишкомъ переписчика Вашей статьи (пожилого монаха, изъ дворянъ и весьма образованнаго) нельзя. Получитъ онъ всего-то 3 руб. сер.! Но во всякомъ случаѣ *надняхъ* я ее вышлю Вамъ въ Ярославль.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—мой привѣтъ.

Господь помози Вамъ.

К. Леонтьевъ.

---

[88]) Мѣсто воспитателя сына желѣзозаводчика Л. Н. Пастухова. *А. А—въ*.

Письмо XXXVIII.

14 Ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

Дорогой мой и милый Анатолій Александровичъ! посылаю, *наконецъ*, Вамъ статью Вашу, превосходно переписанную. Поправокъ я сдѣлалъ очень мало: вставилъ въ одномъ мѣстѣ еще двѣ цитаты изъ „Византизмъ и Славянство" о *сложности*, *смѣшеніи* и *упрощеніи*, для ясности; вычеркнулъ вездѣ (кажется) эпитетъ „прекрасная" въ приложеніи къ статьѣ Чернова, ибо этого эпитета, надо имѣть безпристрастіе сознаться, она всетаки не стоитъ. Въ ней слишкомъ много для этого недостатковъ. Напр., это крайнее неравновѣсіе между чрезмѣрной грандіозностью общаго вступленія и конца съ самимъ „портретомъ" литератора, котораго, какъ тамъ ни толкуйте, никто (кромѣ 2—3 юношей да Т. И. Филиппова) все-таки знать не хочетъ. Грѣшный человѣкъ, я могу вѣрить въ относительную *правоту* не признаваемаго человѣка, но ужъ „величія"-то никакъ не умѣю видѣть въ томъ, кто *не съумѣлъ заставить* себя признать. Поэтому и не идетъ, когда говоришь о такомъ умѣ или дарованіи, которое не заслужило славы при жизни, взлетать такъ высоко и указывать на такіе широкіе кругозоры. Мало-ли, что въ колоколѣ, напр., *таится* прекрасный звонъ; но если онъ стоитъ на землѣ, не *съумѣлъ* взойти на колокольню, то этого звона никто не услышитъ. А по смерти? Ну, вотъ Вамъ Данилевскій [89]). Только что открыли его, а Соловьевъ уже, успѣшно отчасти, отвергаетъ его значеніе, да и въ моихъ статьяхъ вся *либеральная* сторона его труда тоже отвергается. Ни при жизни—серьезнаго вліянія, ни по смерти—долгаго *господства*...

Статья Чернова вовсе не прекрасна,—и, при всей моей ему признательности, я не могу быть въ ея достоинствахъ ослѣпленъ. *Идеями* автора онъ не занялся, какъ слѣдуетъ, а самого автора возвеличилъ какъ-то не по заслугамъ.

Изъ Вашей статьи я выбросилъ еще страницы 2, тамъ, гдѣ говорилось о моихъ достоинствахъ на консульской службѣ. Все это—правда, и можно бы и гораздо больше этого похвалиться на документальныхъ основаніяхъ; но тогда

---

[89]) Никол. Яковл. Данилевскій, авторъ книги „Россія и Европа". *А. А—въ.*

уже надо самому писать автобіографію, а *здѣсь* это было слишкомъ замѣтно, что Вы эту оцѣнку слышали отъ меня самого. Неловко; и Вамъ невыгодно; я боюсь и Вамъ повредить при первыхъ шагахъ Вашихъ.

Другое дѣло—всѣ эти опроверженія насчетъ того, чѣмъ я былъ смолоду (Базаровъ или нѣтъ): тутъ не бѣда, что свѣдѣнія прямо отъ меня. Всякій имѣетъ право желать, чтобы ему не приписывали публично такихъ мнѣній и вкусовъ, которыхъ онъ не имѣлъ.

Куда отдавать: въ *Русское Обозрѣніе* или въ *Русскій Вѣстникъ?* Я уже писалъ Вамъ: Какъ хотите. Если вы предпочитаете *Русское Обозрѣніе*, то совѣтую дѣйствовать черезъ Астафьева, а не прямо Цертелеву въ руки. Цертелевъ *не можетъ* намъ съ Вами искренно сочувствовать; у него на умѣ другое: какой-то буддизмъ, котораго онъ обнаружить вполнѣ не можетъ, но... и т. д.

Теперь о другихъ дѣлахъ:

1) Прошу Васъ, не опоздайте слишкомъ возвращеніемъ всего того, и печатнаго, и рукописнаго, что я Вамъ далъ для справокъ: „опыты" Спенсера, брошюры Петра Евгеніевича, мои тетрадки въ голубой оберткѣ и если еще что я забылъ. Я очень безпокоюсь обо всемъ этомъ,—особенно о голубыхъ тетрадкахъ. Мнѣ все это очень нужно.

2) Сергѣю Васильевичу Залетову я надняхъ напишу о Карбасниковѣ, а Вы, если комиссіонныя расписки у Васъ съ собой въ Ярославлѣ, то вышлите ихъ ему скорѣе съ двумя словами объясненія. *Непремѣнно заказнымъ*.

3) На объявленія средствъ не имѣю: Мещерскій долженъ мнѣ 86 руб. сер. съ лѣта и все не высылаетъ. Да и *на что?* Даже стыдно немножко, и словно грѣхъ—тратить деньги безъ пользы?

4) Мнѣ немножко непріятно, что Вы не хотите мнѣ выслать счетъ за ножницы, ламповую бумагу и стальныя перья!

Какъ-то теперь Авдотья Тарасовна въ Москвѣ безъ Васъ поживаетъ?

У насъ пока все славу Богу. Я хвораю, но все по старому, а не хуже.

Батюшка о. Амвросій здоровъ, по мѣрѣ силъ своихъ.

Я теперь очень занятъ,—и если не заболѣю сильно, то и

буду все занятъ до Рождества. Большой трудъ, но занимательный и не спѣшный.

Очень жаль мнѣ, что Вы всетаки не *духовно* поняли то, что я писалъ Вамъ о своемъ *унынiи* отъ конца августа до октября. Я писалъ Вамъ, что *внѣшнихъ причинъ* этому не было, а было оттого, что я въ августѣ *не говѣлъ*, и когда въ октябрѣ поговѣлъ, прошло, и я сталъ заниматься. А Вы мнѣ пишете: „Вамъ, мой другъ, не унывать теперь надо, а радоваться, потому что все *идетъ въ Россiи по Вашему*“... Не могутъ ни реакцiонныя реформы Правительства (весьма, къ тому же, еще слабыя), ни благопрiятное для насъ положенiе европейской политики, ни болѣе религiозное (очень еще нетвердое, замѣтимъ) направленiе въ литературѣ и обществѣ,—не можетъ все это, хотя и дорогое, но внѣшнее и социальное, избавить отъ *лично-неправильного* нашего *отношенiя* къ Богу и Церкви въ данное время. Унынiе мое—духовное и, видимо, безпричинное—никакого отношенiя къ этому не имѣло. Ахъ! Ахъ! Вы еще плохо—я вижу—*мистическое*-то выучились *чуять*... Надо учиться!

Да ужъ если къ слову сказать, ужъ слишкомъ-то и по общественнымъ дѣламъ нечему радоваться.

Только читая газеты (самыя еще реакцiонныя—„*Гражданинъ*“ и „*Московскiя Вѣдомости*“!), видишь столько пошлаго и *умѣренно-европейскаго* въ этой общественной жизни нашей, и *прогрессъ* всетаки вездѣ—и въ Европѣ, и въ Америкѣ и въ Японiи—такъ ужъ въѣлся, что его люди иногда и не замѣчаютъ, не узнаютъ... А это *онъ*, и все ѣстъ и ѣстъ, и пожираетъ, и подтачиваетъ и подтачиваетъ...

Физическихъ и душевныхъ силъ ужъ нѣтъ *дѣлать вырѣзки* изъ газетъ, а то бы можно было составить коллекцiю поучительную и печальную...

Писать объ этомъ тоже не стану... Опять одни скажутъ—безумiе, фанатизмъ, „оригинальность“ (это вѣдь тоже порицанiе), а другiе—à la Грингмутъ и К-°—предадутъ тебя молча, какъ лѣнивые, или трусливые, или равнодушные, или даже лично-нерасположенные предатели...

Не примите этого за раздраженiе. Избави Васъ Боже отъ такой ко мнѣ несправедливости! Вѣдь это *правда*, и правда—*духовно* для смиренiя моей гордости умственной весьма полезная... Это перстъ Божiй... Что же я буду за свинья, если

въ 58 лѣтъ и послѣ столькихъ испытаній буду раздражаться серьезно и... даже *наивно* какъ-то...

Но надо понимать дѣло *такъ, какъ оно есть...*

Да и *поступки* людей можно тоже безъ грѣха называть такъ, какъ они называются.

„Богъ не выдастъ—и *свинья* не съѣстъ“, конечно. Но вѣдь свинья—свиньей все останется, сколько бы Вы ей ни прощали по-христіански въ сердцѣ-то Вашемъ ея свинства противу Васъ.

Видно, *такъ нужно.*

Крѣпко цѣлую Васъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Не слишкомъ надолго ужъ *умолкайте.* А я теперь, *если позволите,* помолчу подольше; право, утро все занято, а вечеромъ—я чѣмъ дальше, тѣмъ больше предаюсь ужасной лѣни, и даже скуку предпочитаю вечернимъ занятіямъ...

N. B. Въ Ярославлѣ я самъ прожилъ *осень 1849 года,* отъ августа, кажется, до конца октября, въ Лицеѣ студентомъ. Но тогда тамъ такъ мало занимались, что я испугался и соскучился, и перешелъ въ Москву среди зимы на медицинскій факультетъ.

Что касается до *вида города* и до многихъ знакомствъ, то это все оставило во мнѣ довольно пріятную память.

Не помнитъ ли меня кто тамъ?

Письмо XXXIX.

19 ноября 1889 г. Оптина Пустынь.

Вчера получилъ Ваше письмо изъ Ярославля. На-дняхъ Вы получите, вѣроятно, и посылку съ рукописью.

Если Вы, голубчикъ, *непремѣнно хотите,* чтобы я рѣшилъ, куда ее отдать, такъ ужъ, я думаю, пошлите (Федору Николаевичу) Бергу. Отъ него я видѣлъ сочувствіе,—а что думаетъ этотъ скучный Цертелевъ, не знаю. Не забудьте только двѣ вещи: 1) въ препроводительномъ письмѣ упомяните, что Вы отъ меня слышали, что *онъ первый,* по пріѣздѣ моемъ изъ Турціи, протянулъ мнѣ руку пріязни и помощи; а 2) выговорите себѣ оттисковъ (20 что ли). Пять-шесть мнѣ дайте: Губастову хочу послать и себѣ оставить.

Залетову написалъ и все объяснилъ.

Надняхъ принимаюсь *рѣшительно*, наконецъ, за рукопись „Анализъ и т. д.“ Очень она меня тяготитъ; недоволенъ ею и не радъ, что началъ!

Одна надежда, что „психологи“ московскіе ободрятъ. Но я вѣдь возвращать ее себѣ для новыхъ и несносныхъ исправленій не буду. А попрошу прямо рѣшить: стоитъ ли она вообще обнародованія или не стоитъ. Если „да“—въ журналъ *какъ есть*, со всѣми недостатками; если „нѣтъ“—подарю Вамъ, на память о человѣкѣ, который за все брался и ничѣмъ никому, кромѣ 3—4 человѣкъ, не угодилъ. Да и то больше благодаря личному знакомству!

Устройство Ваше (*за Васъ*) мнѣ очень нравится. Но Вы не пишете ничего о стипендіи? Долго ли ее еще будете получать? И есть ли надежда, что Вы лѣтомъ будете имѣть опять и средства и свободу къ намъ пріѣхать?

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Отъ всѣхъ нашихъ—привѣтъ Вамъ и Авдотьѣ Тарасовнѣ.

Письмо XL.

15 декабря 1889 г. Оптина Пустынь.

Получилъ исправно всѣ книжки и тетрадки. Очень Вамъ благодаренъ. Поздравляю съ наступающими праздниками и Новымъ Годомъ.

К. Леонтьевъ.

Письмо XLI.

11 января 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый другъ мой Анатолій Александровичъ! спасибо Вамъ за Ваше краткое, но *сердечное* поздравленіе и пожеланія на 1890 годъ. По мѣрѣ того, какъ старѣю, я и эти маленькіе знаки вниманія очень сталъ цѣнить.

Статью о Толстомъ третьяго дня „стряхнулъ съ плечъ“, какъ Вы прекрасно выразились (она очень утомила меня), но послалъ ужъ прямо Бергу, минуя Московскихъ психологовъ. Передумалъ. Если найдутся тамъ ошибки и нелѣпости (особенно техническія), съ ихъ, *психологической*, точки зрѣнія, все равно ужъ возвращать ее къ себѣ для поправокъ

я бы не рѣшился,—дотого она наскучила мнѣ! Все равно Астафьевъ долженъ былъ бы ее изъ Москвы Бергу прямо отправить. Только отсрочки,—а къ апрѣлю мнѣ деньги для банка и т. п. нужны.

Теперь до 1 февраля я даю себѣ отдыхъ отъ литературы; буду писать письма и читать что-нибудь; а съ 1 февраля, если ничто не помѣшаетъ, примусь продолжать романъ (который я уже началъ было до Рождества, но оставилъ на время, чтобы раздѣлаться, наконецъ, съ Толстымъ). Только не ждите, мой дорогой другъ, тѣхъ *новыхъ путей*, о которыхъ Вы пишете. Какіе же это могутъ быть новые пути? Для меня никакихъ нѣтъ, кромѣ догматическаго и аскетическаго Православія, *устоявшаго противъ науки и прогресса.* Но, чтобы эту идею облечь въ достойную форму, нуженъ трудъ сложный и большой (*не меньше* „Анны Карениной" или „Одиссея"); но Вы не повѣрите (по молодости Вашей), *до чего* это меня пугаетъ! Важность и святость вопроса возбуждаютъ во мнѣ богобоязненное чувство; обиліе матеріала и богатство и глубина моего личнаго опыта – какъ житейскаго, такъ и духовнаго—съ другой стороны просто подавляютъ меня. „Шевельнуть" все это страшно! Объективнѣе описать—будетъ труднѣе и выйдетъ хуже; болѣе лично—больно и совѣстно... Поэтому едва ли я уже сдѣлаю что-нибудь капитальное въ этомъ родѣ. Вѣрнѣе, что я поставлю себѣ цѣль болѣе низкую и грубую: написать скорѣе листовъ 15, чтобы расплатиться съ банкомъ, который меня связываетъ и мѣшаетъ мнѣ внести въ жизнь мою еще нѣкоторыя душеспасительныя измѣненія. Эта цѣль будетъ попроще, посмиреннѣе и повѣрнѣе. Разумѣется, *направленіе* должно быть религіозное; а получше или похуже въ эстетическомъ отношеніи—это ужъ *ничто* сравнительно съ получкой разомъ 1200—1500 руб. для разсчета съ Калужскимъ Обществомъ Взаимнаго Кредита.

„Укатали, голубчикъ мой, сивку крутыя горки!" Люблю я, грѣшный, все *земное* прекрасное; но уже дожилъ до того, что и *не умѣю* уже предпочитать *небесному*, когда есть возможность выбора!

Эти грубыя отношенія къ банку имѣютъ гораздо болѣе *духовное* для меня значеніе, чѣмъ можно подумать, не знавши моего внутренняго настроенія. Поняли?

Въ заключеніе прибавлю, что *роковыя въ моей жизни цифры*—89, 90, 91 (49, 50 и 51; 61 и 62; 70 и 71; 79, 80, 81—всѣ эти годы были для меня очень жестоки и тягостны), о которыхъ я Вамъ говорилъ (или нѣтъ—не помню), *уже сильно даютъ себя чувствовать* [90]). Если не смерть близится, то надо ждать какой-то новой, *тяжелой и значительной* въ моей жизни перемѣны. Уже признаки *начала конца* и обнаружились одинъ за другимъ. Во первыхъ, от. архимандритъ крайне недоволенъ *юродствами* бѣдной Лиз. Павл., ея шутками съ молодыми монахами и т. п. Передъ Рождествомъ, послѣ одной ея глупости, онъ потребовалъ ея удаленія въ Козельскъ; тамъ она прожила 2 недѣли,—послѣ чего я обѣщалъ ему смотрѣть за ней строже, и ее вернули, съ уговоромъ—испытать *до Мая*. Но развѣ за ненормальнымъ и слабоумнымъ человѣкомъ долго услѣдишь? Я предвижу, что мое положеніе въ этой милой усадьбѣ уже не прочно, и можно со дня на день ожидать, что я буду вынужденъ—или всѣмъ домомъ переѣхать въ Козельскъ (хамство!), или ихъ съ Варей устроить въ Козельскѣ, а самому удалиться въ скитъ.

Но это еще ничего, а случилось еще нѣчто гораздо худшее. Александръ увезъ отъ Вяземскихъ [91]) молодую дѣвушку (горничную), поселилъ ее въ Козельскѣ и, по всѣмъ признакамъ *содержалъ* ее, потому это она ничѣмъ не занималась, кромѣ пѣнія, пляски и кутежа. Но это такъ и быть! Это его личный грѣхъ,—и даже Варя на *это собственно* смотритъ еще довольно разсудительно для молодой и любящей жены. Но бѣда въ томъ, что онъ, *какъ русскій человѣкъ*, не могъ ограничиться скромной и приличной, такъ сказать, измѣной, а началъ кутить, „чертить“, что называется: пилъ, скакалъ съ ней по городу, мои комиссіи исполнялъ все хуже и хуже, домой постоянно опаздывалъ и даже въ деньгахъ запутался такъ, что много задолжалъ. Если бы кто-нибудь мнѣ предсказывалъ, что и этотъ осторожный, честный, покойный и

---

[90]) По наблюденію К. Н. Леонтьева, переходъ отъ одного дѣсятилѣтія къ другому, послѣднія цифры одного десятилѣтія и первыя цифры слѣдующаго всегда имѣли въ его жизни *важное*, *роковое* значеніе. Предчувствіе его относительно рокового значенія перехода отъ 80-хъ къ 90-мъ г. г. оправдалось: въ 1891 г. онъ, какъ извѣстно, умеръ. *А. А—въ.*

[91]) Семья богатыхъ помѣщиковъ, жившихъ въ своемъ имѣніи неподалеку отъ Оптиной пустыни. *А. А—въ.*

даже *весьма дипломатическій* характеръ такъ неожиданно и „широко“ прорвется, я бы не повѣрилъ. Да и не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока не стало все слишкомъ очевидно и самъ сознался, наконецъ. Пока батюшка, я и Варя уговорили его уѣхать къ отцу на нѣсколько мѣсяцевъ для *перелома* въ чувствахъ. Конечно, онъ кается; но Вы, конечно, понимаете, какъ важенъ и для него, и для Вари и для меня этотъ первый шагъ на скользкомъ пути! Вѣра моя въ его солидность уже разъ навсегда поколеблена; для Вари впереди ждешь скорбей и слезъ; для него—дома скука отъ неизбѣжныхъ укоровъ и желанія снова находить утѣшенія на сторонѣ. Въ *моемъ домѣ* ему уже болѣе не предстоитъ надолго занятій и службы, вслѣдствіе моего недовѣрія и моей, такъ сказать, природной „неотходчивости“ въ подобныхъ случаяхъ. *Струна* какая-то у меня лопнула, и даже Варя со мною согласна, что открытый кутежъ и всѣ эти его безпорядки хуже самой измѣны, которая, при всей грѣховности своей, могла бы быть соблюдаема безъ шума и разстройства дѣлъ...

Хорошо, если Богъ поможетъ образумить и устроить его гдѣ-нибудь здѣсь, неподалеку; а если онъ предпочтетъ остаться подъ Москвой, вѣдь рано или поздно и Варя *должна* будетъ оставить и меня и Лизавету Павловну. А Варя—единственная душа въ домѣ, съ которой я могу свою душу отвести.

Поняли теперь, что такое для меня эти цифры—90-й и 91-й? Пока, благодарю Господа, принимаю все это покойно и твердо,— но что буду *чувствовать* тогда, когда все это вокругъ меня рухнетъ?—Не знаю и *боюсь, что будетъ очень тяжко и скучно.*

Когда бы, по крайней мѣрѣ, *къ тому времени* избавилъ Господь отъ банка и срочной на него работы! Все бы легче было!

Прощайте, другъ мой. Неужели Богъ не утѣшитъ меня лѣтомъ свиданьемъ съ Вами? Лиза собирается послать Авдотьѣ Тарасовнѣ какіе-то свои іероглифы. А я ей кланяюсь. Жду со дня на день И. И. Кристи. Обѣщалъ въ январѣ непремѣнно быть.

Прощайте; обнимаю Васъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо XLII.

10 февраля 1890 г. Оптина пустынь.

Слишкомъ долго опять не пишете. Всѣ мы желаемъ знать, какъ поживаете. Соскучились по Вашимъ письмамъ. У насъ въ домѣ — все пока in statu quo. Александръ все еще въ Москвѣ. Есть *постороннія* новости, но не для *открытаго письма*.

Статью *о Толстомъ* послалъ 10 января Бергу; но *до сихъ поръ* не только отвѣта нѣтъ, но и *Русскаго Вѣстника* не посылаетъ второй мѣсяцъ. Чудеса! Видите, не Вамъ однимъ не отвѣчаетъ.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—мое почтеніе. Съ Великимъ постомъ!

К. Леонтьевъ.

Письмо XLIII.

12 февраля 1890 г. Оптина Пустынь.

Вотъ, голубчикъ Анатолій Александровичъ, какой между нашими сердцами магнетическій или спиритическій токъ... *Вчера* я приготовилъ къ отправкѣ Вамъ прилагаемое открытое письмецо; соскучился безъ вѣстей объ Васъ; и *вчера же* получилъ Ваше. Не горюйте слишкомъ обо мнѣ и объ Варѣ; мы давно уже оба успокоились; Александръ все еще у отца, подъ Москвой,—и я хочу благословиться у о. Амвросія, чтобы продлить его изгнаніе до Пасхи. Варя отнеслась къ первой измѣнѣ его гораздо разсудительнѣе, чѣмъ можно было отъ ея *прежней* страстности и вспыльчивости ожидать. Она прежде всего была рада, что онъ не на глазахъ; что она не видитъ его проказъ и не слышитъ о немъ разсказовъ, которые ее раздражали. До сихъ поръ не скучаетъ и даже весела. Что касается до меня, то, увидавши ея разсудительность, я сталъ покойнѣе за ея будущность, ибо для любящей женщины труднѣе всего перенести именно первую измѣну. Потомъ, если мужчина съ ней-то самой хорошо обращается, то многія изъ нихъ привыкаютъ къ этому. Что касается до меня, то, съ одной стороны, я за ея будущность тревожился при этомъ первомъ его приключеніи; а для себя видѣлъ въ этомъ *предзнаменованіе* (въ числѣ *многихъ* другихъ) о приближеніи какого-то новаго и нелегкаго перелома

въ моей жизни (90-й, 91-й годъ. Помните?). Мнѣ все кажется (хотя, разумѣется, я не знаю), что если я въ теченіе этихъ двухъ роковыхъ лѣтъ не умру, то какая-то совокупность обстоятельствъ и перерожденіе собственныхъ моихъ чувствъ приведетъ меня къ оставленію того *подобія семейной жизни*, которымъ я былъ до сихъ поръ доволенъ. Какъ бы не пришлось въ скитъ или монастырь переселиться, а жену съ Варей—въ Козельскъ? Иногда и жутко что-то, какъ начнешь думать... Но это все еще неясно; ясно одно, что для дома моего *здѣсь* Саша не только безполезенъ, но даже и обременителенъ. Получаетъ 10 руб., а лѣность его и равнодушіе къ дѣлу (котораго у него меньше всѣхъ) дотого мнѣ наскучили и утомили меня, что безъ него стало гораздо легче. Его умъ и прекрасный, ровный характеръ обезоруживаютъ, правда... Но всетаки я не люблю его небрежности, и буду искать ему поблизости другое мѣсто. У *чужихъ*, небось, будетъ построже къ себѣ. Пишетъ намъ, что очень кается и безъ насъ скучаетъ. Я ему отвѣтилъ очень строго: „Безъ *насъ-ли?* Или безъ *кого еще?* Главное, безъ двухъ товарищей кутежа?“ Къ дѣвицѣ-то этой онъ, кажется, не очень привязанъ (хотя она, слышно, очень красива). Онъ, видимо, не столько ее полюбилъ, сколько кутежъ и приключенія во всецѣлости. Понимаю это по *старой памяти*, и не за это строго сужу, а за крайнюю неисполнительность по хозяйству.

Ну, довольно объ этомъ. Поговоримъ о статьѣ [92]). Я почти предчувствовалъ, что Бергъ ея не возьметъ. Но предчувствіе это явилось у меня поздно, и я виноватъ передъ Вами въ томъ, что не посовѣтовалъ Вамъ ее передѣлать. Доброжелатель мой, г. Портье д'Аркъ (т. е. Черновъ)—писатель слабый и крайне опрометчивый. Онъ теперь дѣйствительно издалъ въ Парижѣ книжку „L' esprit national russe sous Alexandre III“ (переводъ: „Русскій національный духъ при Александрѣ III“). И, не удовольствовавшись даже прежнимъ псевдонимомъ (*Черновъ*), назвался на обложкѣ *Довѣринъ* (Dovérine, а въ скобкахъ Tchernoff),—какъ будто, т. е., онъ раскрылъ теперь свою настоящую русскую фамилію—*Довѣринъ* (значитъ, должно быть, „заслуживающій *довѣрія*“). Эта

---

[92]) О моей статьѣ о К. Н. Леонтьевѣ, отправленной Ѳ. Н. Бергу въ *Русскій Вѣстникъ*. См. выше. *А. А—въ*.

книжка—сборникъ его прежнихъ статей о Россіи (въ *Revue Nouvelle* г—жи Аданъ). Въ *Гражданинѣ* надъ его фразами, ошибками и легкомысліемъ уже смѣялись. И въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, вѣроятно, къ его книжкѣ отнесутся строго. Бѣдный Портье выслалъ мнѣ ее недавно съ почтительной надписью; но—увы!—въ другихъ статьяхъ его я нашелъ еще больше ошибокъ и празднословія, чѣмъ въ той, которую онъ посвятилъ мнѣ. Мнѣ было неловко, совѣстно, жалко посовѣтовать Вамъ быть построже къ человѣку, который, какъ умѣлъ, потрудился въ мою пользу. Я, хоть и никогда не проповѣдую „чистую мораль" и терпѣть не могу, когда пишутъ о „любви" къ человѣчеству, но самъ не совсѣмъ ужъ, какъ Вамъ, я думаю, извѣстно, лишенъ нравственныхъ и добрыхъ чувствъ. И не мастеръ ихъ приносить преднамѣренно въ жертву какимъ-нибудь лукавымъ цѣлямъ. Этой ловкости у меня всегда было мало. Если бы я убѣдилъ Васъ прежде всего побранить автора за то, что онъ берется писать свысока о томъ, чего хорошо не знаетъ, то, можетъ быть, та часть Вашей статьи, которая была для меня выгодна, и нашла бы себѣ мѣсто въ хорошемъ журналѣ. Но я, какъ человѣкъ недостаточно лукавый, не говорилъ Вамъ этого, а напротивъ, помните, настаивалъ, чтобы „бѣдному" Портье не было обидно. И ограничился только тѣмъ, что, когда Вы прислали мнѣ Вашу рукопись на прочтеніе, вычеркнулъ вездѣ эпитетъ „прекрасная" статья. Вы это замѣтили, вѣроятно?

Цертелеву рѣшительно не совѣтую Вамъ посылать. Я увѣренъ, что онъ ее не напечатаетъ. Я мало знаю его характеръ; но знаю, что, во-первыхъ, онъ вовсе не православный, а, такъ сказать, *чистый пессимистъ*, а во-вторыхъ, онъ, видимо, во мнѣ *романиста* предпочитаетъ *публицисту*. Это явствуетъ изъ того, что въ объявленіи о *Русскомъ Обозрѣніи* мое имя попало въ отдѣлъ „беллетристовъ", хотя я навѣрное имъ повѣсти не обѣщалъ.

Шараповъ, конечно, бѣдствуетъ, и денегъ для Васъ у него, вѣроятно, не найдется. Но если Вы хотите, чтобы Вашъ трудъ не пропадалъ, то къ прежнему труду прибавьте новый: *сократите*, вычеркните всѣ эти *выспреннія* и не заслуженныя мною *уподобленія цѣлой Россіи*. Скажите кратко и не браня его, что выбрасываете все избыточное, по недо-

статку времени и мѣста. Вычеркните также почти все или даже все *лично-біографическое* мое: о женитьбѣ моей (это ужъ бы и вовсе не нужно), о службѣ, о нигилизмѣ смолоду и т. п.,—и оставьте только Ваши возраженія на его ошибки и недомолвки *собственно критическія*. И отдайте Шарапову. Я думаю, онъ возьметъ,—особенно *gratis! При всемъ этомъ, пожалуста, обо мнѣ не думайте!..* Такого рода неудача слишкомъ не велика и случайна, чтобы меня огорчить. Если бы я чувствовалъ иначе, я бы *Вамъ-то* откровенно сознался. Вы сами человѣкъ *очень* добрый, *очень* великодушный и *очень* скрытный... Не судите по себѣ: я и не такъ добръ, и не такъ мужественъ, и не такъ скрытенъ, какъ Вы. Я бы *сказалъ*, если бы очень дорожилъ этимъ дѣломъ. Я, зная, какъ теперь у Васъ много *необходимаго* дѣла, прежде всего жалѣю Васъ,—т. е., и о томъ, если *старый* трудъ окажется тщетнымъ, и о томъ, что поправка, сокращеніе и очистка возьметъ снова время. Разсудите сами, что *для Васъ* хуже или лучше: сократить и отдать Шарапову, или *спрятать* Вашу рукопись въ ящикъ; когда-нибудь въ измѣненномъ видѣ можетъ Вамъ пригодиться. Обо мнѣ *въ этомъ случаѣ*, ради Бога, не думайте! Я не говорю: *ни въ какомъ* случаѣ, я говорю только: *въ этомъ*.

Я очень занятъ теперь двумя работами.

Одна: это—статья для *Гражданина* о современномъ религіозномъ движеніи въ образованномъ русскомъ обществѣ. По особому сочувственному благословенію старца. Сюда, въ скитъ еще поступили двое (двоюродные братья) изъ высшаго общества, еще молодые люди, оба женатые на красивыхъ женщинахъ. Жили съ ними хорошо. Жены основали женскую общину въ Воронежской губерніи, и будутъ прямо—одна игуменья, а другая казначея; а мужья—простыми послушниками въ скиту. Надо тутъ будетъ помянуть (съ начальными *буквами* только) и Фуделя, и Веригина, и Кристи и многихъ другихъ; въ разныхъ формахъ—одна идея, одно стремленіе.

Ну, а другая работа, по окончаніи статьи: *повѣсть*. Тутъ у меня борьба: „Художникъ“ (бранное слово) требуетъ получше, позанимательнѣе, поглубже; христіанинъ—почище, построже, посвятѣе. Кредиторъ банка въ 1200 руб. говоритъ: „какъ-нибудь, да поскорѣе“. Кредитору же,—вообразите, а

совсѣмъ ужъ не художнику,—помогаетъ опять-таки христіанинъ. Онъ говоритъ: „Искусство, художественное совершенство — это пустяки, тщеславіе. Лишь бы напечатали, лишь бы очень плохо не было; а банкъ—это очень важно! Долгъ этотъ тебя связываетъ больше всего; ты еще не свободенъ; ты не можешь, пока не развяжешься съ нимъ, сказать себѣ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“; не можешь сказать: „„Благословлюсь у батюшки хоть цѣлый годъ или больше, если будетъ такая потребность, не писать *для печати, ничего* не писать, а заниматься однимъ строго духовнымъ (ибо и *годы* роковые, и силы все таютъ), или писать одни свои воспоминанія для выгодъ наслѣдницъ““... Нельзя такъ жить, когда черезъ 9 мѣсяцевъ опять нужно платить сумму, которую изъ пенсіи уплатить невозможно“...

Все это, голубчикъ, такъ важно, и, когда углубишься въ вопросы о *загробной* будущности, то и такъ страшно, что неудача Вашихъ добрыхъ намѣреній на счетъ меня и взбалмошнаго Портье—какъ капля въ морѣ! И потому еще разъ прошу: обо мнѣ съ этой стороны *ничуть* не горюйте!

Слава Богу! Все—славу Богу!

Обнимаю Васъ и благодарю за неизмѣнность любви. А Кристи обманулъ меня (90-й годъ!): обѣщалъ заѣхать на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Кишенева, куда онъ ѣздилъ на сватьбу сестры,—и вотъ уже 2 мѣсяца скоро—ни слуху, ни духу! Фуделъ пишетъ аккуратно... не хуже Васъ.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—сердечное спасибо за участіе. Дай Богъ вамъ *поститься* Великимъ постомъ какъ можно строже. А мы тутъ за васъ помолимся. Жена и Варя благодарятъ васъ обоихъ и кланяются.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Вспомнилъ еще вотъ что. Если Вы уже рѣшитесь сокращать для Шарапова, то, можетъ быть, затруднитесь, какъ быть *съ заключеніемъ* (такъ какъ теперь цѣлая книжка вышла)... Сдѣлайте вотъ что. Озаглавьте такъ: „Г. Черновъ о К. Леонтьевѣ“. (въ „*Revue Nouvelle*“ и въ книгѣ „L'esprit“ и т. д.). Статья „*Revue Nouvelle*“ цѣликомъ, безъ измѣненій вошла въ книжку и составляетъ въ ней особый отдѣлъ; озаглавлена также: „Un portrait littéraire russe“. А лучше бросте все это! Прощайте.

Письмо XLIV.

25 марта 1890 г. Оптина Пустынь.

Вамъ, милый А. А—чъ, *скучно* безъ моихъ писемъ,—и мнѣ скучно безъ Вашихъ. Вы очень заняты,—и я тоже теперь занятъ спѣшной работой. Что дѣлать! Давайте пока хоть короткими обмѣниваться. Когда поѣдете на Ѳоминой въ Москву, *заранѣе* сообщите мнѣ Вашъ адресъ. Я дамъ Вамъ маленькую комиссію, которая возьметъ мало времени. Въ *Гражданинѣ* начались мои статьи „Добрыя вѣсти" о *религіозномъ* движеніи. Достаньте — и узнаете много знакомаго Вамъ.

Очень жаль, что Ваша статья послана кн. Цертелеву. Бьюсь объ закладъ, что ее не напечатаютъ. Я самъ виноватъ; ошибся; надо было *вовремя* объяснить Вамъ, что *біографическая* часть не у мѣста. *Заграницей*—дѣло иное; тамъ это понятно; а *дома*—нѣтъ. *Mea culpa*! Простите! Пригодится, можетъ быть, *послѣ*...

Теперь пишу „Славянофильство *теоріи* и Славянофильство *жизни*".

Прощайте. Обнимаю! Христосъ Воскресе! Авдотьѣ Тарасовнѣ—отъ всѣхъ насъ привѣтъ.

К. Леонтьевъ.

P. S. И. И. Кристи очень былъ боленъ.

Письмо XLV.

12 апрѣля 1890 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Александровъ! Я вотъ о чемъ хотѣлъ Васъ просить. Мои *книги* до сихъ поръ лежатъ въ ящикѣ *въ цензурномъ комитетѣ* у С. В. Залетова; по разнымъ книжнымъ магазинамъ не розданы. Залетовъ, кажется, самъ думаетъ, что развести и раздать по 25—30 экземпляровъ—это какое-то очень *литературное* дѣло, и все, повидимому, надѣется на какую-то „помощь", обѣщанную ему Астафьевымъ и Назаревскимъ. Но, должно быть, и имъ не до меня... Молодые-то подобрѣе, видно. Если можете помочь—помогите, а не можете—Божья воля!

Бергъ печатаетъ мой критическій *этюдъ* [93]). Это ужъ

---

[93]) „Анализъ, стиль и вѣяніе" О романахъ гр. Л. Н. Толстого. *А. А—въ.*

истинно „психопатія“. „Не смѣй никто выражаться не по-моему!“

Молю Бога за счастливое окончаніе экзаменовъ. Помози Господи!

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Неужели мы этимъ лѣтомъ не увидимся!!!
Зачѣмъ Вы затесались къ Срѣтенскимъ Воротамъ?

Письмо XLVI.

3 мая 1890 г. Оптина Пустынь.

Радуюсь, радуюсь, и паки реку: радуюсь, милый мой поэтъ и профессоръ, что Господь помогъ сдать Вамъ главный экзаменъ!

Помоги Богъ и въ остальномъ! Всѣ соображенія Ваши насчетъ времени другихъ экзаменовъ Вашихъ и экзаменовъ Вашего ученика—весьма основательны, хотя и не особенно выгодны для моего бѣднаго, стараго, но еще теплаго сердца... Понимаю, что Вы правы, *желая* пріѣхать ко мнѣ не лѣтомъ, а совсѣмъ „вольною птицей“; но всетаки вздыхаю... Да будетъ воля Божія!

Теперь—*убѣдительнѣйшая* просьба: пошлите 6—7 мая (если мое письмо поспѣетъ; онъ 7-го, слышно, возвращается въ Москву) прилагаемую телеграмму князю Цертелеву [94]); а потомъ напишите два слова Грингмуту, чтобы онъ возвратилъ Вамъ рукопись Вашу (пошлите ему 1 руб. изъ прилагаемыхъ на почтовые расходы). Я уже писалъ Вамъ, что считаю себя весьма виноватымъ предъ Вами въ томъ, что поддался прошлаго года движенію самоувѣренности или тщеславія—и сразу не охладилъ Вашего дружескаго, молодого и пристрастнаго усердія. *Не слѣдовало* писать этой статьи; или, даже и написавъ ее, надо было ее прибрать въ ящикъ, а не посылать по редакціямъ. Чернова статья въ сущности весьма безтолкова, не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ собственно обо мнѣ, но и почти во всемъ остальномъ. Его лестные обо мнѣ отзывы и *тогда* не ослѣпили меня вполнѣ, но я, по немощи человѣческой, находилъ удовольствіе *закрывать глаза,*

[94]) По поводу возвращенія статьи моей о: К. Н. Леонтьевѣ. *А. А—въ.*

пока дѣло шло о прославленіи моего имени. Но когда онъ позднѣе прислалъ мнѣ цѣлую книжку свою „Русскій національный духъ при Александрѣ III“, я увидалъ, что въ другихъ статьяхъ этого „благонамѣреннаго“ сборника онъ совсѣмъ сбился съ толку, и понялъ, что *не въ моихъ выгодахъ* и поминать у насъ о его лестномъ, но безтактномъ обо мнѣ отзывѣ. У насъ моими сочиненіями интересуются—дай Богъ—50 человѣкъ на всю Россію, а онъ придаетъ мнѣ какое-то необыкновенное значеніе. „Россія—въ миніатюрѣ!“ Шуточка это!.. Если бы даже предположить, что есть и подобіе правды въ этомъ комплиментѣ (т. е. въ томъ смыслѣ, что я въ мысляхъ переживаю на 10 — 15 лѣтъ ранѣе другихъ тѣ фазисы, въ которые позднѣе всякій разъ вступаетъ передовая русская мысль вообще и даже само Правительство), то всетаки надо говорить объ этомъ *доказательнѣе*, чѣмъ дѣлаетъ бѣдный мосье Портье! Спасибо ему. Но вѣдь и медвѣдь хотѣлъ услужить пустыннику... Конечно, успѣхъ—вещь пріятная; но что же дѣлать: „habent sua fata libelli!“ Я всетаки и при жизни уже гораздо счастливѣе Данилевскаго; мое имя всетаки такъ или иначе многіе знаютъ. О Данилевскомъ же *всего лѣтъ 5—6 тому назадъ* кто слышалъ? Начну я, бывало, говорить о немъ... „Кто такое? Что такое? Не знаемъ; не слыхали; не читали“. А теперь видите, какая борьба, какая многозначительная, серьезная борьба поднялась надъ его могилой! И она еще не скоро кончится... А почему? Заблужденій (либеральныхъ) у него очень много; но онъ сказалъ только одно великое слово, сдѣлалъ одинъ исполинскій шагъ въ области исторической мысли: „Теорія *культурныхъ типовъ* и *смѣна ихъ*!“

Надо, конечно, различать въ этомъ вопросѣ—прошедшее человѣчества *отъ его будущаго*, и, сверхъ того, собственно научную его мысль отъ его же патріотическихъ надеждъ и пристрастій. Яснѣе: культурные типы *были;* теорія этихъ типовъ—превосходна; она лучше всякихъ другихъ дѣленій для пониманія исторіи; но *будутъ ли еще новые* культурные типы, это—другой вопросъ. Весьма возможно, что и не будетъ ихъ болѣе, а что человѣчество послѣ цѣлаго періода кровопролитій и борьбы приметъ (вопреки *желаніямъ* Данилевскаго и *моимъ*) извѣстный всѣмъ намъ общеевропейскій утилитарный характеръ, и, дойдя на этомъ пути *непремѣнно*

до абсурда, погибнетъ,—т. е., или начнетъ постепенно вымирать, или, посредствомъ прогрессивнаго *физико-химическаго баловства* своего, произведетъ какую-нибудь ужасную и неожиданную всеземную катастрофу. Это весьма возможно, и потому цѣнность теоріи культурныхъ типовъ *для прошедшаго* человѣчества нельзя равнять съ ея цѣнностью *для будущаго*. Это разъ. А потомъ, допустивши даже, что будутъ еще (до *неизбѣжнаго* и *надвигающагося* свѣтопреставленія) одинъ или два новыхъ культурныхъ типа, мы всетаки не имѣемъ еще черезъ это права (раціональнаго) надѣяться, что этотъ новый культурный типъ выработается *непремѣнно весьма уже старою Россіей* (*900* лѣтъ съ крещенья; и больше 1000 съ призванья князей!) и ея славянскими единоплеменниками, отчасти переходящими (какъ Болгары и Сербы) прямо изъ свинопасовъ въ либеральныхъ буржуа, отчасти (какъ Чехи и Хорваты) давно уже насквозь пропитанныхъ европеизмомъ. И *мнѣ бы очень хотѣлось* хоть съ того свѣта увидать этотъ новый и пышный (*четырехъ-основный*, по Данилевскому) культурный Всеславянскій типъ! Но—увы! *Признаки* благопріятные есть; но они такъ слабы и такъ еще мелки... И неблагопріятнаго со всѣхъ сторонъ такъ много, что мнѣ, признаюсь, все чаще и чаще представляется такого рода печальная картина: эта національная и религіозная реакція, которая теперь довольно сильна въ русскомъ обществѣ, не есть ли это одна изъ тѣхъ кратковременныхъ реакцій къ лучшему, къ здоровью и силѣ, которыя иногда испытываю на себѣ и я (напримѣръ) въ моей старости?.. Такихъ малыхъ реакцій, небольшихъ обратныхъ теченій на *старой почвѣ* было въ исторіи много (постарайтесь припомнить); но все это не было *реакціей вѣковой, на новыхъ основахъ;* примѣрами послѣднихъ были: Византійское Православіе, папизмъ черезъ 400 — 500 лѣтъ для Запада — феодализмъ и папство, а для Востока—мусульманство и буддизмъ (привившійся въ Китаѣ и Тибетѣ).

Хорошо, кабы такъ. Иногда я думаю (не говорю *мечтаю*, потому что мнѣ, вкусамъ моимъ это *чуждо*, а *невольно* думаю, *объективно* и безпристрастно предчувствую), что какой-нибудь русскій царь,—быть можетъ, и недалекаго будущаго,—станетъ во главѣ соціалистическаго движенія (какъ Св. Константинъ сталъ во главѣ религіознаго—„Симъ побѣдиши!“)

и *организуетъ его* такъ, какъ Константинъ способствовалъ организаціи христіанства, вступивши *первый* на *путь Вселенскихъ Соборовъ*. Но что значитъ „организація“? Организація значитъ *принужденіе*, значитъ—благоустроенный *деспотизмъ*, значитъ — *узаконеніе* хроническаго, постояннаго, искусно и мудро распредѣленнаго *насилія надъ личною волей гражданъ*. Поэтому либералъ (по *выводамъ* своимъ дурацкимъ, а не *основамъ*, вполнѣ вѣрнымъ) Спенсеръ съ ужасомъ видитъ въ соціализмѣ новое *грядущее государственное рабство*. И еще соображеніе: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно безъ помощи *мистики*. Вотъ, если послѣ присоединенія Царьграда *небывалое доселѣ сосредоточеніе* Православнаго управленія въ Соборно-Патріаршей формѣ (разумѣется, безъ всякой теоріи „непогрѣшимости“,—которую у насъ и *не потерпятъ*) совпадетъ съ одной стороны съ усиленіемъ и того мистическаго потока, который растетъ еще теперь въ Россіи, а съ другой—съ *неотвратимыми* и разрушительными рабочими движеніями и на Западѣ, и даже *у насъ* (такъ или иначе), —то хоть за *двѣ основы*—религіозную и государственно-экономическую можно будетъ поручиться *надолго*. Да и то все къ *тому же* окончательному *смѣшенію* нѣсколько позднѣе придетъ. Человѣчество, безъ сомнѣнія, очень устарѣло. Сама сила точной науки (или, вѣрнѣе, *ея приложеній*), на которую почти всѣ молятся и противъ которой даже столь смѣлый еп. Никаноръ и я, которому терять въ *литературѣ нечего*, едва-едва смѣемъ кой-что говорить,—сама сила этой науки есть признакъ глубокаго устарѣнія, стариковскій интересъ: „*удобства*, удобства, удобства“... И Эд. фонъ-Гартманъ вѣрно „чуетъ“ дѣло, когда говоритъ, что признакъ близости конца для человѣчества есть преобладаніе *сознательнаго надъ безсознательнымъ*. Въ этомъ онъ совпадаетъ съ христіанствомъ: „плоды древа познанія добра и зла“ убійственны для людей, и, насытившись ими до высшей мѣры своей, человѣчество уже не найдетъ обратнаго пути къ „древу жизни“... (Вотъ, кстати сказать, о чемъ надо писать теперь стихи; а не о томъ, какъ волны Чернаго моря плещутъ у Ланжероновой дачи въ Одессѣ, и не о „русалкахъ“, милый мой... Наши старые поэты всѣ давно уже какими-то рвотными конфетками насъ угощаютъ, и Фетъ, и Майковъ; Го-

леницевъ-Кутузовъ прекрасно дѣлаетъ, что взялъ въ жреческія руки свои (слабоватыя) „банковую метлу“; ну, а младшіе—либо: „Любовь, любовь, любовь!“ „Во всеоружьи Европа... О, Христосъ!..“ Ни къ селу тутъ, ни къ городу,—*всуе!* Либо: „О, да, я вѣрю, что всѣ люди станутъ какъ березы въ рощѣ! Что всѣ станутъ и ученѣе, и проще“... Поэзія!!). Но какъ бы то ни было, будетъ ли новый культурный типъ или нѣтъ, Славяне ли съ непривычки какъ-нибудь нечаянно съ дѣйствительно новой, неевропейской и нелиберальной культурой въ одно утро проснутся, или они, попытавши чуточку сдѣлать что-то свое, плачевное и половинное, послѣ взятія Царьграда, лопнутъ, какъ мыльный пузырь, и распустятся немного позднѣе другихъ все въ той же ненавистной всеевропейской буржуазіи, а потомъ будутъ (туда и дорога!) пожраны Китайскимъ нашествіемъ (NB. Замѣтьте, что религія Конфуція есть *почти чистая* практическая мораль и не знаетъ *Личнаго Бога*, а буддизмъ въ Китаѣ тоже столь сильный, есть прямо *религіозный атеизмъ*... Ну, развѣ не Гоги и Магоги?) и т. д., и т. д.,—во всякомъ случаѣ про Данилевскаго можно сказать, что онъ сдѣлалъ великій шагъ—*указаніемъ на эти культурные типы.* Можно вѣдь и такъ его теорію обернуть: существованіе *разныхъ* культурныхъ типовъ есть признакъ *жизненности человѣчества;* невозможность создать новый, *смѣшеніе* всѣхъ типовъ въ одинъ *средній*—есть признакъ приближенія человѣчества къ смерти.

Данилевскому принадлежитъ честь открытія *культурныхъ* типовъ. *Мнѣ*—гипотеза *вторичнаго и предсмертнаго смѣшенія.*

Пусть-ка ее опровергнутъ! Что-то не суются... И опровергнуть было бы тоже для науки полезно.

Ну, такъ что же изо всего этого слѣдуетъ? Данилевскій со своими культурными типами былъ лѣтъ 6 — 7 никому почти неизвѣстенъ, кромѣ Страхова, меня и, можетъ быть, еще сотни разбросанныхъ тамъ и сямъ по Россіи людей. Теперь идетъ за книгу его борьба, какъ у Троянцевъ съ Греками за трупъ Патрокла.

Если моя теорія *тріединаго процесса* и моя гипотеза *вторичнаго смѣшенія—вѣрны*, то, взявши въ разсчетъ то, что я уже при жизни пользуюсь большей извѣстностью, чѣмъ пользовался Данилевскій, конечно, за *идею* мою бояться не слѣдуетъ, и Вамъ, быть можетъ, еще и рано подвергать

себя риску быть осмѣяннымъ за то, что Вы придаете мнѣ такое значеніе, котораго *не могутъ* допустить (не опровергая самихъ себя во многомъ) люди зрѣлые и наклеившіе уже на себя публично опредѣленный ярлыкъ. Я очень виноватъ передъ Вами, и спѣшу поправить мою ошибку. Если Бергъ не принялъ Вашу статью, то ужъ кн. Цертелевъ *непремѣнно* отъ нея откажется. Прошу Васъ, *не ждите этого*, и вытребуйте ее скорѣе. Если я стою такого серьезнаго признанія, это придетъ когда-нибудь. Къ тому же въ Вашей статьѣ допущено было (по моей же оплошности) слишкомъ много біографическаго; у насъ не Франція. Тамъ это все является вдали и можетъ казаться любопытнымъ. Ну, а въ Россіи, *дома*, кому это нужно? Особенно—при той личной ненависти, злости и зависти, которыми дышетъ вся наша періодическая печать, не исключая ни „*Московск. Вѣдом.*", ни „*Гражданина*", ни покойнаго „*Русск. Дѣла*"... Катковъ и Аксаковъ еще давали примѣръ хорошаго тона въ полемикѣ. У нихъ она никогда не носила личнаго характера. А вникните, что печатали другъ противъ друга „*Моск. Вѣд.*" и „*Гражд.*" и „*Новое Время*". Особенно Н. А. Любимовъ и Васильевъ [95]) отличались въ „*Моск. Вѣд.*". Ну, и Шараповъ тоже лѣзъ въ это. Померли „господа" (Катковъ и Аксаковъ); лакеи теперь, подлецы, дерутся. Всетаки безтолковый и безтактный, нерѣдко даже глупый князь Мещерскій всѣхъ ихъ порядочнѣе. У него еще видна иногда въ литературныхъ сношеніяхъ *мораль;* у „*Моск. Вѣд.*", кромѣ подлой злости въ полемикѣ, ничего не видно. Даже и молодой еще (говорятъ) Ю. Николаевъ (Говоруха-Отрокъ, Неуважай-Корыто...) и тотъ, *видимо*, кривитъ душой. Ну, повѣрю я, что онъ Вл. Соловьева считаетъ *неглубокимъ* писателемъ?.. Да, милый мой, не вижу я въ русскихъ людяхъ (куда ни погляжу!) той какой-то особенной и неслыханной „морали", „любви", съ которой носился *Вашъ* подпольный пророкъ Достоевскій, а за нимъ носятся и другіе, и на *культурное* (!) значеніе которой разсчитываетъ весьма туманно нашъ добрѣйшій Петръ

---

[95]) Н. А. Любимовъ—проф. физики Московскаго университета, давній и близкій сотрудникъ М. Н. Каткова по *Моск. Вѣд.* и *Русск. Вѣстн.*; Никол. Васил. Васильевъ—сотрудникъ *Моск. Вѣд.* по финансовымъ и политико-экономическимъ вопросамъ. *А. А—въ.*

Евгеніевичъ въ своей статьѣ „Національное сознаніе". *У него самого* дѣйствительно есть „мораль" *въ русскомъ стилѣ;* самъ онъ удивительно добръ, очень благороденъ, способенъ пренебречь *обязанностью,* и съ радостью исполнить какой-нибудь высшій *долгъ.* Но гдѣ же онъ эту спеціальную наклонность къ высшему долгу нашелъ въ Русскихъ *вообще*— не знаю. Я скажу въ духѣ Фетовскомъ: „Изъ того, что Русскіе хуже всѣхъ народовъ исполняютъ мелкія обязанности, никакъ еще не слѣдуетъ, что они любятъ исполнять высшій долгъ". Я 59 лѣтъ живу на свѣтѣ, и давно уже безъ ума радуюсь, когда встрѣчу русскаго человѣка, любящаго долгъ для долга, а не по одному страху Божьяго *наказанія.* Положимъ, что для смиренія это полезно; но во всемъ же есть мѣра; нельзя же ставить идеаломъ своимъ старика Мармеладова.

„Самоваръ и раскаяніе—вотъ русскій девизъ", говоритъ Рошфоръ. „Смиреніе и пьянство; смиреніе и безхарактерность; всепрощеніе и собственная вѣчная подлѣйшая невыдержка, даже и въ дѣлахъ любви"... Некрасиво! Хотя, по пристрастію *сердца* къ Россіи, я часто думаю, что всѣ эти мерзкіе личные пороки наши очень полезны въ культурномъ смыслѣ, ибо *они вызываютъ потребность деспотизма, неравноправности* и разной дисциплины, духовной и физической; эти пороки дѣлаютъ насъ мало способными къ той буржуазно-либеральной цивилизаціи, которая до сихъ поръ еще такъ крѣпко держится въ Европѣ.

Какъ *племя,* какъ *мораль,* мы гораздо ниже европейцевъ; но, такъ какъ, и не преувеличивая (въ патріотическомъ ослѣпленіи) молодость нашу, всетаки надо признать, что мы *хоть на одинъ вѣкъ* да моложе Европы, то и болѣе бездарное и менѣе благородное племя можетъ *въ извѣстный періодъ стать лучше въ культурномъ отношеніи,* чѣмъ болѣе устарѣвшія, хотя и болѣе одаренныя племена... Довольно объ этомъ!

Что я дѣлаю? Пишу все о той же *культурѣ.* Очень слабъ; хожу, но плохо; гортань этой весной хуже. Въ домѣ пока все по старому. Александръ готовится къ экзамену *въ урядники.* А я *думаю о переходѣ въ ограду,* въ скитъ или монастырь. Лизав. Павл. съ Варей — въ Козельскъ. Сейчасъ нельзя, по хозяйственнымъ условіямъ; но *что-то толкаетъ*

От. Амвросій взираетъ благопріятно на эту думку мою. Повѣсть (все черезъ *культуру*) опять до іюня отложилъ. Да и *боюсь* я ее какъ-то. *Слабо* написать—не желаю; *сильно*—не надѣюсь!

Извѣстная Вамъ статья „Анализъ, стиль и вѣяніе“ весьма за зиму усовершенствована, продана Бергу и начнется въ іюньской книжкѣ „*Русск. Вѣстн.*“. Если добьюсь оттисковъ, непремѣнно вышлю. Посылаю Вамъ III главу статьи моей „Добрыя вѣсти“. Полагаю, что 2 первыя Вы получили отъ Замараева или Денисова,—хотя Вы объ этомъ ни слова не пишете. Или не получали? Для *кого же* я пишу въ „*Гражданинъ*“, когда *даже* ни Фудель, ни Вы „*Гражданина*“ не *ищете?*

Ну, прощайте. Авдотьѣ Тарасовнѣ — мой привѣтъ. Отъ другихъ поклоновъ не пишу. Сами собою разумѣются.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо XLVII.

11 іюня 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! Наконецъ-то, я собрался Вамъ отвѣтить на Ваше послѣднее („лаконическое“, къ сожалѣнію) письмо.

Мстить Вамъ такимъ же лаконизмомъ не хочу, хотя, по правдѣ сказать, все таки не вполнѣ вѣрю, чтобы *разъ* въ мѣсяцъ-то не нашлось двухъ всего часовъ какихъ-нибудь, чтобы хоть „сочинить“ такое письмо, которое бы могло удовлетворить меня. Вы спросите: „чѣмъ?“—Бо́льшими подробностями о Вашемъ собственномъ настроеніи, о Вашихъ надеждахъ, опасеніяхъ, радостяхъ, скорбяхъ и т. п. Не говорю уже о какихъ-нибудь болѣе общихъ вопросахъ, которые могутъ Васъ иногда тревожить. Право, такъ!

Вотъ *нѣмецъ-то* (Фудель) все таки лучше васъ всѣхъ: и лаконическія письма онъ пишетъ гораздо чаще, чѣмъ Вы, а отъ времени до времени касается и *общихъ* идей, и задаетъ мнѣ ими работу. О Кристи я не говорю. Этотъ вѣчно чѣмъ-то мнѣ не всегда понятнымъ обуреваемъ, и поэтому очень неровенъ: то напишетъ два-три длинныхъ и страстныхъ письма, то по полугоду пропадаетъ безъ вѣсти! Онъ, видимо, съ этой стороны неисправимъ, и я съ этимъ не то, чтобы примирился, но просто привыкъ къ этому, какъ къ неизбѣжному злу. Смотрите, и Вы не пріучите меня къ чему-нибудь по-

добному. Нужно же *понимать*, какъ пожилому и уединенному человѣку пріятно получать письма отъ молодыхъ друзей. Внѣшнихъ важныхъ событій нѣтъ,—есть внутренній Вашъ міръ, который не можетъ не интересовать меня.

Ну, довольно укорять Васъ; лучше поблагодарю за то, что Вы такъ скоро исполнили мое желаніе и возвратили къ себѣ статью о Черновѣ. Никогда не забуду этой грубой ошибки моей! Mea culpa! Mea culpa! Всему свое время: будете профессоромъ, будете постарше, пріобрѣтете больше опыта и больше извѣстности,—и тогда, быть можетъ, со значительными измѣненіями, многое изъ труда Вашего и пригодится...

Не писалъ я Вамъ долго оттого, что очень былъ занятъ до послѣднихъ дней—сочинительствомъ своей новой повѣсти; теперь пріостановился недѣли на двѣ; буду говѣть и еще обдумывать. Не помню, писалъ ли я Вамъ, что я вынужденъ былъ приступить къ ней по жребію, который велѣлъ мнѣ бросить от. Амвросій. Это не то, что я Вамъ читалъ: „Дипломатъ Маврокордато ѣдетъ черезъ лѣсъ къ помѣщику и философу-пессимисту Львову" и т. д. По совѣсти сказать, писать объ этомъ пессимистѣ мнѣ было бы гораздо пріятнѣе и легче, и сюжетъ самъ по себѣ *сразу* занимательнѣе; но—дѣлать нечего—надо повиноваться жребію! Хочу постараться окончить первую часть къ сентябрю, и рѣшился не уступать дешевле 200—250 руб. за листъ. Жена Боборыкина, которая на-дняхъ пріѣхала въ свое имѣніе (верстахъ въ 15 отъ Оптиной), говоритъ, что „дадутъ,—только кончайте!" Вотъ Вамъ одна новость. Другая: Александръ нашъ готовится въ урядники; учится! Оболенскій обѣщалъ ему свою протекцію. Я же, если Богъ поможетъ мнѣ получить за первую часть повѣсти („Подруги") около 2.000 руб., развяжусь навсегда съ Калужк. Общ. Взаимн. Кредита, которое пьетъ мою кровь сотни по 2, по 3 въ годъ—процентами и погашеніемъ капитала, и хочу перейти на одиночное заключеніе въ особую пристройку при здѣшней больницѣ, гдѣ и зимой могу прямо изъ своихъ дверей ходить въ церковь черезъ корридоръ, а Лизавету Павловну съ Варей устроить въ Козельскѣ. Въ „принципѣ" это рѣшено; но срокъ перехода, конечно, зависитъ отъ многаго: отъ от. Амвросія, архимандрита и денегъ. Разъ устроившись такъ, надѣюсь и съ хозяйственной стороны на экономію рублей въ 400 въ годъ. Мечтаю уплатить

при жизни и такіе долги, о которыхъ и кредиторы мои давно забыли! Вотъ таки „сѣдина въ бороду, а *честность* въ ребро!“

Еще новость: статья моя „Анализъ, стиль и вѣяніе“ печатается въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ (іюнь—іюль). Бергъ очень ею доволенъ, и пишетъ, что она производитъ въ Петербургѣ впечатлѣніе. По полученіи оттисковъ,—конечно, одинъ экземпляръ тотчасъ же вышлю будущему профессору Русской литературы.

Что же Вамъ еще сказать? Не знаю. Покрупнѣе—нѣтъ ничего.

Вы не пишете: получили ли Вы *Гражданинъ* съ моими тремя статьями „Добрыя вѣсти“?

Да! Забылъ! „Іюньскій цвѣтокъ“ [96]) нашъ Мар. Влад. Вяземская весной очень заболѣла; похоже, что просто—чахотка; у нея мать была чахоточная. Въ началѣ мая уѣхала въ Крымъ; теперь ей лучше, и ее ждутъ со дня на день домой. Я очень радъ; но если мать была чахоточная, то и ей, бѣдной, не миновать рано или поздно этого конца.

„Минуетъ все, мой другъ, и юность, и безпечность,—
Сіяніе померкнетъ красоты,
Какъ облетаютъ пышные цвѣты“... [97])

и т. д.

Ну, что жъ еще сказать?

Да! „Еще одно, послѣднее сказанье“... Вчера уѣхалъ отсюда нѣкто Ѳедоръ Павловичъ *Чуфринъ*; молодой человѣкъ 25 лѣтъ, изъ мѣщанъ, учился *только* въ учительской семинаріи; заводилъ самъ какія-то образцовыя школы (первоначальныя); былъ атеистомъ и простымъ прогрессистомъ; разстроились дѣла; разстроился самъ; дошелъ до отчаянія; одинъ знакомый помѣщикъ года два тому назадъ, понявши его состояніе, уговорилъ его съѣздить къ от. Амвросію; онъ поѣхалъ: „посмотрю, молъ, что это за Амвросій!“ Поѣздилъ, поѣздилъ—*и обратился*. Теперь посвящаетъ всю жизнь свою на проэкты Православной педагогіи. От. Амвросій благословилъ его ѣхать въ Москву къ гр. Капнисту (попечителю учебнаго округа) съ этими проэктами, и далъ ему денегъ на дорогу.

---

[96]) **Выраженіе изъ акростиха, написаннаго мною княгинѣ Вяземской, по просьбѣ К. Н. Леонтьева.** *А.*

[97]) **Отрывокъ изъ вышеупомянутаго акростиха.** *А.*

Меня, вообразите, онъ уже 2 года (по церкви) зналъ въ лицо; но, самъ не знаетъ почему, считалъ меня здѣшнимъ купцомъ и заводчикомъ (виннымъ)—Цыплаковымъ. И только, когда прочелъ моего „от. Климента", узналъ, что я—не Цыплаковъ, а „писатель"—Леонтьевъ. За два дня до неотложнаго отъѣзда—пришелъ ко мнѣ; обѣдалъ, ужиналъ оба дня,—и третьяго дня мы съ нимъ, точно „люди сороковыхъ годовъ", пробесѣдовали *отъ 12 дня до 12 часовъ ночи*, то въ кабинетѣ, то на балконѣ въ саду, то за обѣдомъ и ужиномъ. *Очень* уменъ; при незначительной учебной подготовкѣ, судитъ и говоритъ, какъ умный кандидатъ университета. На все живое подается быстро. Съ виду похожъ немного на Замараева; брюнетъ, въ очкахъ; только красивѣе Григорія Ивановича. Вы догадываетесь, что я потщился перевернуть вверхъ дномъ всѣ его мысли... Въ религіи прежде моего его утвердилъ уже отчасти Батюшка. Но все побочное было старое и обычное. И въ религіи были большія прорѣхи: „Евангеліе, равенство, любовь" и т. д. Ну, понимаете—я ему: „страхъ Божій; *себя* спасай; остальное приложится, *неизбѣжно даже*; любовь безъ страха—гордость и европейскій прогрессъ; правильная эстетика, даже и деспотическая, менѣе опасна для истинной религіи, чѣмъ чистая (безбожная и небогобоязненная) мораль". Я нарочно, чтобы указать ему, *какъ* вѣруетъ *самъ народъ*, обратился къ Варѣ и спросилъ: о чемъ надо въ дѣлѣ вѣры [прежде всего думать—о спасеніи себя или другихъ? „Нынче", говорю я ей, „вотъ они всѣ хотятъ другихъ спасать". А Варя: „Вотъ еще! Да *куда мнѣ другихъ еще спасать!* Себя-то спасешь ли отъ *ада?*" Это на него тоже подѣйствовало. Мы разстались, значитъ, очень довольные другъ другомъ. Ну, прощайте. Цѣлую Васъ крѣпко и прошу передать нашъ общій привѣтъ Авдотьѣ Тарасовнѣ.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

P. S. Сейчасъ вошла Варя и велѣла отъ нея *особенно кланяться* Вамъ. Мы всѣ очень жалѣемъ, что пріѣздъ Вашъ сюда отложенъ. Но я утѣшенъ той надеждой, что когда Вы къ зимѣ кончите совсѣмъ Вашъ экзаменъ, то, можетъ быть, и на два мѣсяца пріѣдете сюда „вольной птицей".

А что стихи? Или научныя и педагогическія заботы усы-

пили музу? Да, ужъ заботы мелкія вредятъ ей (такъ же, какъ и религіи) хуже скорбей и несчастій!

Фудель собирается сюда въ августѣ.

Письмо XLVIII.

11 іюля 1890 г. Оптина Пустынь.

Что съ Вами, Анатолій Александровичъ?

На Васъ это не похоже. Можно ли такъ ужъ долго молчать? Не больны ли Вы? Никакія занятія не могутъ помѣшать хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ извѣстить о себѣ. Или чувства измѣнились? Этого, безъ повода съ моей стороны, отъ Вашего любвеобилія и твердости ожидать трудно. Если же нѣтъ, то берегитесь поддаваться этой слабости—подолгу не писать писемъ. Разъ за разомъ—человѣкъ и самъ не замѣтитъ, какъ отвыкнетъ. Что же тутъ хорошаго! Кромѣ Васъ и Фуделя, у меня такъ-то никого и не осталось больше. О Кристи и слуховъ нѣтъ съ весны. Посмотрите № 177 „*Московск. Вѣдом.*“ и *подивитесь*, какъ *мерзко* П. Е. Астафьевъ тамъ противъ меня написалъ... Глазамъ не вѣришь!

К. Леонтьевъ.

Письмо XLIX.

12 августа 1890 г. Оптина Пустынь.

Ѣду въ Москву 16 августа на цѣлый мѣсяцъ. Не увидимся ли благодаря экзаменамъ?

Фудель у меня. Благодаритъ Васъ за память и за дружескіе укоры (въ письмѣ, которое я показалъ ему). Самъ сбирается писать Вамъ. Онъ ѣдетъ вмѣстѣ со мной, но немедленно въ Петербургъ.

Любящій Васъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо L.

4 сентября 1890 г. Москва.

Милый Анатолій Александровичъ!

Не требуйте отъ меня „длиннаго“ письма изъ Москвы. Я не могу уже потому писать его, что *столъ не мой*, неудобный, и вся обстановка непривычная. Уѣзжаю я домой 10-го (воскресенье). Денегъ истратилъ очень много; пользы, какъ здоровью, такъ и по литературнымъ дѣламъ, получилъ мало.

Всѣ, впрочемъ, мнѣ очень здѣсь обрадовались, и старые и молодые. *И только*! Пока объ этомъ довольно...

Фудель вчера былъ у меня, проѣздомъ изъ Петербурга, и сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Вильно.

Бергъ пріѣхалъ на 3 дня по своимъ дѣламъ, и уѣхалъ. На счетъ „Чародѣя“ [98]) еще разъ неудача. Пока дѣло было на словахъ, онъ былъ на все съ радостью согласенъ. Я хотѣлъ выслать ему стихи изъ Оптиной (и даже рѣшился безъ спроса у Васъ выслать ему и Ваши стихи *на Оптину*),— но оказалось, что тетрадка, въ которой Вашей рукою написано и то и другое, случайно съ другими бумагами привезена мною въ Москву. Я далъ ему прочесть,—и онъ отказался напечатать, говоря, что оба стихотворенія слишкомъ слабы! (Каково!). Fatum!

Ну, обнимаю Васъ. Прощайте.

Съ Петромъ Евгеніевичемъ мы въ ссорѣ [99]); не были другъ у друга.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо LI.

20 сентября 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! Сегодня четвергъ, а въ понедѣльникъ я возвратился къ „очагамъ“ и „пенатамъ“ моимъ, развеселый оттого, что не вижу болѣе ни паровыхъ машинъ, ни конокъ, ни тысячей хамовъ; что не слышу треска пролетокъ по мостовой; что сплю на собственномъ волосяномъ тюфякѣ, а не на дьяволомъ изобрѣтенныхъ пружинныхъ матрацахъ, которые движутся подъ тобой тогда, когда ты этого совсѣмъ не желаешь; и т. д., и т. д. Истратилъ, прожилъ, проѣздилъ рублей до 400 въ одинъ мѣсяцъ, измучился,—и теперь, избавившись отъ „цивилизаціи“, ежечасно восклицаю: „Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его“!

Въ Москвѣ всѣ знакомые и пріятели были мнѣ до того рады, что я и не ожидалъ! Удивился. Оно, конечно, прі-

[98]) Стихотвореніе мое, посвященное К. Н. Леонтьеву. *А.*

[99]) Съ Петр. Евг. Астафьевымъ вышла размолвка изъ-за литературной полемики по поводу статьи Леонтьева „Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“. *А.*

ятно... Но вотъ поди, угоди человѣку! Нѣсколько хорошихъ, строгихъ даже и справедливыхъ, критическихъ статей, при *сердечномъ* ко мнѣ равнодушіи, больше бы меня утѣшили, чѣмъ эта личная любовь безъ статей... Эта любовь (личная), которую мнѣ обнаружили всѣ бывшіе сослуживцы по цензурѣ (особенно *сухой* предсѣдатель и *лукавый* Назаревскій), Грингмутъ, юноша Погожевъ, отчасти Дениска, Вл. Серг. Соловьевъ (все обнимаетъ и цѣлуетъ, и говоритъ: „ахъ! какъ я радъ Васъ видѣть!“) и двое новыхъ знакомыхъ, отставные нигилисты (Говоруха-Отрокъ и Л. Тихомировъ),—эта любовь заслужена, вѣроятно, какими-нибудь уживчивыми и ничтожными сторонами моего характера: „добрый малый“, „хорошій старикъ“ и т. д.

Но, приближаясь все болѣе и болѣе къ послѣднему дню разсчета со всѣмъ земнымъ, хотѣлось бы знать, наконецъ, стоютъ ли чего-нибудь твои труды и твои мысли, или ничего не стоютъ! Такое упоминаніе моего имени, какое теперь, за послѣдніе два-три года, стало все чаще и чаще случаться, ни самому автору, ни читателямъ ничего не объясняетъ. „Великая заслуга указать на Болгаръ“ и т. д.; „блестящее изложеніе“; „самобытный умъ“; „оригинальный публицистъ“ и т. д. (и сумасшедшіе очень оригинальны, и всѣ уроды). А я бы желалъ, чтобы мнѣ самому люди умные объяснили, въ чемъ я дѣйствительно полезенъ, и въ чемъ только даровитъ, не заблуждаюсь... Мнѣ *самому*, *для себя* нужна честная и строгая критика!..

Собирается кой-кто теперь—послѣ моихъ прямыхъ укоровъ за это публичное молчаніе (при величайшихъ похвалахъ въ разговорахъ, гдѣ никогда почти систематически нельзя высказаться)—Юр. Николаевъ (Говоруха), Вл. Серг. Соловьевъ и т. д. Посмотримъ!

„Чародѣй“ Вашъ неожиданно оказался со мной въ Москвѣ, переписанный Вашей рукою, а также и стихи на Оптину Пустынь. Когда я послалъ Вамъ телеграмму, я думалъ, что тетрадка эта осталась въ Оптиной, и уговаривался съ Бергомъ выслать ее отсюда. Когда же она случайно попалась мнѣ подъ руку, и я прочелъ Бергу оба стихотворенія,—онъ остался недоволенъ ими, нашелъ, что слабы, и отказался! Я этого не нахожу, Вы знаете; но, быть можетъ, я пристрастенъ. Говорилъ и читалъ Соловьеву, который

имѣетъ вліяніе на Цертелева; онъ было и взялся, но предупредилъ, что Цертелевъ къ стихамъ вообще очень придирчивъ и во вкусахъ своенравенъ,—я и это дѣло бросилъ. Не судьба пока...

Хорошо бы Вамъ издать сборникъ Вашихъ стиховъ, и тогда Вамъ самимъ станетъ яснѣе, какова ихъ цѣнность. О стихотворныхъ сборникахъ всегда бываютъ отзывы... Кто знаетъ! Быть можетъ, мы съ Астафьевымъ и въ самомъ дѣлѣ оба къ Вамъ сердцемъ пристрастны, и это вліяетъ на умъ. „Чуемъ" въ *Вашихъ* стихахъ *Вашу* знакомую намъ благородную, любящую и честную *душу*,—и они намъ нравятся. А чужой Вамъ сердцемъ человѣкъ будетъ строже и, кто знаетъ, быть можетъ, и правѣе насъ.

Замараевъ въ Москвѣ; но мы не успѣли видѣться; онъ очень поздно узналъ, что я тутъ, и, какъ нарочно, долженъ былъ уѣхать въ это самое время на нѣсколько дней изъ Москвы.

Съ Астафьевымъ мы встрѣтились разъ на улицѣ и разъ случайно въ Цензурномъ Комитетѣ; говорили кой-что; но другъ у друга не были. Я далъ почувствовать ему, что я этого не желаю. Опасаясь согрѣшить какими нибудь рѣзкими объясненіями, я предпочелъ не забывать Евангельскаго правила—удаляться отъ *соблазновъ* и отъ *искушеній*, а не напрашиваться на нихъ, въ самолюбивой надеждѣ на свою выдержку, кротость, твердость и т. д. Его статья противъ меня (лѣтомъ въ „*Московск. Вѣдом.*") была до того бѣшеная, ядовитая, не великодушная, а по мнѣнію Вл. Серг. Соловьева и прямо *хамская* (это не *мое* обычное слово, а въ самомъ дѣлѣ Соловьева), что надо дивиться, какъ онъ, при своей чуткой совѣсти, не пришелъ ко мнѣ съ дружескимъ и честнымъ покаяніемъ. Соловьевъ особенно „хамскимъ" находитъ укоръ его мнѣ въ томъ, „что я не особенно *извѣстенъ*"... И правда, что это некрасиво. Если человѣкъ, лично намъ близкій и дружественный, ошибся въ своемъ призваніи и *малоизвѣстность* его заслужена, то (все при личной дружбѣ) это подло; въ больное мѣсто не бьютъ честные бойцы,—особенно тѣхъ, съ кѣмъ у нихъ и домашнія отношенія были самыя теплыя. Если же человѣкъ заслуживаетъ извѣстности, но не пользуется ею по невниманію или по недобросовѣстности критики, то укорять его-то этимъ за что же?

Всѣ находятъ, что мое возраженіе въ „*Гражд*". было очень добродушное и умѣренное. Да еще бы и не быть ему такимъ! Я такъ *боялся* его обидѣть, я такъ помнилъ и о вѣчно разстроенныхъ дѣлахъ его, и о добротѣ Матрены Ивановны, и о несчастной слабости его къ вину, и о разныхъ *претензіяхъ* его, которыя не только мнѣ не противны, но даже нравятся,—что я больше мѣсяца не рѣшался отвѣтить ему на его первую и вовсе безтолковую замѣтку (въ „*Русск. Обозр.*"), молился, благословлялся у старца, возилъ читать Оболенскому, который, видя, что я и оправдать себя хочу и его трепещу унизить, совѣтовалъ мнѣ еще кой что смягчить. И вотъ, въ отвѣтъ на эту-то мою замѣтку, онъ напечаталъ въ „*Моск. Вѣд.*" такую статью, что жена Боборыкина, прочитавши ее, сказала: „Ужъ не *пьяный ли* онъ это писалъ?"

Такъ какъ всѣ почти общіе знакомые наши въ этомъ „инцидентѣ" и теоретически (т. е. по содержанію полемики) и еще болѣе морально—за меня, то ужъ мнѣ теперь его и жалко,—хотя одобрить поступка его никакъ нельзя, даже и при строжайшемъ безпристрастіи.

Тѣмъ болѣе жалко его, что онъ опять сумѣлъ поставить себя въ очень трудное положеніе: оставилъ цензорство для Лицея, а изъ Лицея его выжилъ гр. Капнистъ. И онъ теперь живетъ надеждами на доцентуру въ Университетѣ (которую устроилъ, говорятъ, ему Гротъ). Доценту надо быть занимательнымъ и краснорѣчивымъ; ну, а его скучную манеру Вы знаете!

Богъ съ нимъ! Я все таки его жалѣю и люблю, — и если бы у него достало мужества *прокартавить* мнѣ: „батюска! я знаю самъ, что я свинство сдѣлалъ", то я бы отъ души его прижалъ къ груди моей!..

Это было бы такъ просто! Вотъ былъ бы случай исполнить особаго вида „высшій долгъ"!..

Ну, когда же Вашимъ экзаменаціоннымъ мытарствамъ конецъ? Остаетесь ли Вы вѣрны Вашему рѣшенію пріѣхать ко мнѣ зимою? Многіе зимою сбираются: Соловьевъ, Тихомировъ, Говоруха-Отрокъ на Святки непремѣнно, студентикъ Погожевъ... Увидимъ, кто исполнитъ...

А у насъ здѣсь важная новость: от. Исаакій (архиман-

дритъ) умираетъ,—вчера первый ударъ, сегодня—еще хуже. Переворотъ большой для обители. Все измѣнится. Для меня же, по правдѣ сказать, все равно. Къ нему я равнодушенъ лично; для Оптиной особенно полезнымъ его не считалъ (*слишкомъ* купецъ); а со всѣми возможными преемниками его я настолько хорошъ лично, что за себя мнѣ опасаться нечего. Если же Вы спросите меня, котораго изъ этихъ возможныхъ преемниковъ я считаю лучшимъ, то я прямо скажу: ни одного; „всѣ хуже"... Для Оптиной въ наше время нуженъ игуменъ образованный; а такого человѣка между оптинскими іеромонахами нѣтъ. Есть дѣловые, добрые, практически умные; но всѣ, за исключеніемъ скитоначальника отца Анатолія, *купцы* по роду и по духу. И посмотрите, что именно от. Анатолія-то они и не выберутъ. Не выберутъ потому, что слишкомъ *идеаленъ*; а они, эти старшіе здѣсь, хоть и честные, искренніе монахи въ своей спеціальной сферѣ, но въ дѣлѣ управленія помѣшаны на хозяйствѣ; а о томъ, какую историческую великую роль играетъ въ XIX вѣкѣ въ Россіи Оптина пустынь и какъ важно *для міранъ ея идеальное вліяніе*, они мало думаютъ. Они всѣ не ясно понимаютъ, что кругомъ ихъ на свѣтѣ теперь дѣлается; а живутъ мыслію все по „старинной простотѣ"; внѣшніе, тѣлесные труды монашества да хорошее хозяйство—вотъ и ладно... Конечно, пока от. Амвросій живъ, онъ все будетъ озарять и согрѣвать,—но вѣдь и ему *79-ый годъ!*

Ну, прощайте; обнимаю Васъ.

Вы пишете, что у Васъ нѣтъ трехъ первыхъ главъ моей статьи „Добрыя вѣсти". Поищу и пришлю Вамъ вмѣстѣ съ оттисками моей статьи „Анализъ, стиль и вѣянье".

Кланяйтесь Авдотьѣ Тарасовнѣ.

К. Леонтьевъ.

Письмо LII.

26 октября 1890 г. Оптина пустынь.

Я такъ теперь занятъ, милый мой Анатолій Александровичъ, что не приключись мнѣ сегодня неожиданная безсонница, то я не собрался бы Вамъ отвѣтить раньше первыхъ чиселъ ноября на Ваше послѣднее письмо изъ Ярославля (14 октября). Но это, конечно, не мѣшало мнѣ чрезвычайно обрадоваться добрымъ вѣстямъ на счетъ Вашего второго

экзамена... Вотъ это хорошо! Ну, а русскій языкъ, сербскій и польскій, конечно, сдадите. Самое главное и самое трудное все кончено, слава Богу!

Вы, вѣрно, о сю пору что-нибудь думаете о диссертаціи? Интересно бы мнѣ: какую Вы тему изберете? Конечно („обязательно!") изъ русской литературы, — но какого періода?

Не знаю, годится ли это, но мнѣ кажется, хорошо бы разобрать съ литературно-исторической (и даже отчасти психологической) стороны Четьи Минеи Дмитрія Ростовскаго, — разобрать въ томъ смыслѣ, чтобы сравнить и *житія* Святыхъ Русскихъ со Святыми Греческими (и Римскими, конечно, вошедшими туда же), т. е., какъ они, житія, написаны, и, еще лучше, *самихъ святыхъ*, ихъ *характеры*. Конечно, выйдетъ для насъ не слишкомъ лестно, ибо, если *святость* равная, то ужъ *творчество* родовъ подвижничества (одиночество, общежительство, столпничество, юродство, странничество и т. д.) будетъ все на сторонѣ Византійцевъ; наши Святые только повторяли ихъ, такъ сказать, изобрѣтенія на аскетическомъ пути?

Или, можетъ быть, это слишкомъ трудно еще въ Ваши года? Или для той каѳедры, которую Вы имѣете въ виду, не годится? Не знаю. Вамъ лучше это знать.

На счетъ „Чародѣя"—что сказать? Конечно, я *подкупленъ*; но все таки надѣюсь, что и лестную для меня вещь назвалъ бы слабой, если бы она мнѣ такою казалась. (Нахожу же я статью Портье д'Арка — Чернова — слабой и до сихъ поръ укоряю себя за то, что *допустилъ* Васъ до труда надъ нею!). „Чародѣя" не я одинъ находилъ сильнымъ, — помните, что Астафьевъ Вамъ говорилъ? Вл. Соловьевъ зналъ его давно и въ этотъ разъ еще прослушалъ его, хотѣлъ говорить о немъ Цертелеву, но предупредилъ меня, что Цертелевъ на счетъ стиховъ очень разборчивъ и придирчивъ даже. Тогда я сказалъ себѣ: „Больше не мѣшаюсь въ это! Пусть Александровъ самъ пробуетъ, а *мнѣ рѣшительно неловко*; будь это не „Чародѣй", а что нибудь другое — иной разговоръ. Александровъ и самъ уже пользуется достаточнымъ уваженіемъ, и можетъ самъ вступать въ переговоры.

А Берга я и не разберу, хотя и давно его знаю. Онъ очень твердый человѣкъ *вообще*, и съ убѣжденіями; но въ частныхъ случаяхъ онъ очень перемѣнчивъ и мнителенъ.

Не пойму его. Онъ и со мной таковъ. Ну, а чтобы онъ былъ особенно непріятенъ, какъ говоритъ Фетъ, я этого не нахожу.

Я увѣренъ, что Вы спрашиваете, чѣмъ же это Конст. Никол. теперь такъ занятъ: „романомъ или чѣмъ еще?“ Увы! Романъ пока отложенъ... Другимъ,—а чѣмъ, не скажу! Увидите сами... Я не виноватъ, что Вы, повидимому, ничего въ Ярославлѣ не читаете,—ни даже *„Моск. Вѣдом.“*? Иначе Вы бы увидали, что *мнѣ наговорилъ* въ іюнѣ (№ 177) Петръ Евгеніевичъ... Увидали и изумились бы и бѣшенству его и туманности объясненій. Или ужъ сказать? Нѣтъ, подожду, а то придется много распространяться... Скажу только, что будетъ вовсе не простая полемическая статья. (Я этого терпѣть не могу—и Васъ *заклинаю* воздерживаться отъ *личной* полемики). Нѣтъ, это будетъ нѣчто похитрѣе и позатѣйливѣе.

Должно быть, Вамъ вовсе некогда было читать?

Получаете ли Вы *либерально-панславистическій „Вой“*, подъ именемъ *„Благовѣста“*? И сами приглашены ли въ немъ участвовать? *Нг брезгайте, но и не уступайте.* Фудель уже печатаетъ тамъ, и сразу сказалъ имъ, что настоящіе продолжатели славянофильства—Вл. Соловьевъ и я. Да еще и очень рѣзко. Они приглашаютъ его *доказать* это. Посмотримъ.

О Кристи извѣстія плохія: Его видѣли люди на Кавказѣ,—*сбивается, заговаривается...* Вотъ печальная судьба! Я каждый день объ немъ думаю. Такъ жалко, что и вѣрить не хочется! Самъ онъ съ весны пересталъ мнѣ писать...

Когда получу изъ Петербурга оттиски моей статьи „Анализъ“ и т. д., вышлю Вамъ. А пока прощайте. Обнимаю, цѣлую и люблю.

Авдотьѣ Тарасовнѣ и отъ меня, и отъ жены, и отъ Вари—поклонъ и привѣтъ.

Александръ служитъ съ августа урядникомъ. Мы его очень рѣдко видимъ; очень занятъ; да и товарищи, должно быть, больше доставляютъ ему развлеченія, чѣмъ жена (т. е. Варя) и я. Слава Богу, Варя ничуть не горюетъ объ этомъ и со мной да съ Лизаветой Павловной нисколько не скучаетъ. Да, утѣшилъ Господь меня этой молодой женщиной. „Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!“

Архимандриту (Вы спрашиваете о немъ) получше; ходитъ; но, конечно, непроченъ. *82-й годъ!*

Вашъ неизмѣнный

К. Леонтьевъ.

P. S. Вспомнилъ, что у меня случился лишній экземпляръ № 5 „Благовѣста“,—и вкладываю въ письмо тотъ листикъ, гдѣ нашъ от. Іосифъ показалъ зубы *либеральнымъ* славянофиламъ. Прочтите. Меня это утѣшило!

Письмо LIII.

26 февраля 1891 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Анатолій Александровичъ!

Сейчасъ только получилъ Ваше письмо изъ Москвы отъ 23 февраля, и спѣшу поздравить съ полнымъ окончаніемъ экзаменовъ. Лизавета Павловна и Варя также поздравляютъ и радуются.

А я третьяго дня, какъ нарочно, отправилъ Вамъ въ Ярославль тоже открытое письмо съ укорами за забвеніе и долгое молчаніе. Неужели вы въ Ярославлѣ не получили моего довольно большого письма о П. Е. Астафьевѣ? Или пропадаютъ письма? Я отъ Васъ также давнымъ давно не получалъ. *Очень* желаю, чтобы Васъ оставили въ Москвѣ и даже эти дни буду думать о средствахъ этому способствовать. Буду писать подробнѣе на первой недѣлѣ поста. А теперь занятъ для „*Гражданина*“. Авдотьѣ Тарасовнѣ—отъ всѣхъ насъ поклонъ.

К. Леонтьевъ.

P. S. Здоровье—ни шатко, ни валко.

Письмо LIV.

15 марта 1891 г. Оптина Пустынь.

Вчера Вы, милый Александровъ, *очень* порадовали меня Вашимъ письмомъ о приватъ-доцентурѣ Вашей, о „Максимѣ Грекѣ“ и т. д. Вы спрашиваете моего совѣта; *разумѣется*, надо ѣхать въ Петербургъ! На гр. Капниста и на ректора (??) я что-то не очень надѣюсь; опасаюсь, что у этихъ людей могутъ быть свои *мѣстныя* личныя пристрастія. Какъ только увидите, что можете ѣхать, такъ сейчасъ и заблаго-

временно напишите мнѣ заказное открытое письмо—два слова: „*Тогда-то* ѣду въ Петербургъ“. Я сейчасъ же напишу гр. Делянову, что Вы „тотъ самый Александровъ, котораго я рекомендовалъ для стипендіи и который *оправдалъ экзаменами* мою рекомендацію“. Въ *такой* формѣ это и министру можетъ доставить удовольствіе. Сверхъ того, я дамъ Вамъ рекомендательныя *карточки*—Филиппову, Мещерскому и кой-кому еще. Вотъ и все. Но прошу Васъ позаботиться объ этомъ заранѣе, чтобы мнѣ осталась для теперешней усталости и медлительности моей, *по крайней мѣрѣ, недѣля*. Я всѣ мои обѣщанія, какъ знаете, исполняю; но спѣшить мнѣ стало во всемъ тяжело. Къ тому же теперь и Постъ, а онъ моему малокровію не дешево достается!

Отчего же Вы не порадуете меня обѣщаніемъ пріѣхать сюда на каникулы? Неужели опять „кондиціи“? Ахъ, дружокъ, надо бы, надо бы Васъ опять „позарядить кой-чѣмъ“... А то, Богъ дастъ, устроитесь, начнете опять пописывать понемножку и пойдете опять „басить“; „Гаршинъ, Короленко, Макаръ, Тойонъ, Достоевскій, Достоевскій“,—и все будете у разныхъ „пороговъ“ осмотрительно пріостанавливаться, не рѣшаясь, „шапка на бекрень“, перешагнуть черезъ нихъ. (Въ статьѣ Вашей о Гаршинѣ, которую я храню и недавно еще перечелъ внимательно, есть 3—4 такихъ *порога, за которыми* Вы остались; въ *жизни*, я нахожу, Вы несравненно смѣлѣе, чѣмъ въ литературѣ).

На счетъ *давняго* письма моего въ Ярославль и печальныхъ статей, которыми мы обмѣнялись съ Астафьевымъ, теперь мнѣ все ясно. Я объ *нихъ-то* и спрашивалъ,—и доволенъ, что Вы ихъ получили. Я посылалъ ихъ и Кристи (которому, слава Богу, судя по послѣднему, очень толковому, письму, теперь гораздо лучше),—и онъ гораздо болѣе Васъ вознегодовалъ на Петра Евгеніевича. Вы же—*молчокъ*. Можетъ быть, съ точки зрѣнія высшаго христіанства Вы и правы; ну, а по моимъ немощамъ, негодованіе Кристи доставило мнѣ гораздо больше удовольствія, чѣмъ Ваше равнодушіе и молчаніе. Я нахожу даже, что Кристи къ нему ужъ слишкомъ строго отнесся въ этомъ случаѣ, и хочу въ отвѣтѣ моемъ даже заступиться за него. Небось, *пьяный* писалъ.

Ну, Господь съ Вами! Авдотью Тарасовну благодарю и отъ

домашнихъ моихъ и отъ себя за добрую память. Небось, она рада возвратиться въ Москву?

На счетъ Вашихъ больныхъ (Маріи и Аркадія) сегодня же батюшкѣ написалъ записку.

Обнимаю крѣпко!

Будьте здоровы, и да хранитъ Васъ Господь милосердый!

К. Леонтьевъ.

P. S. Не хотите ли полюбопытствовать—прочесть новую статью мою въ 4 №№ *„Гражданина“* (№№ 64, 65, 66, и 67, мартъ). Авось либо въ Москвѣ достанете.

Если добьюсь отъ безпорядочнаго князя Мещерскаго нѣсколько экземпляровъ, то непремѣнно Вамъ вышлю. Но отъ него деньги скоро приходятъ, а ужъ №-а не скоро дождешься!

Т. И. Филипповъ въ восторгѣ, и пишетъ, что министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ на нее особое вниманіе Государя, по „ея государственному значенію“. Дай Господи! „Не по грѣхамъ нашимъ воздалъ еси намъ“! Только и тутъ *„Гражданинъ“* не обошелся безъ опечатокъ: въ IV статьѣ напр., напечатано про І. Хр. „Учитель Новой *Земли*“—вмѣсто „Учитель Новой *Вѣры*“... Обратите на это вниманіе. Заглавіе: „Записки отшельника.—Надъ могилой Пазухина“.

Письмо LV.

25 апрѣля 1891 г. Оптина Пустынь.

Воистину Воскресе, дорогой и добрый другъ мой Анатолій Александровичъ! Вы *очень* обрадовали меня своимъ намѣреніемъ пріѣхать лѣтомъ въ Оптину; но Ваши обстоятельства своей неопредѣленностью тревожатъ меня. *Да,—Вамъ необходимо* побывать *къ осени* въ Петербургѣ. Постараюсь *пригодится* Вамъ. Но можетъ быть и то, что *полезные намъ люди* будутъ въ Москвѣ на французской выставкѣ еще раньше. Понимаете, *какіе люди? Слѣдите за этимъ.* Это лучше всего.

Не думайте, что я измѣнился въ чувствахъ, оттого что теперь не пишу большого письма. Вѣрьте, обремененъ заботами, а силы все умаляются! Авдотьѣ Тарасовнѣ ото всѣхъ насъ—поклоны и пожеланія.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Посылаю подъ бандеролью свою новую и *дерзновенную* статью.

Письмо LVI.

3 мая 1891 г. Оптина Пустынь.

Дорогой и добрый другъ мой Анатолій Александровичъ, на дняхъ къ Вамъ, вѣроятно, явится нѣкто Ѳедоръ Павловичъ Чуфринъ, котораго рекомендую Вамъ съ самой хорошей стороны: и умомъ, и сердцемъ это юноша далеко недюжинный. Онъ хочетъ познакомиться съ Вами, какъ съ моимъ другомъ. Я поручилъ ему, между прочимъ, посовѣтовать Вамъ не унывать, что въ Петербургъ нельзя скоро ѣхать; ибо полагаю, что, благодаря французской выставкѣ, всѣ тѣ лица, отъ которыхъ прямо или косвенно можетъ зависѣть назначеніе Вамъ оклада [100]), перебываютъ на короткое время въ Москвѣ: и гр. Деляновъ, и Филипповъ, котораго поддержка, кажется, у Делянова много вѣситъ, и кн. Волхонскій (товарищъ министра), и даже Н. А. Любимовъ, которому Вы лично извѣстны. На кн. Волхонскаго можетъ, повидимому, имѣть вліяніе Влад. Серг. Соловьевъ, къ которому и совѣтую Вамъ безъ стѣсненія обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Что касается до министра Народнаго Просвѣщенія и до Т. И. Филиппова, то для перваго я прилагаю письмо, которое, по прочтеніи, надо подать, разумѣется не открытымъ, а *запечатаннымъ*; а для второго—мою карточку съ рекомендаціей. Карточку надо открытую послать черезъ слугу, а потомъ уже являться. Что не выставлены число и мѣсяцъ, это не бѣда,—можете и сами выставить, а можно и такъ оставить. Не упустите только ихъ. На газеты не надѣйтесь—опаздываютъ; надо розыскать другія средства для того, чтобы Васъ своевременно извѣстили о пріѣздѣ. Впрочемъ, Вы и сами ужъ не маленькій. А мнѣ остается только помолиться за Васъ; Я самъ, Вы понимаете, очень дорожу тѣмъ, чтобы Вы основались въ Москвѣ, поближе ко мнѣ. Буду съ радостью и сюда Васъ ждать! Пора! И не я одинъ, а и Лиз. Павл., и Варя. Онѣ обѣ поручаютъ мнѣ передать Авд. Тар. ихъ сердечные поклоны и поздравленія съ праздникомъ.

---

[100]) **Какъ приватъ-доценту университета.** *А.*

Лиз. Павл. все та же,—все непостоянна: то гнѣвъ, то скука, то радость по пустякамъ, то ненависть къ Оптиной, то примиреніе съ нею; все также добродушна и все также „психозна“! Иной разъ и тяжело таки намъ съ Варей приходится! Крестъ! И Варѣ больше, чѣмъ мнѣ. Я заслужилъ этотъ крестъ моимъ прошлымъ, а Варѣ—„въ чужомъ пиру похмелье“!

Варя третьяго (или четвертаго) дня родила еще мальчика; Николаемъ окрестили. Теперь у нихъ трое дѣтей: Маша, Сережа (2-й годъ) и этотъ. Ничего—здорова; только очень слаба; сама кормить не можетъ.

Я съ самой Страстной *писаніемъ* не занимался: то молитва, то „яйца“, то праздники, то хозяйство, то лѣнь и недуги.

Завтра думаю исправить статью для „*Гражданина*“—„Достоевскій о дворянствѣ“. Вы должны радоваться: я его хвалю тамъ (до извѣстной степени); Вы вѣдь все таки—его *поклонникъ*; тогда какъ мнѣ похвалить его вовсе не легко: я его „уродливыхъ“ романовъ терпѣть не могу; хотя и понимаю ихъ достоинства.

Въ заключеніе письма, прибавлю, что мнѣ все что-то грустно послѣднее время; если Вы не забыли, что я Вамъ говорилъ о значеніи въ моей жизни годовъ 40—41, 50—51, 59—61, 70—71, 80—81, то Вамъ будетъ понятно то подавляющее дѣйствіе, которое имѣетъ на меня цифра *91*! Жду все какого-то событія, перелома въ жизни моей,—быть можетъ, и смерти...

Обнимаю—и прошу по-прежнему любить

Вашего *К. Леонтьева.*

P. S. Знакомы ли Вы со статьями Розанова въ „*Русск. Вѣстн.*“ и въ „*Моск. Вѣдом.*“?

Познакомьтесь, *прошу Васъ*, съ Говорухой-Отрокомъ, который пишетъ въ „*Московск. Вѣдом.*“ подъ именемъ Юрія Николаева. Мы съ нимъ прошлой осенью сошлись. У Васъ найдется много общаго, Онъ живетъ въ Кокоревской гостиницѣ, за Москвой-рѣкой.

Письмо LVIII.

26 мая 1891 г. Оптина пустынь.

Крѣпко обнимаю и благодарю милаго моего „приватъ-доцента“ за поздравленіе!

Слѣжу, насколько умѣю, внимательно за спискомъ пріѣзжихъ на выставку въ Москву важныхъ сановниковъ; но до сихъ поръ не видать ни Делянова, ни Филиппова, ни кн. Волхонскаго. Такъ что до сихъ поръ не имѣю утѣшенія знать, пригодились ли мои письма, карточки и совѣты. Буду ждать съ нетерпѣніемъ; надѣюсь, что не замедлите извѣстить...

Отчего бы Вамъ теперь, когда П. Е. Астафьевъ имѣетъ свою типографію (сказать мимоходомъ, все таки „хамство!“), не напечатать у него сборника Вашихъ стихотвореній? О томъ, чтобы были отзывы, хоть краткіе (въ газетахъ), я позабочусь и самъ, и черезъ другихъ. Подумайте.

Въ первыхъ числахъ іюня жду Фуделя, — получилъ отъ него предупрежденіе.

Думаю часто о бѣдномъ Ив. Ив. Кристи. Послѣднее письмо его (въ февралѣ) было довольно ясно и умно; но съ тѣхъ поръ не пишетъ вовсе; хотя я и ему посылалъ вырѣзки своихъ статей изъ „*Гражд.*“,—впрочемъ, безъ писемъ. „Бѣднымъ“ я его называю не столько потому, что онъ былъ недавно такъ боленъ, — Богъ дастъ, поправится; но потому, что онъ ужъ слишкомъ какъ-то *связанъ* съ родными своими,— гораздо тѣснѣе, чѣмъ бы нужно для человѣка, годнаго въ хорошіе „дѣятели“. „Враги человѣку—*домашніе* его!“ Здѣсь это какъ разъ у мѣста. *Любя*, враги будущности!

Чуфринъ пишетъ, что былъ у Васъ и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе изъ знакомства съ Вами.

Весьма возможно, что я послѣ Успеньева дня опятъ буду въ Москвѣ. *Нужно.* (Только не для дурацкой литературы: избави меня Боже отъ такого малодушія въ 60 лѣтъ! Не думайте этого) [101]).

Жена моя и Варя сердечно благодарятъ Васъ за память.

---

[101]) К. Н. Леонтьевъ уже рѣшилъ, повидимому, къ этому времени принять тайный постригъ и задумывалъ переѣздъ изъ Оптиной Пустыни въ Сергіевъ посадъ, подъ сѣнь Троице-Сергіевой Лавры. *А.*

У Вари теперь 2 мальчика уже; а жена моя все также шляется туда-сюда, мечтаетъ по-старому о путешествіяхъ, и то гнѣвается на всѣхъ, то помираетъ со-смѣху. Привыкъ, привыкъ, а все таки иногда очень тяжело видѣть въ такомъ грязномъ и униженномъ состояніи женщину, на которую когда-то *любовался* и которую любилъ не только сердцемъ, но и воображеніемъ, ибо *тогда* въ ней была дѣйствительная самородная, своеобразная, безыскусственная поэзія, а *теперь* остались своеобразный idіотизмъ и тоже весьма ужъ безыскусственная грязь и неряшество. Иногда—„ничего"; ну, а иногда—*и крестъ!!*

Недавно я получилъ изъ Москвы письмо отъ одного изъ лучшихъ Оптинскихъ монаховъ — отца Эраста (въ міру— Эрастъ Кузмичъ Выдропскій); от. Амвросій послалъ его по одному важному монастырскому дѣлу. Онъ очень интересуется судьбой моихъ сочиненій (гораздо больше Вашего, *какъ оказывается*); зашелъ къ *Салаеву* и спросилъ о моихъ книгахъ. Ему сказали: „идутъ!" Я этого не ожидалъ, и даже не понимаю, откуда Салаевъ ихъ беретъ. Они всѣ („Востокъ, Россія и Славянство", 2 тома) въ складѣ въ Цензурномъ Комитетѣ, подъ надзоромъ сторожа Якова Архипова и подъ контролемъ С. В. Залетова, старшаго секретаря Комитета. Они ничего мнѣ не пишутъ, и я опасаюсь, что у от. Эраста съ прикащиками Салаева вышло какое-то недоразумѣніе. Не потрудитесь ли, Анат. Алекс., навести объ этомъ справки *поточнѣе?* Будьте такъ любезны! Прибавлю еще, что я поручилъ экземпляровъ 20 на комиссію Васильеву, на Страстномъ бульварѣ. Хорошо бы у самого хозяина разспросить; онъ—порядочный человѣкъ и меня лично знаетъ.

Ну, до свиданія. Прекрасно было бы, если бы Вы побывали *здѣсь* раньше августа, — ибо мой планъ — еще только планъ и больше ничего.

Профессоршѣ отъ меня, жены и Вари—искренній привѣтъ.

Обнимаю еще разъ.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. Недавно пересматривалъ Вашу статью о Гаршинѣ, и опять остался недоволенъ *недомолвками* и вредными *осторожностями.* Увѣряю Васъ, что это *бѣда* для критика: все *лучшее*, все *свое* такъ *въ душѣ и останется!..*

Письмо LVIII.

19 іюля 1891 г. Оптина пустынь.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ!

Если Вы уже въ Москвѣ, то поскорѣе извѣстите меня на отвѣтномъ бланкѣ. Я хочу просить Васъ сдѣлать за меня *два дѣла* (*нелитературныхъ*). Получивъ извѣстіе, напишу закрытымъ письмомъ.

Вас. Вас. Розановъ живетъ теперь подъ Москвой, на Воробьевыхъ горахъ, дача И. А. Фролова,—и, вѣроятно, пробудетъ до возобновленія лекцій (до 15 августа?).

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

P. S. *20 іюля.* Получилъ письмо отъ Розанова. Переводится въ г. Бѣлый, Смоленской губерніи; пишетъ еще, видимо, изъ Москвы. Онъ, должно быть, весьма неакуратенъ.

Письмо LIX.

4 августа 1891 г. Оптина пустынь.

Вчера получилъ Ваше письмо изъ Скрылевки. Не знавши, что Вы уѣхали изъ Москвы, писалъ недавно туда два слова,—и, конечно, отвѣта не получилъ. Пока живемъ день за день.

Secundo Septembrio abeo (?) in Sanctum Tr.-Sergium. Pecunia habeo satis [102]). (Какова латынь! И то Погожевъ помогалъ). Поэтому—*до свиданія!*

У меня до 16 августа гоститъ Погожевъ. Филипповъ былъ, но всего сутки. Вл. Соловьевъ обѣщаетъ гостить у Оболенскаго въ сентябрѣ.

Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо LX.

8 сентября 1891 г. Сергіево-Троицкій посадъ.

Дорогой Анатолій Александровичъ, я было думалъ, что сегодня меня посѣтитъ кто-нибудь изъ московскихъ друзей,—однако, прогадалъ! А именно вначалѣ-то моего сюда переселенія особенно сильно чувствуется не только одиночество

---

[102]) Переводъ: „2 сентября отправляюсь въ Троице-Сергіевскую лавру. Денегъ у меня достаточно". Латынь объясняется тѣмъ, что писано въ открытомъ письмѣ. *А.*

(это такъ ужъ и быть бы!), но и совершенная *физическая* безпомощность моя! Мой Егоръ ничего еще не знаетъ, и можетъ быть полезенъ только для услуженія и мелкихъ покупокъ. А между тѣмъ необходимо же къ октябрю искать квартиру,—во первыхъ, для себя, а можетъ быть и другую (попроще) для Лиз. Павл. и Вари. Кто будетъ ходить или ѣздить? Погода испортилась, видимо, надолго; кашель мой хуже; я даже и въ Церковь уже не могу ходить, — и, по всѣмъ признакамъ, зимній „затворъ" уже начался раньше обычнаго. Я разсудилъ, что мнѣ лучше всего выписать сюда на нѣсколько дней Александра изъ Мазилова. Почта у нихъ съ половины августа закрывается, и прямого сообщенія для писемъ нѣтъ; но есть у Дорогомиловской заставы *лавка* нѣкоего И. И. Трусова, черезъ котораго письма доходятъ въ Мазилово очень вѣрно. Третьяго дня я и послалъ черезъ него *заказное открытое* Александру съ приглашеніемъ или пріѣхать сюда поскорѣе, или, если нѣтъ вовсе денегъ, то отвѣтить мнѣ поскорѣе; я вышлю ему на дорогу... Сегодня ждалъ его,—нѣту! Терять времени нельзя по многимъ причинамъ, которыя касаются не только меня, но и Вари съ дѣтьми. Поэтому прошу Васъ, голубчикъ Ан. Ал., съѣздите къ этому Трусову въ лавку, узнайте все о письмѣ и попросите его, нельзя ли какъ-нибудь ускорить пріѣздъ Александра. Если нужны деньги, дайте ему, пожалуста, рубля 2—3. На возвратномъ пути Александръ привезетъ Вамъ.

У меня денегъ достаточно, слава Богу; но денежное письмо позднѣе получите; а мнѣ ужъ, право, становится тягостно болѣе недѣли сидѣть взаперти и знать, что время идетъ къ холодамъ, а и квартира все не ищется, и судьба семьи на эту зиму не рѣшается... Вотъ почему и день одинъ дорогъ.

Передайте также прилагаемую записочку Ѳ. П. Чуфрину. Не знаю навѣрное, по старому адресу ему писать или по другому.

Все дѣловыя да хозяйственныя письма теперь... О чувствахъ и объ идеяхъ поговорю изустно—съ тѣмъ, кто посѣтитъ меня. А теперь писать ни о чемъ, кромѣ дѣлъ, не могу! Впрочемъ, и батюшка от. Амвросій говоритъ, что о тѣлѣ (т. е. о необходимомъ) надо всегда прежде позаботиться, потому что и Богъ прежде создалъ тѣло, а потомъ душу.

Да вотъ еще двѣ просьбы: 1) Когда возьму квартиру, не согласитесь ли Вы вмѣстѣ съ Авдотьей Тарасовной поискать для меня *мебель* у Сухаревой башни? Тогда мнѣ яснѣе будетъ, сколько чего нужно.

А 2) не пришлете ли Вы мнѣ чего-нибудь почитать? Читаю духовное каждый день, да день-то длиненъ,—хочется и свѣтскаго. Пришлите посылкой—и напишите, сколько стоитъ. *Очень* хочется давно съ *былинами* русскими *основательно* познакомиться; не устроите ли Вы мнѣ это?

Обнимаю Васъ крѣпко. Хотѣлось бы о многомъ и многомъ поговорить,—между прочимъ, о статьѣ Юрія Николаевича противъ Мечникова. Очень остро и искусно! Это замѣчательно, что *орудіе насмѣшки* мало по малу перешло въ наши руки. А долго было наоборотъ. Дай Богъ!

Какъ мнѣ жаль, что бѣдная Александра Георгіевна [103]) такъ опасно больна! Вообразите, я въ 1870 году видѣлъ, какъ ее крестили въ Корфу. Аѳинскій митрополитъ, суровый старикъ въ прекрасномъ бѣломъ глазетовомъ облаченіи, пожертвованномъ изъ Россіи, вынулъ крѣпкую, красную дѣвочку изъ купели и поднялъ ее кверху, обращаясь къ толпѣ. И всѣ закричали: „зито!“ Въ церкви, впрочемъ, были только все именитые и чиновные люди, а народъ наружи. Но когда народъ услыхалъ нашъ крикъ, то и вся площадь тоже закричала: „зито!“ И на портретѣ—невѣстой—она очень мнѣ понравилась.,. А теперь—вдругъ умретъ! Очень жалко!

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо LXI.

2 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ, Вы живете близко отъ угла Пречистенки и Зубовскаго бульвара, на которомъ домъ Лихутиной и квартира матери Влад. Серг. Соловьева; онъ у нея всегда и живетъ, когда бываетъ въ Москвѣ. Зайдите туда, если возможно (разумѣется), безотлагательно и узнайте, уѣхалъ онъ или нѣтъ. И если уѣхалъ, то *куда?* Если же онъ въ Москвѣ, то выручите, наконецъ, у него мою рукопись (3 первыя главы статьи, запроданной ужъ

---

[103]) Великая Княгиня, супруга Великаго Князя Павла Александровича. *А.*

годъ тому назадъ Цертелеву. Вы, кажется, ее знаете? Не помню). Онъ въ „Парижѣ“ (бывшей гостиницѣ Шевалдышева) не засталъ меня дома и оставилъ карточку съ надписью: „Рукопись Ваша нашлась. Куда Вамъ ее выслать“? Служитель мой отдалъ мнѣ эту карточку въ прошлый четвергъ, а я въ прошлую же пятницу, возвратившись сюда, написалъ Соловьеву, чтобы онъ высылалъ ее мнѣ скорѣе, и съ адресомъ. И вотъ ровно недѣля, а *рукописи я еще не получалъ*! Не знаю, что и подумать. Это дѣло, какъ заколдованное, цѣлый годъ не кончается! Пожалуста, помогите.

Около 10—12 октября я надѣюсь перейти внизъ, на извѣстную Вамъ квартиру [104]), и тотчасъ же приняться за занятія. Конечно, если къ тому времени эта рукопись не окажется въ моихъ рукахъ, я, въ крайности, начну готовить статью для „*Русскаго Обозрѣнія*“ и по черновой. Но все таки не хотѣлось бы прибѣгать къ этой крайности, ибо многое,—кажется, лучшее,—прибавлено было прямо на бѣло.

Что за странный сталъ этотъ человѣкъ—Соловьевъ!?

Что же Ѳед. Павл. не далъ мнѣ своего адреса? Старый, съ 3 нумерами дома у Петровскихъ воротъ, у меня цѣлъ, но я не знаю, тамъ ли онъ или перемѣнилъ. Я много о немъ думаю и даже тревожусь за него,—тѣмъ болѣе, что ничего *сейчасъ* еще не придумаю для него сдѣлать; но молю Бога, чтобы Онъ и его подкрѣпилъ и мнѣ доставилъ бы случай вывести его на дорогу.

Думалъ и объ Васъ. И нахожу, что Вы напрасно медлите писать Любимову [105]). Если уже рѣшено, что писать ему можно, то зачѣмъ же откладывать до Рождества? Пока Вы будете собираться, эту сумму назначатъ другому, и Вы будете наказаны за Ваше, по моему, необъяснимое кунктаторство. Впрочемъ, можетъ быть, есть условія, о которыхъ Вы мнѣ не говорили? Не знаю.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—мой привѣтъ. Вашъ *К. Леонтьевъ.*

Письмо LXII.

17 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Милый другъ, Анатолій Александровичъ! Вѣсть о кончинѣ от. Амвросія не застала меня въ расплохъ: я *давно*

---

104) Въ новой лаврской гостиницѣ. *А.*

105) Объ окладѣ за приватъ-доцентуру. *А.*

уже пріучилъ мою мысль къ этой утратѣ. Онъ былъ слишкомъ уже слабъ, чтобы можно было надѣяться на продолженіе его жизни. Разумѣется, ни одинъ духовникъ уже не можетъ мнѣ замѣнить его. Будемъ *такъ* доживать нашъ грѣшный вѣкъ! Чуфринъ уѣхалъ въ Оптиту. *Рукопись* получилъ [106]).

Марлю [107]) не высылайте,—подождемъ случая. Спасибо Вамъ. А у меня лихорадка [108]); едва хожу; не знаю, что *ѣсть*,—все не подходитъ... И, по правдѣ сказать, порядочно таки тоскую отъ этого.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо LXIII.

22 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Дорогой Анатолій Александровичъ! Нельзя ли какъ нибудь достать для меня *подлинникъ ужаснаго реферата Вл. Серг. Соловьева* [109])?! Читаю въ „*Моск. Вѣд.*“, и глазамъ своимъ все не хочу вѣрить! Неужели? Неужели? Такъ все *прямо* и *дерзко*—въ Россіи 90-хъ годовъ?! И ни у кого не найдется силы какъ слѣдуетъ отвѣтить!

К. Леонтьевъ.

Письмо LXIV.

23 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Я думаю, съ тѣхъ поръ, какъ я переѣхалъ къ Троице-Сергію, Вамъ, милый доцентъ, стало много труднѣе жить на свѣтѣ... Того и гляди, опять письмо отъ меня, если не прямо съ „комиссіей“ какой-нибудь, то все таки съ какой-нибудь просьбой, требующей отвѣта. И это, конечно, нарушаетъ

---

[106]) Ту самую рукопись, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ письмѣ (по поводу полемики съ П. Е. Астафьевымъ). Мнѣ принесъ ее Вл. С. Соловьевъ для передачи К. Н. Леонтьеву.

[107]) Не задолго до этого письма я былъ у К. Н. въ Сергіевомъ посадѣ, и онъ просилъ меня купить ему для занавѣсокъ на окна голубой марли. Исторія поисковъ и покупки этой марли разскавана мною въ сборникѣ „Памяти К. Н. Леонтьева“. Спб. 1911 г. *А.*

[108]) Это было начало воспаленія легкихъ, отъ котораго К. Н. 12 ноября скончался, такъ и не переживъ „рокового“ 1891 г. *А.*

[109]) Рефератъ этотъ прочтенъ былъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ. *А.*

олимпійское и мудрое равновѣсіе Вашего духа. Что жъ дѣлать! И дружба имѣетъ свои тернія!

Только что вчера послалъ Вамъ открытое письмо о „рефератѣ“ Соловьева, какъ уже пишу другое... На этотъ разъ главнымъ дѣломъ о Чуфринѣ.

Пожалуста, какъ только онъ пріѣдетъ, такъ попросите его пріѣхать ко мнѣ дня на три. И если онъ изъ Оптиной привезетъ съ собою какую-нибудь новую статью, о похоронахъ ли от. Амвросія или о чемъ-нибудь вообще до него касающемся, то пусть привезетъ мнѣ для отправки въ „*Гражданинъ*“. Вѣдь печатать по разнымъ газетамъ выгоднѣе для большаго прославленія имени нашего общаго духовнато благодѣтеля.

Въ „*Гражд.*“ до сихъ поръ не было *ничего*,—вообразите! Не знаю, что жъ дѣлаютъ въ Оптиной всѣ эти Шидловскіе, отцы Эрасты и т. д. И въ Шамардинѣ есть образованныя монахини! Удивительно!

Объ *рефератѣ* Соловьева не безпокойтесь больше. Вчера узналъ, что онъ будетъ напечатанъ въ „*Вопросахъ Философіи и Психологіи*“.

Эта исторія меня сильно поразила и огорчила!..

Всѣ мы (и я прежде всѣхъ!) безсильны, и нѣтъ у Православія истинно хорошихъ защитниковъ. Юрій Николаевичъ (спаси его Господи!) бьется почти что одинъ. Но и его возраженія очень недостаточны.

Неужели же нѣтъ никакихъ надеждъ на долгое и глубокое возрожденіе Истины и Вѣры въ несчастной (и *подлой!*) Россіи нашей?.. Не знаю, что и подумать, и *чрезвычайно скорблю!..*

Возражать самъ, по многимъ и важнымъ причинамъ, не могу. Перетерлись, видно, „струны“ мои отъ долготерпѣнія—и безъ *своевременной* поддержки... Хочу поднять крылья—и *не могу! Духъ* отошелъ! Но съ самимъ Соловьевымъ я послѣ этого ничего и общаго не хочу имѣть... Жду только прочесть рефератъ, чтобы написать это ему.

И ни отъ кого другого не жду такого возраженія, *какое нужно!*

А нужно вотъ какую постановку—*прямую*:

1) Да, забота о личномъ спасеніи души есть трансцендентный *эгоизмъ*; но кто вѣритъ въ Евангеліе и Св. Троицу,

тотъ и долженъ прежде всего объ этомъ заботиться. *Альтруизмъ* же „приложится“ самъ собою.

2) *Личный* альтруизмъ можетъ смягчить и сдѣлать сносными самыя суровыя *учрежденія* (*мы глазами*, а не по слухамъ, видѣли на крѣпостномъ правѣ, при Николаѣ Павловичѣ),—смягчить настолько, *насколько нужно*; ибо излишнія смягченія массамъ *неполезны*, даже и съ христіанской точки зрѣнія: усиливаютъ гордость.

3) *Правда*, что невѣрующіе люди сдѣлали гораздо больше, не для *ощутимаго благоденствія* (это еще вопросъ), а для *уравнительнаго прогресса*, чѣмъ вѣрующіе. Но тотъ, *кто вѣруетъ*, пойметъ изъ этого не то, что хочетъ понять негодяй Соловьевъ, а то, что *самъ прогрессъ—нехорошъ*... и что до него въ сущности христіанству и дѣла нѣтъ. Оно можетъ только *допускать* его, какъ неизбѣжность, и въ житейской практикѣ мириться съ нимъ, пока онъ (прогрессъ) не идетъ противу Церкви открыто. И только.

Прочтите это Юрію Николаевичу. Я увѣренъ, что онъ согласится съ этимъ; но увѣренъ также, что такъ, „ребромъ“ онъ не рѣшится поставить вопросъ печатно.

А то, что Александръ II, Ростовцевъ, Милютинъ, Самаринъ и др. не были „безбожниками“—это возраженіе въ высшей степени *невыгодное*. Во-первыхъ, въ *степени* церковности этихъ дѣятелей позволительно сомнѣваться. Думаю, что большинство ихъ было одинаково далеко и отъ „безвѣрія“ и отъ истинно-церковнаго христіанства. Они были всѣ именно „умѣренные либералы“; не отвергали и не *руководились*, не *подчинялись*. Самаринъ позволилъ себѣ напечатать, что есть „нравственные атеисты“, которые ближе къ Богу, чѣмъ многіе „Благовѣрные“, „Высокопреподобные“ и т. п. Вотъ ихъ (славянофиловъ) церковность! Ни от. Амвросій, ни Филаретъ или Никаноръ, ни Тихонъ Задонскій—этого бы не сказали. Моей племянницѣ, Марьѣ Владиміровнѣ, просившей у от. Амвросія разрѣшенія молиться за отца (который, умирая, торжественно отказался принять священника), старецъ далъ *особую* молитву, гдѣ испрашивается *пощада* у Бога въ томъ, что она, по личному чувству, дерзаетъ за безбожника молиться...

Вчера былъ у меня кончающій курсъ и весьма умный академикъ Поповъ (знакомый Тихомирову); онъ тоже жало-

вался на это возраженіе Говорухи и очень вѣрно замѣтилъ: „Всѣ эти дѣятели, конечно, не постольку были эмансипаторы, поскольку они были религіозны, а *постольку, поскольку прониклись европейскими идеями*“! Вполнѣ вѣрно! Вполнѣ!

И еще—объ „эгоизмѣ“. Если-бы покойный старецъ Амвросій 25-лѣтнимъ юношей *не думалъ бы исключительно* о спасеніи *своей* души, если бы не вдохновлялся тогда тѣмъ, что я зову *трансцедентальнымъ* (загробнымъ) эгоизмомъ, а думалъ бы о томъ, чтобы улучшать земную жизнь другихъ, то изъ него вышелъ бы или гордый и раздраженный, или пустой человѣкъ; но думая десятки лѣтъ лишь о *своемъ* спасеніи, онъ сталъ великимъ спасителемъ другихъ: онъ спасъ Ѳ. П. Чуфрина отъ самоубійства; онъ меня окаяннаго и многогрѣшнаго поддерживалъ на правомъ пути въ теченіи 17 лѣтъ; онъ *многое* множество другихъ людей обращалъ, утѣшалъ, исправлялъ и т. д.

Вотъ такъ надо брать это дѣло *за корень*! *Грубо*, ясно, смѣло. А необходимо.., Да! *эгоисты;* но такъ нужно. Да! невѣрующіе сдѣлали революціи и реформы. *Оттого* они и скверны... *И прогрессъ есть разложеніе...*

А такъ (кромѣ меня, *прежняго*) никто не хочетъ писать...

Я же *теперь*, по *предсмертному завѣту* моего великаго учителя, буду писать впредь или по *нуждѣ* (денежной), которой, слава Богу, сейчасъ нѣтъ, или по *большой* ужъ охотѣ, которой быть не можетъ у 60-лѣтняго человѣка, давно уже утомленнаго молчаливымъ презрѣніемъ однихъ и недостойнымъ предательствомъ другихъ.

Господи! Зачѣмъ вы всѣ такъ *осторожны?* Ужъ не „практичность“ ли какая-нибудь? Смотрите, пересолить не долго. Есть всему *время*; иной разъ и эта кажущаяся „практичность“ бываетъ въ высшей степени непрактична.

Это отчасти и къ Вамъ, мой добрый другъ, Ан. Ал., относится. Я помню и у Васъ что-то: „Ангелы кротко“ и т. д.

Изгнать, изгнать Соловьева изъ предѣловъ Имперіи нужно, а не... И т. д.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо LXV.

31 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Другъ мой! На ваше маленькое письмо отвѣчаю большимъ. *Почти* угадалъ, что это *Вы*—авторъ статьи „Какого вы духа?“ Колебался между Чуфринымъ и Вами, но уже до полученія Вашего письма рѣшилъ въ Вашу пользу на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) *Языкъ* проще и чище, чѣмъ у Ѳ. П., который съ трудомъ еще отвыкаетъ отъ изысканныхъ выраженій; 2) *Письмо мое* было послано *Вамъ*, и въ немъ были нѣкоторыя мысли, прямо вошедшія въ статью; 3) Чуфринъ гостилъ у меня три дня и уѣхалъ вечеромъ наканунѣ появленія статьи,—когда жъ было успѣть? 4) По его личному, страстному, а не только духовному, чувству къ от. Амвросію, онъ не позволилъ бы себѣ сказать то, что мы сказали: „еслибы смолоду от. Амвросій“ и т. д.., „то, можетъ быть, изъ него вышелъ бы пустой или раздраженный человѣкъ“...

Доволенъ ли я? Я уже В. А. Грингмуту писалъ (при случаѣ), до чего доволенъ, и безкорыстно и по окаянности моей (т. е. по тщеславію). Вообще — эта полемика и радуетъ меня и волнуетъ. Я все боюсь, чтобы Соловьевъ не вывернулся; но, видно, Грингмутъ и Говоруха не пожалѣли трудовъ, не полѣнились запастись справками. А я? Я могу только молиться за нихъ, благословлять ихъ, восхищаться ихъ возраженіями,—и только!.. Ветеранъ, инвалидъ, безсильно, но радостно машущій костылемъ своимъ, при чтеніи о подвигахъ и побѣдахъ своихъ соотчичей...

Впрочемъ, хочу чужими руками жаръ загребать... Попытаюсь хоть совѣты давать. Надо бы, *по напечатаніи реферата* (хотя бы и въ искаженномъ видѣ), чтобы *духовенство* наше, наконецъ, возвысило свой голосъ. Можно бы предложить Иванцову-Платонову или Сергіевскому... А лучше всего было бы, еслибы г. Петровскій обратился съ просьбой къ Великому Князю Сергѣю Александровичу уговорить митрополита Іоанникія, чтобы онъ сказалъ самъ проповѣдь противу этого смѣшенія христіанства съ демократическимъ прогрессомъ, или обнародовалъ какое-нибудь краткое посланіе къ своей паствѣ. Скажутъ: *много чести*? Я не согласенъ. Преосв.

Никаноръ удостоилъ же вниманія своего Л. Н. Толстого; а что такое проповѣдь этого самодура и юрода сравнительно съ *логическою* и связною проповѣдью сатаны—Соловьева!

Не надо переходить въ такой практичности черезъ край (т. е. *не прославлять* посредствомъ „анаѳемы"). Изъ двухъ золъ: еще нѣсколько больше прославить и оставить паству въ недоумѣніи,—конечно, первое лучше. Это разъ. А сверхъ того, хотя я лично еще не видалъ ректора здѣшней академіи от. Антонія (онъ у меня былъ, но засталъ спящимъ послѣ обѣда,—а теперь самъ боленъ; но мы обмѣнялись книгами и т. д...), но непремѣнно напишу ему письмо, въ которомъ буду *умолять* возразить Соловьеву. Опасаюсь только, что онъ самъ (по нѣкоторымъ признакамъ) либералъ-демократъ; но, однако... въ какой мѣрѣ? Не въ такой же, въ какой сталъ Соловьевъ.

И еще: не хотите ли Вы съ В. А. Грингмутомъ и Говорухой, чтобы я написалъ епископу Ѳеофану, затворнику Воронежскому? Говорятъ, онъ отвѣчаетъ на письма.

Если Вы, по совѣщаніи, найдете, что это хорошо, то надо собрать мнѣ всѣ №№ *„Московск. Вѣдом."*, въ которыхъ была и будетъ эта полемика, для отправки къ нему. И *непремѣнно книжку* журнала (*„Вопросы Философіи и Психологіи"*), гдѣ будетъ рефератъ. *Своихъ* №№ я не отдамъ никому. Ѳеофанъ—*старецъ*, и притомъ болѣе *ученый*, чѣмъ от. Амвросій и другіе.

Я предлагаю такого рода планъ: *сперва* добиться, чтобы духовенство возвысило голосъ,—тогда для недоумѣвающихъ все будетъ ясно и авторитетно. *Потомъ*, когда этого добьемся, употребить всѣ усилія, чтобы Вл. Соловьева выслали (навсегда или до публичнаго покаянія) за границу. Государство Православное не имѣетъ права все переносить молча! И, *наконецъ*, по *высылкѣ*, сдѣлать секретное цензурное распоряженіе такого рода: *его* книгъ не выпускать; но если кто вздумаетъ писать о Вл. Соловьевѣ, то *можно*, но подвергать, по исключенію, *предварительной цензурѣ* даже и *назначенное для безцензурныхъ изданій:* опроверженія, нападки—хорошо; защита—нельзя.

Л. А. Тихомировъ очень этого (высылки) боится, полагая, что это создастъ ему окончательный „ореолъ". Но, во-первыхъ, если и такъ, то что же дѣлать? Видно, этихъ „орео-

ловъ“ не избѣжишь при серьезной борьбѣ. А во-вторыхъ, при такихъ сужденіяхъ забывается то легкомысліе и даже та подлость, которыя свойственны всякой публикѣ, а нашей пустоголовой и подавно. *Забываютъ* дряни всякаго,—только замолчи или удались. Чернышевскаго, на моихъ глазахъ, при жизни какъ разъ забыли; Герцена почти вдругъ бросили и т. д.

У насъ этотъ „ореолъ мученичества за идею“ — соломенный: ярко вспыхнетъ—и потухнетъ скоро. Ну, да и страхъ что-нибудь да значитъ для будущихъ писателей: не всякому хочется въ изгнаніе.

И еще соображеніе касательно *самого Соловьева*. Что онъ будетъ дѣлать за-границей? Положимъ, онъ можетъ писать по-французски... Но что? Съ *настоящими вѣрующими* католиками онъ тоже несогласенъ; они гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ нему. Третьяго года А. П. Саломонъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и тонко-образованныхъ русскихъ людей, какихъ только я зналъ,—человѣкъ увлекающійся и сложный (въ одно и то же время приверженецъ от. Амвросія и горячій почитатель Соловьева),—говорилъ мнѣ, что *іезуиты Соловьевымъ очень* недовольны, и будто говорили ему (въ Парижѣ):

— Мы Вашу книгу „La Russie et l'Eglise Universelle“ не одобряемъ (несмотря на благословеніе Папы,—данное, впрочемъ, *автору*, а не *книгѣ*... Вѣжливость!) и будемъ ея вліянію всячески препятствовать. Мы не находимъ полезными какія-то массовыя, національныя движенія для соединенія Церквей; мы занимаемся только-*личнымъ уловленіемъ душъ*.— (Т. е. тѣмъ же, чѣмъ и у насъ вѣрующіе рады заниматься).

Что же ему будетъ дѣлать *между* католиками и атеистами-демократами? Тамъ все рѣзче и яснѣе, чѣмъ у насъ по этой части. Придется, чтобы вліять и имѣть успѣхъ, сдѣлать что-нибудь одно изъ двухъ, „сѣсть на одинъ изъ стульевъ“ (между которыми онъ сидитъ теперь, по выраженію Грингмута): или отречься разомъ и отъ демократіи и отъ православія *уже явно*, т. е. перейти окончательно *и лично* въ чистый и прямой католицизмъ,—тогда у насъ отъ него отступятся и всѣ наши нигилисты и всѣ недоумѣвающіе полуправославные; или же стать открыто на сторону дальнѣйшей

революціи и объявить, что Папство и Православіе — одинаково *вздоръ*! Куда же тогда улетитъ его прежняя слава, какъ *мистика?* Или, наконецъ, продолжать висѣть въ уныніи, безсильномъ раздраженіи и безъ практическаго вѣса—между небомъ и землей...

Изгнаніемъ можно этого достичь, снисхожденіемъ въ Россіи—никогда! Вотъ о чемъ совѣтую подуматъ въ редакціи „*Моск. Вѣдом.*“ Прочтите имъ все это.

Принялся, наконецъ, сегодня передѣлывать извѣстную Вамъ статью для Цертелева (насчетъ Астафьева). Батюшка велѣлъ кончить. И теперь думаю: Господь избавилъ меня отъ печальной и тяжелой бѣды; хорошо, что онъ (Соловьевъ) прошлаго года поссорился съ Цертелевымъ за жидовъ и отказался отъ *роли судьи моего*,—такъ что теперь я ему ничѣмъ не обязанъ и могу свободно прервать съ нимъ. Жду только реферата, чтобы написать ему письмо, яко мытарю и язычнику.

Отъ *моихъ*, вообразите, около мѣсяца—ни слова. До чего Варя-то лѣнива стала! Это ужасно.

Вашъ *К. Леонтьевъ*.

Письмо LXVI.

Ан. Ал. Александрову.

(Загадка).

За упоминаніе (на лекціи, которая была въ „*Московск. Вѣдом.*“) [110]) котораго историческаго *дѣятеля* (времени Екатерины II) я наиболѣе благодаренъ?

К. Леонтьевъ.

---

[110]) Здѣсь говорится о моей вступительной лекціи, какъ приватъ-доцента. Пытаясь разрѣшить заданную мнѣ загадку, я отвѣтилъ, полушутя, полу-серьезно, что колебался между Тихономъ Задонскимъ и Емелькой Пугачевымъ и рѣшилъ въ пользу Пугачева, потому что рѣшеніе вопроса въ пользу Св. Тихона было бы для К. Н. слишкомъ просто, прямолинейно. Угадалъ я или нѣтъ, такъ и осталось для меня загадкой, потому что уста, загадавшія ее, не успѣвъ мнѣ отвѣтить замолчали навѣки. *А.*

